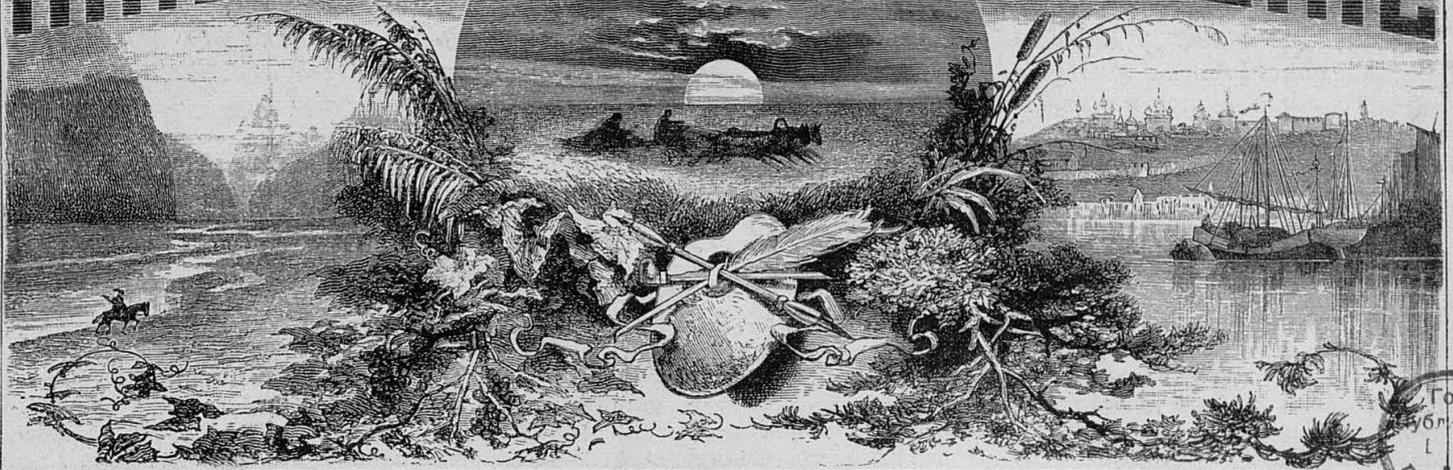

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1898 ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»

СЪ ДВѢНАДЦАТЬЮ КНИГАМИ ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ (ВЪ ФОРМАТѢ БОЛЬШИХЪ ЖУРНАЛОВЪ), 40 НУМЕРАМИ «ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЙ ХРОНИКИ», 12 НУМЕРАМИ «НОВѢЙШИХЪ МОДЪ», 12 РАСКРАШЕННЫМИ КАРТИНАМИ, 12 ВЫЯРОЙКАМИ, 12 МУЗЫКАЛЬНЫМИ ПЬЕСАМИ, ОБРАЗЦАМИ ВЫПИЛОВЧНЫХЪ И ДАМСКИХЪ РАБОТЪ, СТѢННЫМЪ КАЛЕНДАРЕМЪ И ДРУГИМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

НА ГОДЪ (съ доставкою въ Сиб. и пересылкою по Имперіи) . . . . . 8 р. { БЕЗЪ ДОСТАВКИ на годъ: въ Сиб. 7 р. — Въ Москвѣ . . . 7 р. 75 к.
 „ ПОЛГОДА (съ доставкою). 4 р. — НА ТРИ мѣсяца (съ доставкою). 2 р. { ЗАГРАНИЦУ на годъ (съ книгами) . . . . . 16 р. —

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

«Первобытныя времена». Съ картины Анны Ли-Мерриттъ. Гравироваль В. Адтъ.

НОВЫЙ ГОДЪ ВЪ ГОРНОЙ БУХАРЬ.

О черкы.

МУСУЛЬМАНСКИЙ Новый годъ празднуется весной послѣ уразнаго мѣсяца рамазана, что соотвѣтствуетъ началу мѣсяца марта. Мнѣ пришлось встрѣчать этотъ чужой Новый годъ въ одномъ изъ самыхъ глухихъ уголковъ Бухарскаго ханства, гдѣ и вообще то плоды просвѣщенія не достигли большой зрѣлости. Все-таки дѣло было въ городѣ, гдѣ я гостила у Бека, соединяющаго въ своей особѣ званія губернатора, председателя окружнаго суда, директора государственнаго банка и проч., и проч. и имѣющаго полное право приказывать перепилить на базарѣ горло любого изъ своихъ подчиненныхъ. Къ чести моего хозяина скажу, что этимъ правомъ онъ не пользовался, чѣмъ и заслужилъ, какъ это почти всегда бываетъ, два совершенно противоположныхъ сужденія. Нѣкоторые говорили: «очень хорошей у насъ Бекъ; хотя заклетъ *) беретъ не меньше другихъ, но за то до сихъ поръ еще никого не зарѣзалъ».

Другіе же, болѣе склонные къ репрессивнымъ мѣрамъ, посмотрѣвъ, нѣтъ-ли кого-нибудь изъ приближенныхъ ихъ властителя, скороговоркой произносили: «чортъ его знаетъ, что это за Бекъ, заклетъ деретъ не меньше другихъ, а до сихъ поръ еще никого не зарѣзалъ!»

Что касается меня, я была перваго мнѣнія и находила его умнымъ, много видѣвшимъ старикомъ, интереснымъ собеседникомъ и, въ сущности, добрымъ человѣкомъ, конечно, не чуждымъ общему мусульманскимъ порокамъ: лъстивости, хитрости и корыстолюбія, что ничуть не мѣшало мнѣ очень любить его общество и проводить долгіе вечера, усѣвшись на медвѣжьей шкурѣ въ той позѣ, какъ обыкновенно изображаютъ «турку» на вывѣскахъ табачныхъ лавочекъ, грызя приторныя восточныя сласти, запиная ихъ зеленымъ чаемъ изъ плоскихъ маленькихъ чашечекъ и жадно слушающаго неторопливые рассказы важнаго сѣдо-бородаго старика, въ бѣлоснѣжной чалмѣ и пестромъ шелковомъ халатѣ. Онъ рассказывалъ мнѣ о блестящемъ прошломъ мусульманскаго міра, о Теймурѣ — завоевателѣ, о своей далекой юности, о взятіи Самарканда русскими, чего онъ былъ очевидцемъ, о своемъ пророкѣ, который современемъ возстановитъ мусульманское владычество и т. п. И какимъ горячимъ, юношескимъ блескомъ загорались подчасъ эти потухшіе, старческие глаза, какъ выпрямлялся сгорбленный станъ, какою глубокою вѣтрою дышали слова, даже чама дѣлалась какъ будто еще бѣлѣе, а цвѣты халата такъ же ярко цвѣтели, какъ тѣ чудныя восточныя легенды, которыя мнѣ рассказывалъ этотъ оживающій представитель оживающаго государственнаго строя. Но дѣло не въ этомъ. Итакъ, я пріѣхала въ гости къ Беку какъ разъ подѣ мусульманскій Новый годъ.

Старикъ, по обыкновенію, радушно встрѣтилъ меня, наговорилъ кучу вычурныхъ комплиментовъ и сказалъ, что я пріѣхала какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ завтра начнется цѣлый рядъ празднествъ, которыми онъ будетъ радъ развлечь меня.

На другой день, утромъ, ко мнѣ явился одинъ изъ безчисленнаго челядья Бека и доложилъ, что всѣ отравились въ мечеть, гдѣ будутъ ждать меня, чтобы вмѣстѣ ѣхать на тамашу, т. е. зрѣлище. Узнавъ, что тамаша будетъ происходить недалеко за городомъ, я хотѣла пойти туда пѣшкомъ, но мой собеседникъ рѣшительно воспротивился этому, говоря, что подобный поступокъ нарушитъ всѣ правила бухарскихъ приличій, если гостя Бека пойдетъ пѣшкомъ; да и просто онъ, Саидъ Мурадъ, не понимаетъ, какъ можно, имѣя хорошую лошадь, утомлять собственные ноги. Дѣлать нечего, пришлось облачиться въ череску и ѣхать въ мечеть въ сопровожденіи вѣстового Бондаренки и нѣсколькихъ человѣкъ мѣстныхъ нукеровъ (слугъ).

Мы подѣхали какъ разъ во-время: молит-

ва кончилась, и всѣ ждали только знака, чтобы сѣсть на лошадей. Наконецъ, изъ мечети вывели подѣ руки Бека, одѣтаго въ богатый атласный халатъ на кушемъ мѣху, и усадили его на лошадей. Всѣ вскочили въ сѣдла и выстроились по старшинству. Впереди ѣхалъ Бекъ, за нимъ большіе чиновники, съѣхавшіеся къ этому дню со всего бекства, за ними слуги Бека, потомъ пріѣзжая челядь и т. д. «А гдѣ же ханымъ?» освѣдомился мой хозяинъ. Я подѣхала къ нему съ неизбѣжнымъ «Ассаламалейкумъ».

— Боже мой, да ты ли это, ты совсѣмъ мальчикомъ стала.— Я отвѣтила, что я всегда такъ ѣзжу верхомъ и что всѣ привыкли видѣть меня такъ на улицахъ его города. «Это вѣрно, если бы ты подѣхала въ твоей куртѣ (женское бухарское платье, которое я носила дома за невозможностью найти въ этихъ мѣстахъ ни одной «Madame Popoff modes et robes de Paris») со всѣми твоими погрешностями, моя тамаша пропала-бы: всѣ стануть смотреть на тебя». Я спросила, не нарушаю ли я ихъ этикета тѣмъ, что ѣду рядомъ съ нимъ?

«О, нѣтъ, всѣ-же знаютъ, что ты моя дочь, нури чѣмъ-мэн» (свѣтъ очей моихъ). Мы въѣхали за городъ. Хороша весна въ Горной Бухарѣ съ ея холмами и равнинами, покрытыми нѣжною, какъ бархатъ, зеленой травой, съ моремъ нарциссовъ, тюльпановъ, дикаго мака и еще какихъ-то странныхъ пахучихъ лиловыхъ цвѣтковъ, и только на горахъ, кольцомъ охватившихъ Кулябскую долину, искрится на яркомъ весеннемъ солнцѣ, бѣлый, какъ сахаръ, снѣгъ.

Воспользовавшись тѣмъ, что мой конь, обладавшій очень спокойнымъ характеромъ, успѣлъ укунить своего сосѣда, я отскакала въ сторону и взглянула на нашъ кортежъ.

Было на что посмотреть: кони—одинъ другого краше, халаты—одинъ другого ярче, впереди рышій красавецъ Бека подѣ расшитымъ чепракомъ, въ уздечкѣ и нагрудникѣ съ наборомъ чистаго золота, звенѣвшимъ на каждомъ шагу, — все это блеснуло и переливалось всѣми цвѣтами радуги подѣ ласковыми лучами весенняго солнца.

Тамаша происходила въ маленькой котловинѣ, вокругъ которой высились амфитеатромъ небольшіе холмы, сплошь усѣянные массой правовѣрныхъ, сидѣвшихъ на корточкахъ и смотрѣвшихъ на тамашу, которая была уже въ полномъ разгарѣ. Шумъ стоялъ невѣроятный. Лошади бѣснлись и ржали; публичка съ увлеченіемъ болтала, бранилась, грызла фисташки, и, не смотря на присутствие блюстителей порядка съ палками въ рукахъ, порядка замѣтно не было. Тутъ-же неподалеку торговали въ насоро выстроенныхъ балаганахъ мѣстные купцы и ремесленники, переселившіеся сюда съ базара на время праздниковъ.

Мы вошли въ большую пеструю палатку, поставленную на склонѣ холма такъ, что изъ нея все было видно какъ на ладони.

Всѣ услыли, строго соблюдая мѣстничество; на меня, конечно, это правило не распространялось, и я пересаживалась туда, гдѣ разговоръ казался мнѣ забавнѣе.

На импровизированной сценѣ, охваченной тремя рядами зрителей, за которыми толпились всадники, находившіе болѣе удобнымъ и безопаснымъ смотрѣть съ лошадей, сидѣли пѣвцы съ разнообразными музыкальными инструментами и по очереди пѣли пѣсни преимущественно лирическаго характера. Я слышала много восточныхъ пѣвцовъ и музыкантовъ и, сказать по правдѣ, не была особенной поклонницей гортанной восточной музыки съ ея дикими для европейскаго уха переходами, но именно въ этомъ уголкѣ Бухары мнѣ пришлось слышать стройные граціозные мотивы, въ которыхъ были и вкусъ, и музыкальная мысль. Говорятъ, что эти пѣвцы греческаго происхожденія и были сюда занесены сетаками великой арміи Александра Македонскаго. Не знаю, насколько это правда; если это такъ, то остается только удивляться живучести пѣсни. Что касается словъ, въ нихъ не было ничего

античнаго, это были просто восточныя любовныя пѣсенки; я приведу пару для примѣра, хотя онѣ и проиграла отъ моего слабаго перевода.

Когда ты идешь за водою,
Безпечно откинувъ лату,*)
Припавши за сѣрой скалою,
Съ тебя я очей не сведу.

* * *

Какъ роза подѣ вѣтра лобзаньемъ
Колѣблется станъ молодой,
Подѣ ярко-цвѣтнымъ одѣяньемъ
И бѣлой прозрачной ланой.

* * *

И только объ этомъ Аллаха
Молю я и ночью, и днемъ,
Чтобъ ты безъ сомнѣнья и страха
Вошла бы съ кувшинномъ въ мой домъ.

Ты создана затѣмъ, чтобъ возбуждать желанье
Объятій жаркихъ въ тишинѣ ночей.
Не я одинъ испытывалъ страданье
Отъ жгучей прелести агатовыхъ очей.

* * *

Но часто вижу я, что слѣдомъ за тобою
Соперникъ мой, какъ тѣнь твою, идетъ,
И говорю себѣ съ равниною тоюю:
„Отъ жизни смерть на шагъ не отогаетъ“

* * *

Измученный пришелъ я ко дверямъ хакима **)
И, постукавъ, отвѣта долго ждалъ.
Но, выйдя, онъ сказалъ: „болѣзнь неизлечима;
Лекарствомъ можетъ быть лишь губъ ея коралль“.

* * *

О, если есть въ тебѣ хоть капля сожалѣнья,
Не дай погибнуть мнѣ, цѣдуя меня сюрѣй...
Но вижу для тебя игра-мои мученья,
И жгетъ меня огонь насмѣшливыхъ очей.

Подѣ эту музыку и пѣнье происходили танцы. На разостланной большой ковѣ выходили танцоры или, какъ ихъ здѣсь называютъ, джеваны.

Пестро одѣтые, красивые мальчики съ бубенчиками на ногахъ сперва медленно, потомъ быстрее двигались въ тактъ музыки. Танецъ собственно состоялъ не въ различныя па, а въ позахъ и тѣлодвиженіяхъ, подчасъ граціозныхъ, подчасъ, на мой вкусъ, безобразныхъ. Танцовали не ноги, а руки, грудь и плечи, только лицо оставалось неподвижнымъ, какъ у сфинкса; даже полузакрытые глаза и надменно страстная складка губъ напоминали египетскую загадку.

Въ нашей палаткѣ было чинно и скучно. Мнѣ надобно разговоры о заклетѣ, свербныхъ дорогахъ черезъ горы, о цѣнахъ на ячмень и запоздавшія сплетни бухарскаго двора. Я попросила у Бека позволенія уйти (этого требуетъ бухарскій этикетъ).

Старикъ обезпокоился: «развѣ тебѣ не нравится тамаша?»

Я отвѣтила, что тамаша не оставляетъ желать ничего лучшаго, но я обѣщала зайти въ кибитку-канцелярію къ его мирзамъ.

Выйдя, я увидѣла своего Бондаренку, важно засѣдающаго съ цыгаркой во рту среди второстепенныхъ бухарскихъ чиновниковъ и объясняющаго имъ на таджико-узбекско-малороссійскомъ нарѣчій, что куда же бусурьманской тамашѣ до русской ярманки, какъ небо отъ земли. Я нарушила ихъ почетную бѣдду, позвавъ проповѣдника за собой.

Вокругъ палатки Бека группировались палатки и кибитки важныхъ аборигеновъ; въ другихъ варили пищу и киятели воду для зеленого чаю.

Я вошла въ кибитку-канцелярію. Народу тутъ было видимо-невидимо. На почетномъ мѣстѣ сидѣлъ секретарь и писаря Бека; тутъ же, подѣ шумокъ, обдѣлывались крупныя и мелкія дѣлшки, приносились жалобы и просьбы, брались взятки, тутъ же раздавались секретаремъ жалованные Бекомъ халаты, имѣющіе въ Бухарѣ значеніе ордена, утвержденія въ должности, жалованья за службу.

Тутъ же сидѣли наплевашіеся до уаду джеваны.

Эти своеобразныя балерны кокетничали

*) Покрывало.

**) Доктора.

*) Подати.

не хуже любой европейской и принимали ухаживанья правотѣхныхъ всѣхъ возрастовъ.

Особенно хорошъ былъ одинъ джеванъ, ражій дѣтина дѣтъ семнадцати съ выпученными, какъ у теленка, глазами, вздернутымъ къ небу носомъ и губами бантикомъ.

Онъ безумно кокетничалъ: дѣлалъ нѣжныя мины поклонникамъ своего искусства и презрительныя по адресу подсмѣивавшихся надъ его зрѣлымъ возрастомъ и гримасами.

Не знаю, какимъ образомъ попалъ онъ въ погодное таицоры, куда выбираютъ самыхъ молодыхъ и красивыхъ мальчиковъ; очевидно, онъ пользовался протекціей.

Бондаренко былъ совершенно шокированъ его поведеніемъ и произнесъ, предвзвѣтно плюнувъ въ сторону: «ишь старается, бисова душа, ажъ уси очи наизнанку вывернулъ».

Каково же было негодованіе честнаго малоросса, когда джеванъ, желая показать полное презрѣніе къ національнымъ предразсудкамъ, подошелъ и провелъ пальцемъ по рыжику усамъ Бондаренки. Нельзя было узнать обыкновенно флегматичнаго хохла; онъ вскопился, какъ ужаленный, и схватилъ нагайку; либеральный джеванъ съ визгомъ бросился въ сторону, а я поспѣшила охладить воинственный пылъ моего личарды.

«Да вы, подвыитесь, барыня, на его пыку, сама-жъ пидь нагайку проситесь, еще за усы тягнетъ, проклятый бусурманъ».

Видя, что дѣло можетъ кончиться крупно, я встала и ушла изъ кибитки въ сопровожденіи Бондаренки, бурчавшаго иксъ-комплименты по адресу джевана. У меня разболѣлась голова отъ всего этого шума и гама; я велѣла привести нашихъ лошадей и поѣхала въ степь. Отъѣхавъ немного, я увидѣла толпу всадниковъ, съ увлеченіемъ дравшихъ козла.

Не придавая, читатель, этому выраженію русскаго смысла; у насъ «драть козла» значитъ дѣлать съ чувствомъ, но безъ голоса; въ Азіи это имѣетъ слѣдующее значеніе: на возможно ровную поляну съѣзжаются на лучшихъ скакунахъ всадники изъ окрестныхъ кишлаковъ. Одинъ изъ нихъ везетъ зарѣзаннаго и выпотроженнаго козла, котораго и бросаетъ на землю передъ наиболее почетнымъ гостемъ; этотъ поднимаетъ козла, не слѣзая съ сѣдла, и мчитъ карьеромъ по степи, другіе бросаются за нимъ и, нагнавъ, отбиваютъ добычу. Если козелъ упалъ на землю, всѣ стараются его поднять, давка происходитъ страшная, каждый, безъ зазрѣнія совѣсти, работаетъ нагайкой, лошади бѣсятся, люди падаютъ; наконецъ какой нибудь удалецъ выхватываетъ изъ подъ ногъ лошадей козла и скачетъ какъ безумный, положивъ его подъ правую ногу и взявъ нагайку въ зубы. Мнѣ почему то всегда при взглядѣ на такую фигуру, точно пришитую къ спицѣ сухого, горячаго коня, который вытянулся въ струнку и птицей летитъ по высокой степной травѣ, вспоминались «злы татаровья», дикая орда, взявшая Россію въ свои желѣзныя немытыя лапы. И не будь на свѣтѣ бездымнаго пороха и скорострѣльныхъ винтовокъ, съ этой силой пришлось бы считаться. Но теперь слабые потомки сильныхъ отцовъ довольствуются тѣмъ, что деруть безотвѣтнаго козла, да скачутъ, очертя голову, чтобы хоть этимъ отвести свою азиатскую душу.

Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока нѣсколькимъ счастливымъ не удастся разбить голову (умершій на байгѣ, т. е. дравъъ козла, считается святымъ), поломать руки и ноги, что ничуть не нарушаетъ общаго веселья, и пока кто-нибудь благополучно не домчитъ до поселка козла, обратившагося въ котлету, и не броситъ его въ первый попавшійся дворъ, хозяинъ котораго обязанъ за честь приготовить угощеніе, гдѣ важную роль играетъ тотъ же многострадальный козелъ.

Это любимая игра таджиковъ и узбековъ.

По поводу праздника, похоронъ, свадьбы, ей предаются старъ и младъ.

Насмотрѣвшись на скачку, мы двинулись дальше. Мнѣ пришло въ голову осмотрѣть старую крѣпость, давню уже мавиную меня своими полуразрушенными стѣнами и бойницами, темнѣшими точно глазныя впадины черепа въ круглыхъ угловыхъ башняхъ. Доѣхавъ до нея, я оставила Бондаренку съ лошадью и, не безъ труда, вскарабкалась по крутой тропинкѣ на холмъ, гдѣ выселись когда то грозныя стѣны, въ которыхъ время прибило не одну брешь.

Я спустилась внутрь и пошла осматривать постройки, наполнявшія крѣпостной дворъ. Большинство изъ нихъ были глинобитныя и хорошо сохранились, только крыши были наполовину разобраны и растасканы для практическихъ цѣлей, да полы густо поросли высокой травой. Какъ разъ по серединѣ виднѣлись остатки большого зданія изъ жженого кирпича со слѣдами изразцевъ, но все это было разбито, разбросано и разграблено невѣжественнымъ населеніемъ.

Насколько людно и шумно было на тамашѣ, настолько здѣсь было тихо и пустынно. Глубокое безмолвіе царило въ этомъ уголкѣ прошлаго. Смертью вѣяло отъ разрушенныхъ построекъ, отъ ступенекъ, поросшихъ травой, отъ заглохшаго, затянутаго тиной источника, который, вѣроятно, весело искрился и журчалъ былые годы и ноялъ прозрачною водою осажденныхъ обитателей крѣпости. Изъ каждой ниши, изъ каждаго угла глядѣли все тѣ же насмѣшливые глаза безпощаднаго времени. Даже весеннее солнце не красило этой картины; оно какъ бы говорило: «Да, да, когда и вы, теперешніе, уйдете туда же, когда ваши имена сотрутся съ могильныхъ плитъ, когда ваши постройки, ваша цивилизація сдѣлаются такимъ же курьезомъ, какъ эти башни и дома, я буду попрежнему аккуратно вставать и ложиться. Можетъ быть, я немного остыну, но вы то этого не увидите, нѣтъ, не увидите».

Около меня зашевелила трава: шествовали двѣ черепахи, неторопливо перебирая короткими лапами. Я щелкнула нагайкой; обѣ, какъ по командѣ, спрятались въ свои квартиры. Ихъ появленіе навело меня на мысль, что здѣсь есть, вѣроятно, и змѣи, которыхъ я очень боюсь, и я рѣшила, что пора уходить по добру по здорову. Мнѣ не хотѣлось вернуться по старой тропинкѣ; я взобралась на стѣну, чтобы ориентироваться и поискать новаго спуска. Подъ стѣной раскинулись чьи то сѣды, очевидно обитаемые, но спуска не было. Съ моего наблюдательнаго пункта открывался красивый видъ. Заходящее солнце было окружено лучами; половина ихъ раскинулась громаднымъ вѣеромъ по небу; другіе блистали на свѣжныхъ вершинахъ горъ, купались въ бурливомъ Шияжѣ, золотили зеленую траву, сѣрую дорогу, верхушки деревьевъ и плоскія крыши мусульманскихъ домиковъ. Я заглядѣлась и замечталась. Мое созерцательное настроеніе было прервано визгливымъ бабьимъ голосомъ, отчетливо произносившимъ разнородную таджикскую брань. Я оглянулась и съ грустью убѣдилась что все это относится прямо ко мнѣ.

— Ахъ, ты, паршивый мальчишка, сынъ кяфира (невѣрнаго), зачѣмъ ты торчишь здѣсь? Развѣ ты не видишь, что здѣсь женщины?

Дѣйствительно, нѣсколько мусульманскихъ дамъ съ визгомъ: «урусъ, кяфиръ» выскочили изъ подъ куста и убѣгали полнымъ карьеромъ. Я попробовала столкнуться съ разгнѣванной дузбей. — Бабушка, не сердись, я такой же мальчишка, какъ и ты. — На это поспѣла цѣлая градъ самыхъ неслестныхъ эпитетовъ.

— Или ты думаешь, что я ослѣбла въ тотъ же день, какъ ты родился, негодный? Вотъ я пошлю мужчинъ, они съ тобой поговорятъ. — Последняя угроза меня обезно-

вила, кромѣ нагайки у меня ничего не было, да если бы и было, казусъ все-таки не изъ приятныхъ. Я хотѣла прыгнуть назадъ, потеряла равновѣсіе и со скоростью шестидесяти верстъ въ часъ полетѣла, увы, не въ крѣпость, а въ арыкъ (канавка для искусственнаго орошенія) прекраснаго, зеленого сада, которымъ я всего пять минутъ тому назадъ такъ мирно любовалась съ вершины стѣны. Мой полетъ можно по слѣдующимъ соображеніямъ считать удивительно удачнымъ: во первыхъ, въ арыкѣ было воды ровно настолько, чтобы выпачкаться въ грязи съ головы до ногъ, а во вторыхъ, я разорвала рукавъ черкески и ушибла руку тамъ, гдѣ челсѣвъкъ менѣе счастливый навѣрно свернулъ бы себѣ шею.

Убѣдившись, что я жива, я не стала забѣдливаться о приведеніи своего костюма въ порядокъ, какъ это дѣлаютъ многие легкомысленные люди въ подобныя случаяхъ, а стала соображать, какъ бы благополучно улизнуть изъ чужихъ владѣній, гдѣ могли быть и сторожа, и собаки. Мои недолягія размышленія были прерваны стукомъ копытъ, я увидѣла нѣсколько благодарныхъ таджиковъ, лихо бравшихъ барьеры черезъ низенькіе заборы, отдѣляющіе одинъ садъ отъ другого и скакавшихъ по направленію ко мнѣ съ дреколіемъ въ рукахъ и съ воинственными намѣреніями въ сердцѣ. Очевидно, старую вѣдму ничуть не растрогал мой полетъ съ четвертаго этажа, напротивъ, она усмотрѣла въ этомъ съ моей стороны новыя козни, направленныя противъ беззащитныхъ красавицъ Востока.

Бѣжать было глупо. Я сѣла на камень и сдѣлала физиономію человека, невинно наслаждающагося красотами природы. Мои враги подкакали; я оглянулась и увидѣла знакомыя физиономіи пукеровъ одного купца. Физиономіи сдѣлались нѣсколько растерянными и сконфуженными. Но надо всегда быть немного дипломатомъ.

— Здравствуй, ханымъ, какъ поживаешь, какъ твоѣ здоровье? — Спасибо, понемногу, какъ ты? — Альхамдулилла, все слава Богу, время хорошее, по скоро начнется жары. — «Да, жары, это неприятно. Славная лодь тобою лошади. Можетъ быть, я сажу на дорогѣ и мѣшаю тебѣ проѣхать?»

— Нѣтъ... да... видишь ли... проклятыя бабы... сказали, что къ нимъ заѣзъ урусъ, хотѣлъ ихъ утащить... ахъ, ханымъ, всѣ несчастія изъ за женщинъ!

При взглядѣ на мой разстроенный костюмъ, я невольно согласилась съ философскимъ выводомъ моего собесѣдника.

Мы потолковали еще о томъ-о-семь, о существѣ, посланномъ въ міръ, чтобы сѣять зло и посящемъ имя женщины, о погодѣ, о тамашѣ, которую они не видѣли, такъ какъ были заняты охраной дома своего хозяина; потомъ они меня проводили на дорогу, гдѣ подъ тѣнью чинара стояли мои лошади и покоились мирнымъ сномъ Бондаренко.

— Бондаренко, лошади! — Онъ вскопился, и лицо его выразило недовѣріе и изумленіе. Онъ протеръ глаза и еще разъ взглянул на меня, но Азія удивительно развиваетъ дипломатическія способности, поэтому физиономія Бондаренки моментально приняла обыкновенное глубоко равнодушное выраженіе, и онъ почитительно произнесъ.

— Такъ что, черкесочку разорвать изволили, дозвольте вечеромъ зачѣно. Да и сонечко сѣдаетъ, время лошадей рассѣдлатъ, увисъ днѣ пидь сѣдломъ стоялы.

Это въ переводѣ на русскій языкъ значило: «пожалуйте домой, потому что вѣхатъ въ такомъ видѣ ва тамашу никакъ невозможно».

Такъ я и сдѣлала, отложивъ продолженіе тамашы до слѣдующаго дня.

Всехо.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1897 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: НА ГОДЪ (съ дост. и перес. по Имперіи). 8 р. } БЕЗЪ ДОСТАВКИ на годъ: въ Спб. 7 р. 50 к.—Въ Москвѣ. 7 р. 75 к.
 НА ПОЛГОДА (съ дост.). 4 р.—НА ТРИ МѢСЯЦА (съ дост.). 2 р. } ЗАГРАНИЦУ НА ГОДЪ (съ книгами). . . . . 16 р. —

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ, желающіе получить въ 1897 г. новый художественный альбомъ „БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ“ знаменитаго художника Густава Доре (200 картинъ съ текстомъ и въ изящной оберткѣ), уплачиваютъ 1 р. 50 к. (съ доставкой и пересылкой), а за большія олеографическія картины—уплачиваютъ одинъ рубль за каждый экземпляръ (съ доставкой). Подписчики, подписывающіеся съ разсрочкою взносовъ, могутъ получить этотъ альбомъ, а также и другія художественныя изданія, только по уплатѣ ими сполна годовой подписной цѣны за журналъ (8 р. 50 к.), а также стоимсти альбома (1 р. 50 к.) или выбранной ими картины (съ доставкой и пересылкой).

◆ Главная контора журнала проситъ гг. подписчиковъ, желающихъ получить въ 1897 г. альбомъ „БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ“, заявлять свои требованія при подпискѣ. ◆
 Подписка на получение журнала «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» безъ доставки принимается: въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ въ Главнѣй конторѣ журнала: Невскій пр. (у Аничкова моста), д. № 68—40.—Въ МОСКВѢ: въ конторѣ Н. ПЕЧКОВОЙ и въ книжномъ магазинѣ Н. КЛЕЙНА (бывшій Лидерта), Петровскія линіи, № 10.
 Главная контора журнала: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

ВЫСТАВКА КАРТИНЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ 1897 ГОДА.

«Весенняя ночь». Съ новой картины профессора Ю. Клевера.

СОКОЛИНАЯ ОХОТА ВЪ ГОРНОЙ БУХАРѢ.

(ОЧЕРКЪ РУССКОЙ ДАМЫ).

СОКОЛИНАЯ охота въ Россіи почти отошла въ область преданій, но въ Бухарѣ, гдѣ сохранился даже чинъ Кушъ-Беги, т. е. Сокольниковъ, начальник птицъ, она еще представляетъ любимый родъ спорта, въ особенности въ гористыхъ мѣстностяхъ, гдѣ псовая охота немислима. Любовь бухарцевъ къ соколиной охотѣ совершенно понятна: ружей нѣтъ, если не считать архаическія фузеи, фунтовъ въ тридцать вѣсомъ, изъ которыхъ стрѣляютъ, положивъ ее предварительно на ргатыя желѣзныя подставки, насыпавъ на полку пороху и подпавивъ его зажженнымъ фитилемъ. Провсходитъ громъ, какъ изъ пушки, по результатѣ этого выстрѣла частенько бываетъ не убитая дичь, а разбитый носъ или опаленная борода смѣлаго стрѣлка. Челюди у самаго маленькаго бухарскаго чиновника цѣлое полчище. Не говоря уже о бекахъ и амиладарахъ, для которыхъ каждый житель управляемаго города или кишлака (поселка) слуга, но и деревенскія власти—шахи, мирахуры держатъ штатъ человѣкъ по двадцати. Вся эта оборванная полуголодная банда исполняетъ различныя обязанности при дворѣ своего повелителя, который кормитъ и одѣваетъ ее сообразно съ количествомъ получаемыхъ взятокъ. Значитъ, есть кому вынашивать, выкармливать и дрессировать соколовъ—красавцевъ на заглядѣнье. Большіе, сильные, съ зоркимъ свѣтлымъ взглядомъ, острыми когтями и клювомъ, они составляютъ предметъ гордости и попеченій владѣльца и цѣнятся довольно высоко; ими же даются взятки или, какъ здѣсь говорятъ для приличія, «силы», т. е. подарокъ. Лучшіе сокола водятся въ горахъ бекства Бельжунскаго, откуда ихъ развозятъ по всей Бухарѣ. Берутъ соколовъ по возможности молодыми, вынашивать на рукѣ, одѣтой въ самодѣльную перчатку, фасонъ которой не сдѣлалъ бы большой чести Буассонаду или Жувену, и придерживая за ремешки, зашитые на ногахъ птицы; въ колпачкѣ, надвинутомъ на глазъ; морятъ голодомъ, и мало-помалу изъ необразованнаго дикаренка вырабатывается умная, послушная птица, знающая своего хозяина. Первый дебютъ молодого сокола происходитъ обыкновенно на дворѣ: по полнаго довѣрія новичекъ еще не заслужилъ, поэтому на ногу ему привязываютъ длинную бичевку. Жертвами воспитательныхъ опытовъ бывають обыкновенно перепела, пойманные съѣтъю.

Этотъ родъ охоты тоже существуетъ въ Бухарѣ, но до дудочекъ бухарцы еще не додумались, а подвсвистываютъ губами, по скольку Богъ таланта далъ.

Голодный хищникъ, освобожденный отъ стѣснительной шапочки, чувствуетъ, что его ноги и крылья свободны, но еще не вѣрять свободѣ, онъ только вздрагиваетъ, чиститъ перья, расправляетъ крылья, да дико озирается по сторонамъ. Но вотъ тяжело взлетѣлъ первый перепелъ; повинувшись врожденному инстинкту, рванулся соколъ впередъ; догнать и поймать жирную жертву—дѣло одной минуты. Воспитатель и зрители привѣтствуютъ довольными возгласами, которые необстрѣленный европеецъ легко можетъ принять за воинственный крикъ и призывъ къ оружію, первую побѣду будущаго героя, но воспользоваться ею соколу не удается: или

его сманивають на руку другимъ перепеломъ, или, если приманка не дѣйствуетъ, попросту отнимають добычу, не смотря на отчаянное сопротивленіе. Сокола пускають на второго и третьяго перепела и, если онъ хорошо словить и послушно отдаетъ, его кормятъ, но изъ рукъ, чтобы не привыкъ драгъ пойманную дичь. Понемногу его пускають безъ бичевки и, когда воспитаніе считается законченнымъ, вывозятъ въ свѣтъ на большія охоты.

Помощникамъ соколамъ служатъ мѣстные «охотничьи собаки». Я не могу придумать ничего точнѣе этого дамскаго опредѣленія собачьей породы, такъ какъ названіе ея мнѣ неизвѣстно, а бухарцы всѣхъ собакъ огуломъ, называютъ «собака» и не даютъ имъ даже кличекъ. Супругъ мой по обыкновенію быстро и безапелляционно рѣшилъ, что собаки эти просто «Мирликанской» породы или, какъ говорятъ, собачья выставка, т. е. всѣхъ породъ понемногу; но я не раздѣлила его мнѣнія и, приглядѣвшись внимательнѣе, нашла общій типъ бухарской охотничьей собаки, который и постараюсь описать возможно точно: можетъ быть, человѣкъ знающій и опредѣлитъ эту породу. Бухарская собака маленькаго роста, не болѣе шести-семи вершковъ; рубашка въ большинствѣ случаевъ темно-шоколадная или бѣлая съ коричневыми подпалами; шерсть густая, средней длины, мягкая, гладкая; уши длинныя, покрытыя болѣе шелковистою шерстью, чѣмъ на тѣлѣ; морда скорѣе острая, чѣмъ тупая; тѣло и ноги стройныя, пропорціональныя; о хвостѣ ничего не могу сказать, такъ какъ бухарцы его обрубають, что, по ихъ мнѣнію, сохраняетъ собаку чутѣе и увеличиваетъ злостность. Вообще бухарская собака немного напоминаетъ сеттера въ миниатюрѣ, только морда у нея поострѣе. Чутѣе у нихъ хорошее, но стойки по дичи онѣ не дѣлають, а просто выгоняють утокъ, курочекъ и фазановъ. Ищутъ и выгоняють безъ лая. Вотъ и все, что я могу сообщить о бухарской собакѣ.

Съ соколомъ ходятъ на охоту въ одиночку; этимъ обыкновенно занимаются поставщики дичи на барскій столъ. Гораздо интереснѣе большая охота, на которую съѣзжается за сто верстъ кругомъ бухарское начальство со всѣми присными.

Тутъ дѣйствительно есть на что посмотреть, начиная съ лошадей и соколовъ и кончая пестрыми костюмами важныхъ представителей власти и правосудія.

Мнѣ пришлось участвовать въ такой охотѣ, благодаря любезности сосѣда—бека.

Въ началѣ мое появленіе верхомъ по мужски на лошади въ сопровожденіи переводчика, въ невиданномъ здѣсь черкесскомъ сѣдлѣ и костюмѣ, вызвало цѣлую сенсацію. Что я ѣзжу верхомъ въ мужскомъ сѣдлѣ, это никого не удивило, здѣсь, по горамъ, нѣтъ другого способа передвиженія, и мѣстные дамы ѣздить также, но шажкомъ и закутавъ въ большинствѣ случаевъ красивую мордочку головнымъ покрываломъ.

Но женщина, ѣдущая на охоту, это нѣчто вродѣ Бѣлаго Арана, Сіамскихъ Близнецовъ и тому подобныхъ удивительныхъ вещей. Многіе изъ присутствующихъ въ первый разъ въ жизни видѣли европейскую женщину, но у нихъ хватило достаточно силы воли,

чтобы сдержатъ порывы своей любознательности и не потрогать меня руками, какъ это часто дѣлають европейцы, наши русскіе пейзаисты, при видѣ какого-нибудь чуда природы, и желая убѣдиться «всамдѣлшнее» ли оно?

Впрочемъ, глазъ человѣческой скоро приываетъ къ самымъ великолѣпнымъ произведеніямъ природы и искусства, поэтому черезъ полчаса, видя, что я не валюсь съ лошади, держусь за поводья, а не за хвостъ и, выслушавъ объясненія хозяина бека, который я поняла приблизительно такимъ образомъ, что, молъ, вы, друзья мои, не удивляйтесь, это женщина русская (зэнэ урусси), а на нихъ законъ не писанъ: она не только на охоту ѣздитъ, но даже письма пишетъ и съ мужемъ изъ одной тарелки ѣстъ, чего же вамъ еще?!

Мои спутники успокоились, освоились съ моимъ обществомъ, забросали самыми нецѣлыми вопросами и, въ заключеніе, предложили мнѣ перейти въ мусульманство и выбрать любого изъ нихъ.

Въ этихъ пріятныхъ разговорахъ мы выѣхали изъ кишлака въ поле, гдѣ мнѣ было произведено строгій экзаменъ верховой ѣзды; т. е. пускали лошадей карьеромъ и ждали, когда «зэнэ урусси» закопаетъ рѣпу; но этого, слава Богу, не случилось, мѣсто было ровное, лошадь подо мной рѣзвая и крѣпконогая.

Глядя на эту пеструю картину, невольно приходили на память выѣзды тишайшаго царя Алексѣя Михайловича на потѣху соколиную. Право, можно было бы найти много аналогичнаго. Крупныя, горячія лошади, потомки знаменитыхъ аргамаковъ, такъ дорого цѣнившихся въ Россіи; азіатскія сѣдла съ плоскимъ арчакомъ обѣ одной лужѣ, покрытыя яркими золотомъ шитыми чапками; уздечка вся увѣшанная серебряными украшениями; сапоги аль-сафьянъ на высокомъ узкомъ каблукѣ; шуба барашекъ мелкій, крыта бархатъ-синь со травы серебряныя, бобрѣмъ оторочена; на правой рукѣ младъ ясенъ соколъ пожимъ бубенчиками тихо позвякиваетъ...

Вотъ только голова подпортила: вмѣсто высокой «горлатной» шапки бѣлѣтъ чалма, обернутая вокругъ пестрой тибетейки. Если бы надѣтъ на нихъ бобровыя шапки, да вмѣсто ястребиныхъ азіатскихъ носовъ придѣлать добродушные русскіе, кому рѣпой, кому луковицей, отличные бы бояре вышли. Мы выѣхали въ большую котловину. По берегу рѣки тянулись поскѣвы хлопка; налѣво, вплоть до горъ раскинулась степь, покрытая высокой побурѣвшей травой (дѣло было въ сентябрѣ мѣсяцѣ) и мелкимъ кривымъ кустарникомъ.

Таборъ нашъ разбился на партіи, разѣхавшіяся въ разныя стороны. Бекъ, я, его сынъ и свита двинулись по направленію къ горамъ. Лошади шли широкой ходой, едва поспѣвая за собаками и тремя пѣшими псариами, которые бѣжали легкой шпеходью и усыкали собакъ на таджикскомъ діалектѣ. Съ соколовъ сняли шапочки. Собаки выгнали перваго фазана; пулей ринулся за нимъ громадный соколъ бека, извѣстный во всемъ округѣ своими качествами. Испуганный фазанъ бросился къ землѣ, надѣясь спрятаться въ густой травѣ, откуда его спузили соба-

ги, да не успѣлъ онъ унасть на землю, налету вонзился въ него острыя когти сильнаго врага, опустившагося вмѣстѣ со своей добычей.

Нѣсколько мгновенья сидѣлъ соколы, сжимая и разжимая когти, наслаждался судорогами полумертвой жертвы. Онъ не клевалъ ее; онъ только котилъ, устремивъ въ даль безмысленный и жестокой взглядъ своихъ желтыхъ прозрачныхъ глазъ. Соколыничій бека прыгнулъ съ лошади, вынулъ изъ за пазухи перепелку и началъ махать ею передъ глазами сокола, тотъ, думая, что это новая дичь, а можетъ быть въ силу принциповъ и понятій о долгѣ, бросилъ пытавшагося убѣжать фазана и сѣлъ на руку соколыничему, который и передалъ его беку. Фазану оторвали голову, чтобы выпустить кровь, что необходимо по мусульманскому закону, и бросили его въ мѣшокъ.

Мы двинулись дальше. Дичи было много; курочки поднимались цѣлыми стаями, и начиналась настоящая потѣха: или два сокола брали одну курочку и дрались на воздухѣ, или какой-нибудь юный и неопытный джентльменъ соколиной породы, увидѣвъ такую массу дичи, метался, какъ офицеръ-дирижеръ на балу у московскаго купца-милліонера, выбирая птичку пожирвѣй; упускалъ моментъ и оставался при нѣко омъ интересѣ къ великому конфузу хозяина и общему удовольствію почтенной публики.

Наохотившись, наморившись, мы поѣхали

въ сосѣдній кишлакъ къ агъ-сакалу, т. е. старшинѣ, гдѣ для насъ былъ уготованъ отдыхъ и угощеніе—достарханъ.

Знаешь ли ты, читатель, что есть достарханъ?

Это одинъ изъ глупѣйшихъ обычаевъ, которые мнѣ когда либо приходилось видѣть.

Пріѣзжаетъ человекъ въ гости; обыкновенно издалека, верстъ за 20, за 30, а часто и за 50, и за 100; хозяинъ предупреденъ о пріѣздѣ, ждетъ его. Казалось, чего бы проще приготовить гостю закусить да поплотиѣ, не тутъ-то было: входите вы въ мехманъ-ханэ, т. е. домъ для гостей, который имѣется во всякомъ бухарскомъ поселкѣ, и глазамъ вашимъ представляется чудная, но обманчивая, какъ миражъ туркестанскихъ пустынь, картина: длинный столъ, тѣсно уставленный безконечнымъ количествомъ тарелокъ, блюдецекъ, подносиковъ, чашечекъ, но «не сѣвши, усталый путникъ, къ берегу золотому»... и всѣ эти чашечки, блюдецки, подносики наполнены можетъ быть и хорошими, но совершенно несвоевременными вещами. Тутъ и кишмишъ, и сахаръ, и шептала, и миндаля, и орѣхи нѣсколькихъ сортовъ, и какія-то бѣлыя, приторныя бухарскія конфеты съ горохомъ въ серединѣ, и (признакъ богатства и цивилизованности хозяина) русскіе мармеладъ и леденцы съ трогательными и поучительными билетиками, которыхъ бухарцы къ сожалѣнію не могутъ прочесть и прочувствовать, и напросы треть-

яго сорта, извѣстныя подъ названіемъ «махоръ très fort», и яблоки, и гранаты, и чего, чего тутъ нѣтъ... но все это—камень, просящему хлѣба.

Человѣкъ не ѣлъ съ утра, а его пичкають разною сладкой дрянью. Впрочемъ, угощаютъ здѣсь не очень усердно; я даже слышала такое опредѣленіе благососпитанности: «онъ человекъ очень вѣжливый, очень хорошій; изъ всего достархана одинъ орѣхъ сѣлъ».

Въ этомъ случаѣ я совершенно удовлетворяю бухарскимъ понятіямъ о благососпитанности, ибо и до сего времени никакъ не могу привыкнуть ѣсть сласти паточакъ.

Немного погодя, когда неблагососпитанная часть нашего общества успѣла уничтожить изъ достархана нѣсколько больше, чѣмъ по одному орѣху, принесли зеленый чай, который наливали въ чашки сомнительной чистоты и разносили гостямъ, строго соблюдая старшинство. Въ концѣ концовъ, когда мое голодное терпѣніе начало истощаться, я съ самой искренней радостью успѣла поданный пловъ, супъ изъ курицы и вареную дичь свѣжей поимки.

Пообѣдавъ я поблагодарила любезныхъ хозяевъ, ихъ же имена Ты, Господи, вѣси, и поспѣшила выѣхать, чтобы засвѣтло добраться домой, хотя меня и уговаривали присутствовать при дравѣ козла, изыщномъ бухарскомъ спектаклѣ, который я опишу когда нибудь въ другой разъ.

Всехо.

НЕ РОЙ ЯМЫ БЛИЖНЕМУ.

Рассказъ Джузенне Мантика.

—♦—

ДОННА Розина, длинная, тощая, съ голой худой шеей и костлявыми руками, со спутанными волосами, распухшими и загнѣвными отъ сна глазами, обѣими руками придерживая юбку, еще не подвязанную у пояса и тяжело шлепая громадными туфлями своего мужа, взбѣжала по лѣстницѣ.

— Донна Кармела! Донна Кармела!—говорила она въ полголоса, приложивъ губы къ замочной скважинѣ и тихонько, тихонько постукивая жесткими пальцами, стараясь не разбудить остальныхъ обитателей, еще предававшихся пріятному утреннему сну.

— Донна Кармела! Донна Кармела!—продолжала она звать, пока не услышала, будто вздохъ съ внутренней стороны замка.

— Иду, иду! Я еще въ одной рубашкѣ. Сейчасъ надѣну платье и башмаки и приду.

— Пустяки, между своими!—наставляла пріятельница,—я тоже совѣмъ не одѣта. Я расскажу вамъ одну вещь и уйду.

Скрипучій замокъ потихоньку отперся, и на порогѣ появилась громадная грудь, не скрывавшаяся подъ тонкой рубашкой, которая низко спускалась до босыхъ ногъ, и порывистѣе поддерживалась животомъ, поднимавшимъ и спускавшимъ ее при дыханіи.

— Что случилось?

— Ничто особъ иное! Вы ничего не слышали?

— Откуда мнѣ слышать, вѣдь вы меня разбудили! всю ночь онъ не далъ мнѣ спать, визжалъ какъ собака изъ за обыкновеннаго припадка астмы. Но, что же случилось?

— У! ужасное происшествіе, говорю вамъ! Хоть на пари, ни за что не угадаете.—Донна

Розина, гордясь, что знаетъ важную новость, сжавъ губы, цѣдила слова, наслаждаясь усилившимся любопытствомъ своей пріятельницы.

— Говорите-же скорѣй! Кто нибудь придетъ и увидитъ насъ почти голыхъ. Войдите на минутку и запереть двери. И такъ?

— Микелина, вторая дочь адвоката Боско, которая казалась такой монашкой, всегда съ опущенными глазами и скромнымъ лицомъ, сегодня утромъ, на зарѣ убѣжала съ Паулучію, сыномъ казначея...

— Неужели? Я всегда говорила, что такъ кончится!—прервала донна Кармела.

— Что вы могли сказать? Никто не могъ этого предвидѣть!—возразила донна Розина, обидѣвшись, будто потихоньку покушались отнять у нея важность ея сообщенія.

— Но на улицахъ, и въ кофейняхъ, и въ аптекѣ Медара цѣлый день говорили, что адвокатъ послалъ сказать ему ясно и рѣшительно, если хочеть, онъ можетъ жениться на горничной, ее онъ отдастъ ему, но чтобы о дочери его не смѣлъ и думать,—не имѣя ни кола, ни двора, онъ никогда ее не получитъ. И куда они убѣжали?

— Куда? Неизвѣстно. Мнѣ всю сцену рассказывала старуха, которая яйца носить и была при этомъ.

Изъ спальни послышался хриплый голосъ и прервалъ ихъ разговоръ.

— Кармела! Кармела!—кричалъ голосъ.

— Иду, иду,—также крикливо отвѣчала она, и продолжала полушепотомъ:—вотъ Матерь Божія! Проснулся! Скорѣй, скорѣй, чѣмъ же кончилось?

— Конецъ тотъ, когда она, закутавшись

въ платокъ, будто въ декабрѣ мѣсяцѣ, выбѣжала изъ двери, а онъ ждалъ ее, чтобы увести въ карету, которая была недалеко за домомъ, мимо прошелъ ее дядя,—инженеръ,—онъ собрался на охоту,—узналъ ее и остановилъ. Онъ убѣждалъ, а она начала плакать. Взбѣшенный дядя перебудилъ всѣхъ сосѣдей. Хуже всего то, что этотъ дикій звѣрь, отецъ ея, не хочеть принять ее, вслѣдствіе чего, дядя, ругаясь какъ язычникъ, долженъ былъ отвести ее къ себѣ, что изъ этого будетъ, только жена его не хочеть ни во что мѣшаться.

— Но въ такомъ случаѣ полная неудача:—вскричала донна Кармела, нѣсколько разочарованная въ своемъ ожиданіи болѣе инкантинаго и болѣе необыкновеннаго разсказа и почти заявляя, что изъ за такой малости не стоило труда горопиться гетавать.—Только хотѣли убѣжать; хотѣли, но это имъ не удалось!

— Скверно то, что въ домѣ инженера исторія еще не кончилась; хозяйка дома кричитъ, дѣвушка плачетъ и приходитъ въ отчаяніе; дядя лишился охоты и вмѣшался во всю эту суматоху, ругается и проклинаяетъ душу.

— Кармела! Кармела!—продолжалъ раздаваться голосъ мужа.

— Знаете, что я сдѣлаю?—быстро рѣшила донна Кармела,—я сейчасъ одѣнусь и побѣгу къ моей двоюродной сестрѣ; она все слышала и видѣла; вы знаете, ей блконъ придется противъ балкона инженера Боско, и она можетъ все видѣть и слышать.

— И потомъ забѣжите ко мнѣ внизъ?

— Непремѣнно!

Донна Розина убѣжала къ себѣ, а пріятельница

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

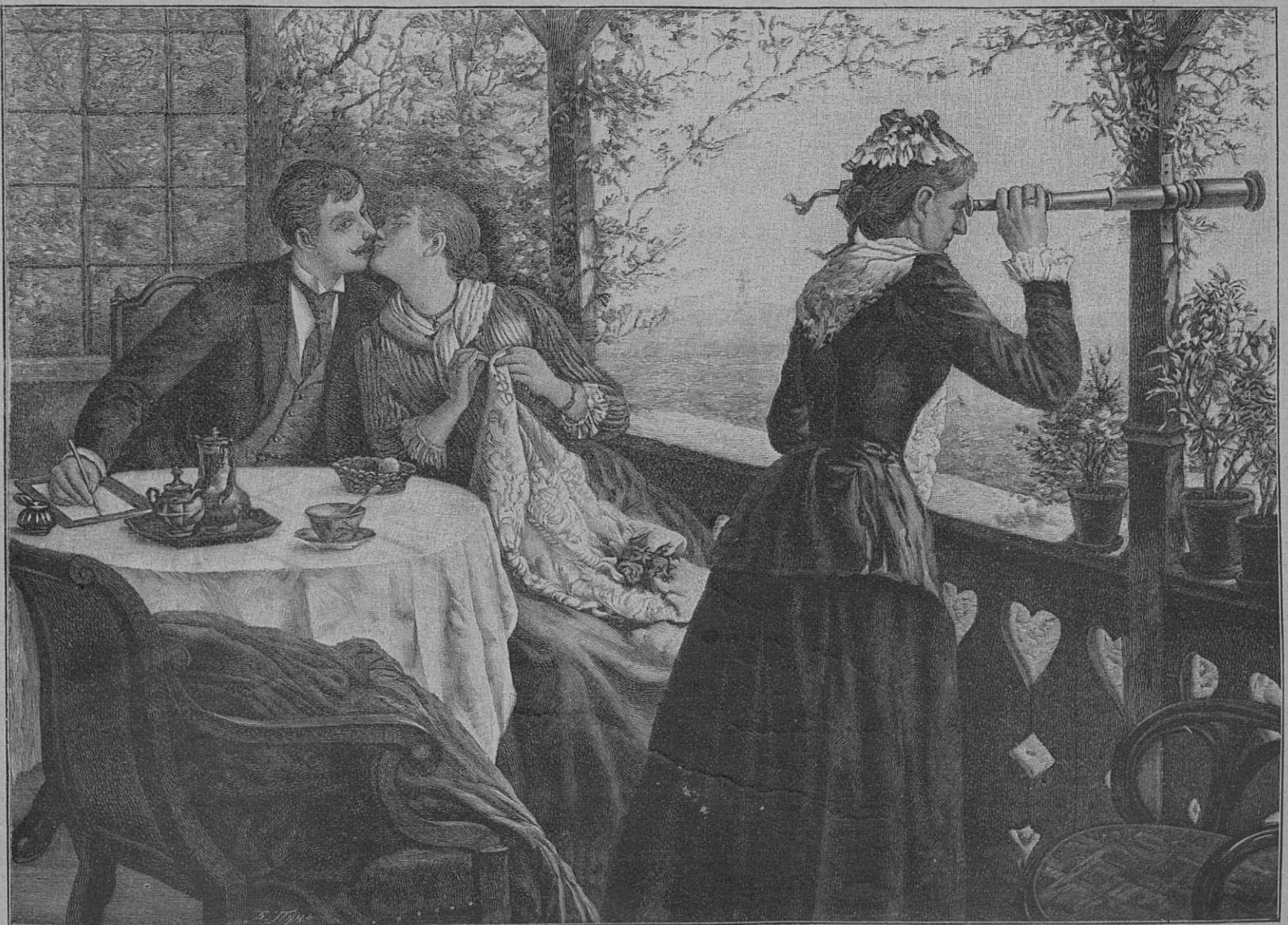

ИЗДАНИЕ С. А. ОБОБРАБЕВЪ.

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1895 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

При этомъ номерѣ журнала «Живописное Обозрѣніе» разсылается всѣмъ городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ седьмая книжка «Ежемѣсячныхъ литературныхъ приложений» № 7 (за іюль 1895 г.), гдѣ помѣщены—«Избранныя сочиненія Эдгара Поэ», съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора.

Неполучившіе почему-либо при означенномъ номерѣ упомянутаго приложения, благоволятъ увѣдомить Контору не позднѣе полученія слѣдующаго номера, такъ какъ позднѣйшія претензіи Спб. почтамтъ не принимаютъ.

НА ТЕРРАСѢ. Съ картины художника В. Веллинга.

(Гравироваль на деревѣ исключительно для журнала „Живописное Обозрѣніе“ Б. Штцъ)

уѣхалъ раньше, Андрей-же Ивановичъ, поминная братца, сидѣлъ чуть-ли не дольше всѣхъ и не разъ во время стола съ большимъ чувствомъ начиналъ разговоръ о томъ, что они, съ братомъ Юрьемъ, не дадутъ въ обиду племянника, сиротинку Иванушку, что будутъ ему и наставниками, и руководителями, прибавляя на ушко боѣе близкимъ знакомцамъ боярамъ, что на бабій умъ, да на измѣнника Глинскаго полагаться нельзя. Меду онъ выпилъ не мало и находился въ крайне сообщительномъ настроеніи духа.

Настало время разѣзжаться по домамъ, а Андрей Ивановичъ все еще удерживалъ бояръ, сообщая имъ свои дальнѣйшіе планы и предположенія относительно управленія государствомъ. Наконецъ поднялся и онъ и грузною, нетвердою походкою направился вонъ изъ столовой избы. Бояре проводили его до крыльца, у котораго давно уже не терпѣливо перебиралъ ногами по сѣту его вороной, красивый санникъ, запряженный въ большія, устланныя дорогими коврами, пошевни.

Привѣтливо простившись съ провожавшею его московскою знатью, Андрей Ивановичъ отправился на свое старинное подворье; по бокамъ пошевной ѣхали верхомъ его бояре и слуги.—Ночь была темная.—Они миновали Архангельскій соборъ, гдѣ, оставленный и точно забытый всѣми, лежалъ теперь одиноко «братецъ»; проѣхали и деревянную постройку, нарочно возведенную для новаго колокола, который незадолго передъ тѣмъ былъ отлитъ на Москвѣ.—Пошевни уже поравнялись съ Чудовымъ монастыремъ, какъ вдругъ вороной конь пугливо бросился въ сторону, чуть не сбросивъ съ себя управлявшаго имъ возника.

— Что тамъ? крикнулъ Андрей Ивановичъ.

Рядомъ съ санями стояла высокая, лохматая фигура безъ шапки, босикомъ, съ желѣзнымъ посохомъ въ рукѣ.

— Подсади, бояринъ,—заговорилъ незнакомецъ, какъ-бы не замѣчая произведеннаго имъ переполоха,—подсади, родненькій; иди-то далеко, а ноги словно свинцомъ налиты, ужъ больно долго князя-то великаго отпѣвали, по монашески.

— Да ты кто такой?

— А человекъ я божій, обшить кругомъ кожей.—Подсади, бояринушка, Богъ тебѣ заплатитъ.

Андрей Ивановичъ былъ въ духѣ.

— Садись, пожалуй,—сказалъ онъ,—вотъ въ ноги-то. Да, можетъ, тебѣ не по-пути будетъ?

— По-пути, по-пути! Мнѣ съ добрымъ человекомъ всегда по-пути.

Сани тронулись.

— А ты почему знаешь, что я добрый? усмѣхнулся Андрей Ивановичъ. Его забавляло, что незнакомецъ, повидимому, не подозревалъ, что говорить съ нимъ, стариннымъ княземъ, государевымъ дадею.

— Да ты себя нешто злымъ считаешь?—освѣдомился незнакомецъ.

— Зачѣмъ злымъ? пробормоталъ Андрей Ивановичъ, не зная, что сказать.

— Вотъ то-то и есть,—продолжалъ незнакомецъ,—и злымъ быть не охота, и добрымъ—страшно: самохваломъ назовутъ. Да оно, пожалуй, отчего-бы и не похвалиться, только тогда ужъ и похвалбу на дѣлѣ исполнить надо.—Ты вотъ скажи-ка мнѣ лучше, зачѣмъ Данило митрополитъ князя-то великаго постригъ? Нешто Варламомъ-то чернецомъ лучше на томъ свѣтѣ быть, чѣмъ рабомъ божіимъ Василиемъ?

— Дѣло сдѣлано,—произнесъ Андрей Ивановичъ.

— Да не по нашему сдѣлано-то. Что хорошаго? Мнѣ отъ монашескаго-то чина ноги ожгло, тебѣ руки опалило...

— Что ты врешь?—Когда опалило?

— А нешто не опалило?—Ну, прости дурака,—и впрямь, должно быть, совралъ.

— Да ты юродивый, что-ли?—заговорилъ Андрей Ивановичъ, стараясь разглядѣть незнакомца,—какъ звать тебя?

— Люди сказывали, что попь Дементьяномъ крестилъ.

— Такъ это ты-то и есть!—оживился Андрей Ивановичъ,—тотъ самый, что еще невѣсткѣ-то моей про Иванушку заказалъ: родится, молъ, Титъ—широкій умъ?—Ты вѣдь сказалъ-то?—Я тебя и во дворцѣ раза два видывалъ.

— А коли ты меня призналъ, князь Андрей Ивановичъ,—заемѣлся юродивый,—такъ я-то тебя и подавно.—Долго-ли погостишь у насъ?

— Да сорочины-то справлю, а можетъ, и подольше придется побыть. Самъ знаешь невѣсткино-то дѣло теперь вдовье, можетъ что и посовѣтовать потребуется, распорядиться чѣмъ; вѣдь мы теперь, съ братомъ Юрьемъ, старшими въ родѣ-то остались,—блюсти должны Иванушку.

— Блюдите, блюдите; помретъ такъ вамъ-же все останется.

— Ну, ужъ и помретъ!—Можетъ, мы сами еще раньше его помремъ-то.

— Очень просто, что и вы раньше,—заемѣлся юродивый,—помирать никому запрету нѣтъ.

— Да что ты все нескладно толкуешь-то,—заговорилъ Андрей Ивановичъ,—то онъ помретъ, то мы помремъ,—каркаешь, словно воронъ.

— Воронъ и есть!—безечно усмѣхнулся Дементьянъ,—ворону-то—ни клѣтки, ни неволи. Каркнулъ разокъ, другой, да и дальше полетѣлъ, никому его не надо. Вотъ жарь-птицамъ золотымъ, такъ и клѣтки золотыя припасены.

— Да ты это про кого? нахмурился Андрей Ивановичъ.

— А про себя, княже,—про-себя мело. Вотъ и пріѣхали!—Ишь ворота-то у ты здоровыя какія,—сказалъ онъ, соскакивая съ передка,—хоть князю великому внору! Знать старинкѣ-то плотники, не то что наши, народъ головатый, ворота-то на всякъ случай пошире, да подожѣ развели,—не ровень, молъ, часъ.

— А ну тебя! махнулъ рукою Андрей Ивановичъ, когда сани тронулись шагомъ въ отпертыя ворота.—Онъ не зналъ, гнѣваться ли ему, или смѣяться.

Бросивъ на руки дворецкому свою богатую шубу, Андрей Ивановичъ, на цыпочкахъ приблизился къ двери опочивальни. Постель ему была приготовлена въ другой горницѣ, но онъ не могъ утерпѣть, чтобы не взглянуть на свою горячо любимую княгиню.

Жарко натопленная опочивальня, освѣщалась свѣтомъ высокой заупокойной свѣчи, которая теплилась передъ иконами; убрусы на иконахъ были отдернуты.

Въ уголкѣ у печки дремала старая няня княгини.

Андрей Ивановичъ подошелъ къ широкой, мягкой постели, на которой, разметавшись во снѣ, лежала его красавица-жена. Легко соболье одѣяльце почти спустилось на полъ, открывая роскошный, характерно пополнив-

шій, станъ молодой женщины. Густыя черныя брови ея лежали плавными спокойными линиями, отгнѣняя бѣлизну красиваго лба; глаза, опущенныя длинными рѣсницами, были плотно закрыты; пышныя полуоткрытыя губы слегка улыбались.

Дол о любовался своею красавицею Андрей Ивановичъ, потомъ перекрестилъ ее, осторожно поцѣловалъ въ высокій лобъ и тихо укрылъ одѣяломъ. Рука его слегка коснулась горячаго, полнаго стана жены и лицо озарилось счастливою улыбкою.

Сынъ или дочь? подумалъ онъ и въ какомъ-то блаженномъ восторгѣ, взглянувъ на иконы, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НА ДАЧѢ.

Очерки ташкентской жизни, В. Губаревичъ.

НАШЪ скарбъ и мебель, все поставлено было на арбы, высокія двухколесныя мусульманскія телѣги. Мы ѣхали на дачу «въ садъ» на лѣто. «Ѣхать въ садъ»—это специальное ташкентское выраженіе. Съ наступленіемъ весны большая часть ташкентцевъ забираетъ свою мебель, перевозитъ ее въ маленькія квартиры или въ одну квартиру со знакомыми и, взявъ лишь все необходимое, ѣдетъ въ сады, въ горы, въ степь. Сарты знаютъ это, они, пожалуй, и ввели этотъ обычай: у каждаго зажиточнаго мусульманина есть свои фруктовые сады, и вотъ съ весны онъ начинаетъ бродить по знакомымъ господамъ и предлагаетъ имъ переселиться въ его садъ на лѣто за очень дешевую плату. Выгода обоюдная: господа на дачѣ ѣдятъ фрукты и платятъ дешево, сарту не надо нанимать караульщика, да и все-же еще и плату получаетъ, а съѣдятъ то господа много-ли?

Моя сожительница, я и наша прислуга-сартъ обогли еще разъ оставленную нами, опустѣлую квартиру и двинулись къ выходу.

На дворѣ стояли прочіе квартиранты нашего дома, обильнаго маленькими квартирками. Они сейчасъ-же оспытали насъ вопросами, на которые мы едва могли отвѣчать.

— Вы первое лѣто въ Ташкентѣ?

— Вы еще не проводили лѣто въ саду?

— Вѣдь еще холодно! И какъ вы это не боитесь: двѣ женщины и гдѣ-то въ саду?

— Какъ вы устроитесь? Въ первый разъ ѣдете на дачу—ничего не знаете!!

— Что, вы прямо въ баракъ? Или тамъ квартира есть?

— Нѣтъ! баракъ мы будемъ строить сами, а жить пока должны въ простой саклѣ, платить всего будемъ три рубля въ мѣсяцъ, бояться намъ нечего,—и все это пустяки! повѣтовала моя подруга собравшимся съѣздамъ.

На улицѣ она догнала меня и мы тронулись за нашей арбой. Вскорѣ арба наша вѣхала въ отворенныя настѣжь ворота прямо въ большой садъ.

Нашимъ глазамъ представилось огромное зеленое пространство, обнесенное глиняной высокой стѣной-заборомъ. Вдоль всей стѣны тянулся густой рядъ вишневыхъ, персиковыхъ деревьевъ, яблонь и грушъ, всѣ эти деревья были точно покрываемы окутаны бѣлыми, розовыми и красными цвѣтами, а пря-

мо надъ воротами склонялъ свои темныя вѣтви высокій и мрачный орѣхъ, выдѣляясь среди всѣхъ веселыхъ цвѣтовъ своею темною зеленью. Вдоль всего забора садъ обѣгалъ быстрый ручей, «арыкъ»; орошая корни деревьевъ, онъ журчалъ и спѣшилъ, а

шую, круглую, обсаженную яблонями, персиками, абрикосами, грушами, айвой... За площадкой аллея раздвоялась и обѣгала маленькую покосившуюся саклю съ крошечнымъ примыкавшимъ къ ней огороженнымъ дворикомъ. Зачѣмъ тутъ еще дворикъ! Это цар-

саклей аллея снова смыкалась и упиралась въ большой прудъ, обсаженный старыми, плакучими ивами. Ихъ вѣтви купаются въ водѣ, а вода чистая, проточная обѣгаетъ въ прудъ съ одной стороны и выбѣгаетъ дальше съ другой. По срединѣ площадки стоитъ

Послѣ рабoтъ. Рисоваль А. Козакевичъ.

между тѣмъ устроенные кое-гдѣ шлюзы изъ вѣтвей задерживали его воду, это вызвало цѣлую бурю съ крошечными волнами, пѣной, шумомъ и водоворотами. Но вотъ вода поднялась выше шлюза, лезть черезъ него, спадаетъ хорошенькимъ водопадомъ. Ниагара въ миниатюрѣ! Высокая по поясъ трава тихо шелеститъ, слегка наклоняясь къ землѣ. Отъ востроты идетъ аллея и выходитъ на площадку боль-

ство въ царствѣ насъ разсмѣшило, но Тагай, нашъ сартъ, объяснилъ, что это замкнутый дворикъ при саклѣ для женщины, это ихъ мірокъ—тутъ онѣ живутъ, работаютъ, спятъ, бранятся и наряжаются, въ большой садъ онѣ выходятъ гулять только тогда, когда тамъ никого нѣтъ, да раньше еще посмотрятъ хорошенько во всѣ стороны, а вдругъ да ихъ увидятъ чужіе мужчины! Далѣе за

высокій абрикосъ, вѣтви его раскинулись во всѣ стороны и образовали куполь надъ этой площадкой: спѣлые, сочные плоды желтѣютъ между зеленыхъ листьевъ. Прохлада, тѣнь!—Что за богатый уголокъ. Вокругъ абрикоса «урюка», было устроено возвышеніе изъ земли, туда и поставили столъ и стулья: чай пить и обѣдать.

А вотъ и сакля! Войдемъ!—Но нѣтъ, мы

сейчасъ-же выбѣжали назадъ! Неужели здѣсь можно жить! Тутъ не только жить, но и на минуту оставаться нельзя—ужасно! Закоптѣлая покосившаяся копура изъ глины съ вогнутымъ потолкомъ изъ камыша, съ дырами вмѣсто окошекъ. Двухстворчатая рѣзная

— И здѣсь живутъ, работаютъ люди! снова воскликнули мы.

Вышли на дворикъ: въ углу полуразрушенная печка для печенія хлѣба, дворикъ заглохъ и заросъ колючей дикой травой. Царство скорпионовъ! Въ саклю втащили

круги бѣжали долго потомъ на этомъ мѣстѣ. По берегу сидѣли лягушки, онѣ вздрагивали отъ шума, но тотчасъ снова впадали въ созерцательное безмолвіе. Прудъ этотъ прерывалъ идущую вдоль стѣны канаву, она впадала въ него шумнымъ потокомъ, а вы-

СЕКРЕТНОЕ ЧТЕНІЕ. Рисоваль А. Каульбахъ.

дверь была такъ мала, что надо было согнуться въ три погибели, чтобы войти. Въ саклѣ двѣ комнаты съ землянымъ поломъ, обѣ комнатки соединялись аркой и изъ второй комнаты такая-же дверь вела на крытую тоже закопченную, террасу съ примыкавшимъ къ ней крошечнымъ дворикомъ, обнесеннымъ заборомъ. Это внутренній дворикъ сартовскаго жилища.

наши вещи, кое-какъ ихъ размѣстили, разбираться какъ слѣдуетъ было лѣнь, да и страшно было: всюду мерещились скорпионы, хотѣлось скорѣе въ зелень, въ садъ, на воздухъ.

Мы прошли по саду къ пруду. Онъ лежалъ почти у самой стѣны, надъ нимъ склонился небольшой урюкъ, крупные плоды падали въ воду, издавая всплескъ, легкие

ходила тихимъ ручейкомъ. Мирный уголокъ. Такъ манитъ онъ къ себѣ. Мы опустились на берегъ, отъ воды повѣяло прохладой. Тагай приготовилъ на вышкѣ чай и пришелъ насъ звать. Онъ былъ веселъ — природа это его сфера, въ городѣ онъ скученъ, груститъ по зелени и волѣ.

— Тагай, тутъ змѣи есть?

— Нѣтъ! Ужи есть, да они не ядовиты,

да и то ихъ, можетъ быть, у насъ тоже нѣтъ—не во всѣхъ-же прудахъ они живутъ! Да и, вѣрно, нѣтъ, вопъ какъ лягушки покойно сидятъ, видно, некого бояться!

Мы пошли пить чай: въ зелени бѣлѣлъ столъ, покрытый скатертью, и такъ привѣтливо кипѣлъ самоваръ. Посреди стола стоялъ огромный букетъ полевыхъ цвѣтовъ. Тагай уже успѣлъ набрать ихъ. У него за ухомъ торчитъ огромный макъ, и этотъ красный цвѣтокъ такъ идетъ къ его смуглому лицу и бѣлымъ зубамъ, такъ весело сверкающимъ изъ-подъ черныхъ усовъ. Тагай бродитъ въ травѣ и поетъ свою однообразную пѣсню. Какъ чудно звучитъ она на волѣ, протяжная, полная грусти и мечты! Вотъ онъ съ размаху повалился подъ яблоню. Лежитъ на спи-нѣ и глядитъ въ небо. Солнце тонетъ за горизонтомъ. Легкій вѣтерокъ шеститъ листьями, навѣвая вечернюю влагу... Ниже, ниже клонится свѣтло, и розовыя облачка торопливо бѣгутъ на почлегъ. Вотъ и совсѣмъ сѣло солнце. Птички вдругъ какъ-то шумно защебетали, усаживаясь спать, онѣ торопливо разсказывали другъ другу свои похождения, приключенія минувшаго дня, а легкіе сумерки окутывали насъ, незамѣтно спускаясь на садъ, но не успѣли они еще ступить-ся, какъ луна неясными проблесками осеребрила и зелень, и дорожки, и заборъ, и ветхую крышу сакли. Длиннѣе и длиннѣе эти пѣжные лучи—и вотъ торжественно и плавно поплыла она по ясному небу. Подъ нашимъ тѣнистымъ сводомъ полумракъ, полусвѣтъ. Тишина... Лишь немного журчитъ ручеекъ тихій, онъ ласкаетъ ухо! Чу! тихо ввакнула одна лягушка, за ней другая, третья, все громче и громче и наконецъ звонкій хоръ огласилъ нашъ садъ. Мягкій, какъ маленькіе колокольчики, онъ не нарушалъ гармоніи, не билъ по уху, напротивъ: эти звонкія трели шли къ этой живой тишинѣ.

Не хочется шевелиться, боишься стукнуть ложкой, чтобы не нарушить чуднаго одѣвѣнія, овладѣвшаго человѣкомъ. Гдѣ-то вдали солдаты заиграли «зорю». Какъ отчетливо раздавались звуки музыки, какъ ясно доносилась команда дежурнаго!..

— Да, это югъ! Да, это югъ! шепчу я въ эту минуту, и какъ сравненіе проносится въ умѣ милая картина сѣвера, дорогой сердцу Петербургу съ его искусственной природой, его огромными парками Павловска и другихъ дачъ, гдѣ такъ красиво бѣлѣются въ зелени статуи, съ его яркой сѣверной луной, съ его искусственными водопадами... въ ушахъ слышится музыка...

— А бѣлыя лѣтнія ночи! А лѣсъ, а рѣка! воскликнула моя подруга и притихла.

Нѣтъ! вѣрно, родная картина беретъ перевѣсъ: сѣверъ потянулъ къ себѣ, въ память встаетъ прошлое, мечты унесли меня далеко отсюда... Разбудилъ и испугалъ голосъ Тагаи.

— Гдѣ будете спать? въ саду или къ саклѣ? заговорилъ Тагай и тоже почему-то шепотомъ.

— Я боюсь въ саклѣ—тамъ скорпіонъ! Не лучше-ли сюда кровати, на площадку, а завтра выстроимъ баракъ, позови «мардкера»!

Кровати были вынесены на площадку, и мы принялись хлопотать о постеляхъ. Саратовскія кровати—просто рамки на четырехъ ножкахъ. Рамка эта переплетена веревками въ видѣ рѣшетки, а въ головкахъ нѣчто вродѣ спинки изъ палочекъ, чтобы не падали подушки. Когда ложишься, веревки оттянутся, и мягко, и уютно, какъ въ люлькѣ. Мы долго еще молча сидѣли передъ столомъ. Тагай ушелъ въ внутренній дворикъ на террасу.

Странно было раздѣваться на воздухъ. Густая зелень, стѣной окружающая насъ, закрывала насъ лучше занавѣсей. Но было какъ-то жутко, какъ будто стыдно огромнаго пространства, смотрѣвшаго на насъ. Торопливо юркнули мы подъ одѣяла. Какая мягкая теплота въ воздухѣ, чудный аромат охватываетъ всего, а кругомъ зелень и зелень! Кровать стоитъ на травѣ, надъ головою едва проникаемый сводъ, кругомъ неподвижная листва деревьевъ. Хорошо! воля, свобода!.. Вдругъ гдѣ-то вдали послышался ревъ, протяжный захлебывающійся, какъ-бы рыданіе, это крикъ «шакка»—осла, за нимъ другой, третій, тамъ, тутъ и наконецъ отовсюду, точно хоръ плачущихъ русалокъ. Это полунощный крикъ ослось. Чу! и первые пѣтунки заплѣли! Значитъ двѣнадцать часовъ. Вотъ, кажется, шакки замолкли. Нѣтъ! издали доносится еще послѣдній запоздалый плачъ. Онъ не успѣлъ примкнуть къ общему хору. Снова тишь... Легкій вѣтерокъ пронесся надъ садомъ, прошепестѣлъ листьями, сдулъ пряди волосъ на лобъ. Дышется полной грудью, легко и мирно. Я улыбнулась отъ удовольствія, глаза смыкаются. Меня разбудилъ шейотъ сосѣдки:

— Эхъ, недостаетъ соловья! Да, недостаетъ! Милый соловушка, взгрустнулось по тебѣ, дорогое мимолетное украшеніе нашей родины, милая птичка! Отчего это сюда не прилетаютъ соловьи?

Я только вздохнула ей въ отвѣтъ, не будучи въ состояніи преодолѣть дремоту... Проснулась я отъ удара въ плечо! Кто могъ меня ударить, — гляжу — никого, я закрыла глаза, снова ударъ, я вздрогнула и сѣла, и что-же вижу? У меня на плечѣ, на одѣялѣ, на подушкѣ, на травѣ всюду лежатъ абрикосы, иные сплюснулись, тѣ вовсе обратились въ какую-то кашку, и косточка лежитъ отдѣльно, то тутъ, то тамъ раздается шлепанье. Созрѣвшіе абрикосы такъ нѣжны, что не могутъ держаться на деревѣ и при малѣйшемъ дуновеніи, да и просто отъ своей же тяжести падаютъ на землю.

— Да это нектаръ, попробуй! раздается возгласъ моей подруги, и мы, усѣвшись поудобнѣ, принялись съ жадностью ѣсть тѣ, что упали къ намъ на кровати. Наѣвшись, мы переглянулись и невольно весело расхохотались надъ своимъ обжорствомъ, вѣдь каждая сѣла не менѣе штукъ пятнадцати.

Солнце проглядывало сквозь деревья, весело золотило каждую травинку, надъ головою зелень и золотые прозрачныя урюки, а тамъ дальше голубое безоблачное пространство. Понѣжитесь-бы! надъ нами такая прохладная тѣнь, а кругомъ такой праздничный свѣтъ. Какъ серебрится тополь, какъ красивіють вишни! Но надо пользоваться, пока нашъ Тагай на базарѣ.

Бѣжимъ купаться, одѣться лѣнь, босая и въ простыняхъ. Вышли изъ тѣни—жара, земля уже накалилась, жжетъ ноги. Голову, плечи, руки опалило, какъ изъ печки. Вотъ самое жаркое пространство, безъ тѣни, надо пробѣжать его поскорѣй, пекло невѣроятное. Фу, добѣжавъ до пруда, мы просто изжарились и съ наслажденіемъ бросились въ воду. Мы перепугали все лягушечье царство, всѣ лягушки повскочили на берегъ и, ватужась, глядѣли на насъ. Мы плавали, но становиться на дно боялись. До чаю бродили по саду. Какъ вкусенъ оказался чай, хлѣбъ, молоко, никогда еще такъ не ѣлось...

— А какая славная штука—каникулы!

— Безъ нея учителя и учительницы походили-бы съ ума.

Жарко... Тагай полилъ всю площадку водой, онъ видимо ждетъ кого-то—все пошатривается за ворота. Но вотъ онъ приходитъ и съ торжествомъ объявляетъ:

— Ну вотъ и мардкеръ пришелъ! Онъ умѣетъ баракъ строить!

Передъ нами предсталъ паренъ лѣтъ двадцати пяти, высокій, мускулистый. На бритой головѣ—тюбיתейка. Весь костюмъ—одни коротенькіе холщевые штаны, никакихъ признаковъ иной одежды. Мѣднокрасные отъ загара грудь, спина, плечи блестятъ точно лакированные. Нагіе выше колѣнъ ноги, точно каменные, плотно и сильно ступаютъ на землю, вотъ ему ноги не жжетъ! Движенія размашисты, но граціозны.

— Ахъ, какой акробатъ! воскликнула моя сестрица.

«Мардкеръ» чернорабочій засмѣялся, и бѣлые ровные зубы такъ и сверкнули изъ-за пунцовыхъ губъ, онъ покраснѣлъ и сталъ разсматривать свои ноги...

Тагай и мардкеръ купили матеріалъ: палки, жерди, плетенку, веревки, всего на пять рублей—и къ вечеру легкой четырехугольной палашъ былъ приставленъ къ одной изъ стѣнъ старой сакли. Входъ мы загородили ситцевой занавѣской, крышу закрыли сверхъ плетенки еще ковромъ—и жилье готово! За всю работу мардкеръ взялъ всего пятьдесятъ копѣекъ и, уходя, сказалъ:

— Смотрите, осенью палки и плетенки не бросайте—спрячьте, придетъ снова весна и я снова построю вамъ баракъ...

РУКА.

«Размахнись рука..
Кольцовъ».

Разговорная рѣчь наша очень богата множествомъ выражений, доказывающихъ громадное значеніе руки въ обществѣ, въ житейскомъ обиходѣ и даже въ культурномъ творствѣ. Философы и энциклопедисты конца прошлаго вѣка любили хвастать и щеголять своимъ безбожіемъ, поэтому такой знаменитый историкъ и философъ какъ Вольней придумалъ афоризмъ, что «не Богъ создалъ человѣка по своему образу и подобию, но человѣкъ создалъ себя Бога по своему образу и подобию». Вольней это доказывалъ тѣмъ, что всѣ мѣологическіе боги Греціи изображены въ статуяхъ, въ коихъ рука занимаетъ самое видное мѣсто. Юпитеръ громовержецъ мечетъ молніи рукой, Флора разбрасываетъ цвѣты. По тому-же пути шли и современные писатели, такъ Кукольникъ написалъ драму и назвалъ ее «Рука Всевышняго отечество спасла». Катковъ всю жизнь мечталъ о томъ, чтобы у каждаго околочнаго непременно была «влажная рука». Чтобы выразить наше подобострастіе, мы держимъ «руки по швамъ» и отъ удовольствія «потираемъ руки» когда намъ удастся кого-нибудь или что-нибудь «прибирать къ рукамъ». Исторія, возвеличивая Гладстона, никогда не забудетъ его знаменитое изрѣченіе, ставшее классическимъ «руки прочь» и очень жаль, что оно такъ рѣдко примѣняется и въ политикѣ и въ общежитіи. А то вѣдь инымъ народамъ, особенно-же инымъ страдальцамъ, приходится до того жутко, что они готовы «руки на себя наложить», и подверглись имъ «подъ руку» смертоносное орудіе, быть-бы бѣдѣ. «Рука времени» далеко не всѣ язвы излечиваетъ, потому что въ исторіи больше властвуютъ тѣ, которые «охулки на руку не

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ

Въ 1896 году, при журналѣ „Живописное Обозрѣніе“, будутъ прилагаться **БЕЗПЛАТНО** ежемѣсячно книги „Домашней Библиотеки“, выходящія въ формахъ „Вѣстника Европы“ и состоящія изъ **НОВЫХЪ** литературныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей, что въ общемъ увеличитъ литературный матеріалъ для легкаго чтенія въ **ЧЕТЫРЕ РАЗА БОЛѢЕ**, сравнительно съ книжками за прошлые года.

Книги эти, по обилію и разнообразію литературныхъ произведеній, вполне замѣнятъ дорогой ежемѣсячный журналъ.

Чтеніе Донъ-Кихота. Съ картины художника П. Гарнето.

Однажды я увидалъ, какъ тѣнь эта прошла мимо окна—она посмотрѣла на меня, повернувъ злое, грозное и противное лицо. Узнавъ это лицо, я вскочилъ и, бросившись къ окну, закричалъ:

— Прочь, проклятый! Я теперь не тотъ, что прежде. Безуміе—или что-то другое—ради чего я терпѣлъ тебя и повиновался тебѣ—прошло. Я сталъ снова честнымъ, и буду жить такъ, чтобы не зависть отъ простаго Случая. Мои честныя попытки жить разумно и расчетливо одержать верхъ, а неустанный трудъ избавить меня отъ Случая. — Избавить! — сказала тѣнь, сверкнувъ

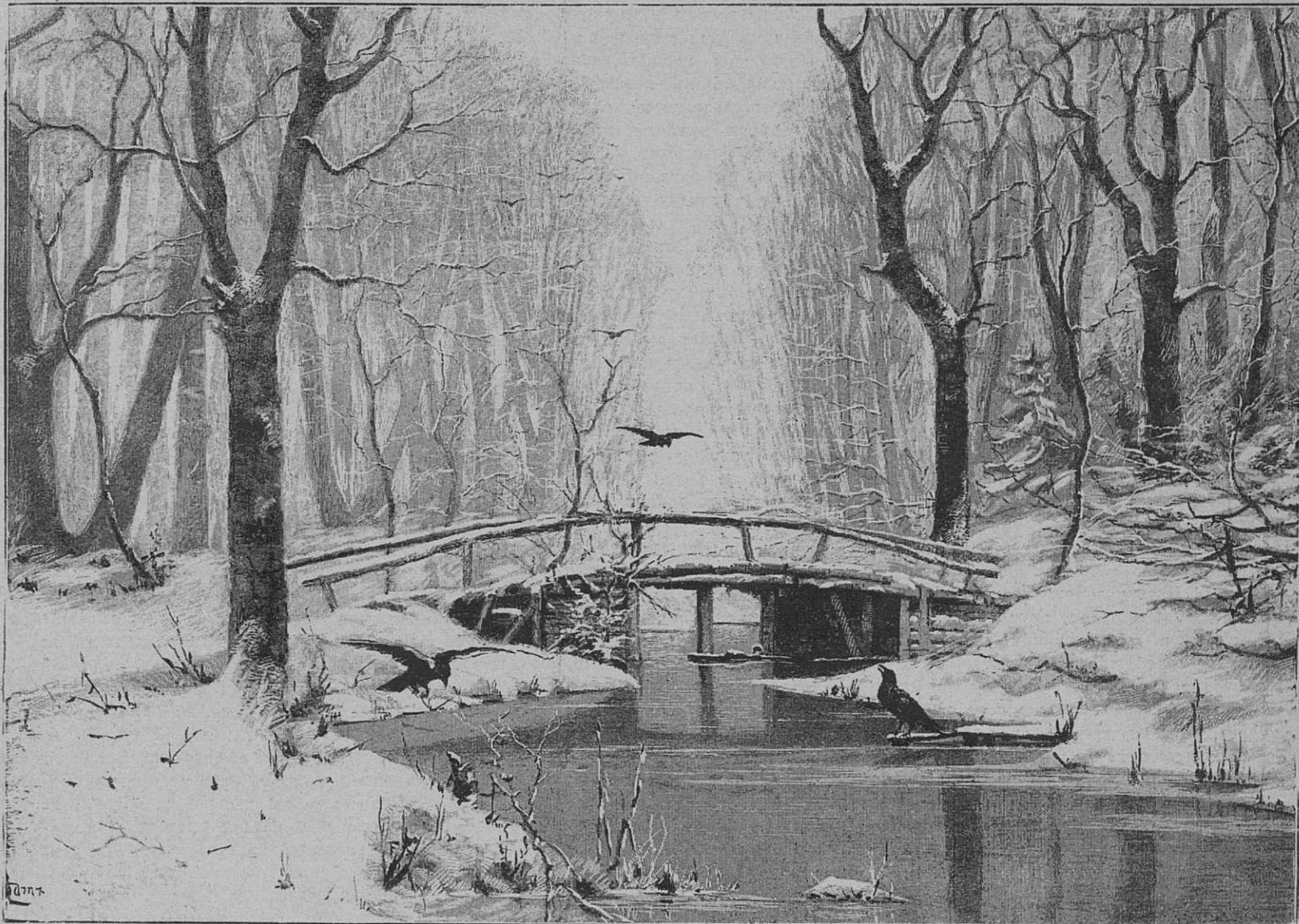
ночью; а другіе проклинали его, думая, что они преслѣдуютъ безчестіе; были люди, которые искренно были привязаны къ нему, и никто не узнавалъ Случая подъ маской скоророха!

Совершенно обезумѣвъ, я взялъ чашку и всыпалъ въ нее яду и смѣшалъ съ виномъ и еще съ чѣмъ-то и поставилъ, приготавлиаясь выпить смертный напитокъ и освободить ее отъ человѣка, который навлекъ на себя гнѣвъ Случая и сдѣлалъ ее несчастной—я былъ помѣшаннымъ... чего-же больше?

Но въ ту минуту какъ я отходилъ, она выпила ядъ и дала выпить ребенку.

тительно, безъ малѣйшей примѣси хорошаго, и, искоса глядя на меня, онъ сказалъ:

— Случайный убійца! Напрасно хотѣлъ ты поднять гору, борясь со мной! Лучше-бы ты возсталъ противъ всего, но не противъ меня! Лучше-бы ты послушался меня, когда я говорилъ тебѣ, что на свѣтѣ нѣтъ ни добродѣтели, ни преступленія, а есть только Случай, во всемъ, что касается нашего общества. Люди судятъ ближнихъ не по ихъ поступкамъ, а по моимъ. Я торжествую—я Случай-убійца!

Первый снѣжокъ. Оригинальный рисунокъ художника Л. Бургардта.

глазами.—Избавить? Люди боролись съ вѣтромъ, волнами и грозой, и иногда побѣждали; они иногда боролись съ законами, разумомъ и тираніей и одерживали верхъ; но люди никогда не могли бороться со Случаемъ и побѣдить его—и никогда не побѣдятъ!

— Ну, такъ я начну и окажусь побѣдителемъ!—крикнулъ я, махая на него руками. Тѣнь страшно захохотала и прошла мимо.

Дни и ночи, въ холодъ и жаръ, работалъ я изъ-за куска насущнаго хлѣба, и едва былъ сытъ; а жена все худѣла. Тутъ я совсѣмъ обезумѣлъ и сталъ безцѣльно вездѣ бросаться, и всюду наткнулся на Случай... До сихъ поръ я и не подозрѣвалъ, что это за сила! Случай руководилъ людьми въ ихъ ненависти, восторгахъ, привязанностяхъ, страхѣ и горѣ, толпы съ торжествомъ но или его, говоря, что они прославляютъ безкорыстіе и чест-

Меня силой притащили сюда изъ залы суда; около дверей меня ждали громогласные дьяволы и старались вырвать меня отъ стражи, чтобы разорвать на части—убійцу жены и ребенка. Цѣлый день въ залѣ суда проклятый Случай руководилъ всѣмъ; то прячась за свидѣтелемъ и заставляя его говорить противъ меня; то вызывая особенную строгость судьи, разстроивъ ему здоровье, то ожесточая чѣмъ-нибудь присяжныхъ, какъ разъ въ то время, какъ они должны были произнести приговоръ.

Онъ стоялъ позади публики и дѣлалъ мнѣ гримасы, а теперь, у себя въ номерѣ, я сижу одинъ, приговоренный къ смертной казни.

И тутъ опять явился Случай, одѣтый точно такъ, какъ я его видѣлъ въ первый разъ—въ одежду арестанта, испещренную маленькими стрѣлками; лицо его было отвра-

ЗАЧАУЛИНЦЫ.

Очерки ташкентской жизни В. Губаревичъ.

I.

УДНЫЙ вечеръ. Солнце только что скрылось; полумракъ, улицы притихли; вечерняя, мягкая теплота такъ нѣжитъ! Въ арыкахъ заливаются лягушки особымъ, только на востокѣ извѣстнымъ, журчащемъ, мягкимъ, переливнымъ, точно хоръ стеклянныхъ колокольчиковъ; въ окнахъ огни; черезъ занавѣски слышны голоса; по воздуху мечутся летучія мыши. Въ библиотекѣ, за столомъ, сидитъ нѣсколько человѣкъ и между ними господинъ въ легкомъ сюртукѣ. Какая-то жалкая потертость всей его фигуры, глубокія, особенно рѣдкія морщины и сѣдые пряди длинныхъ до плечъ волосъ, открываю-

щія большой лобъ—привлекали къ нему любознательное вниманіе. Во всей его худой фигурѣ, одѣтой въ короткія, заштопанныя брюки и стоптанныя башмаки—было что-то до того благородное, но въ то-же время страдальческое, забитое, что становилось безконечно жаль этого человѣка. Большіе голубые глаза смотрѣли тоскливо, углы губъ были опущены какъ у людей, долго и молча страдавшихъ. Онъ внушалъ невольное уваженіе и буквально приковывалъ къ себѣ взглядъ. Этотъ человѣкъ читалъ и перечитывалъ какое-то письмо, вздрагивалъ, кусалъ ногти и вдругъ устремлялъ въ глубокомъ раздумьи свой взглядъ въ окно,—оттуда несло запахомъ акаци, таинственные сумерки заглядывали въ окно, слышались шаги рѣдкаго прохожаго и снова все стихало...

«Зачаулинецъ! это зачаулинецъ!» мелькнуло въ моемъ умѣ,—и я сталъ глядѣть на него, словно могъ заглянуть въ его душу, или узнать его прошлую жизнь, его мысли. Вдругъ онъ всталъ, съ шумомъ отодвинулъ стулъ, тщательно свернулъ письмо и положилъ во внутренний карманъ сюртука. Не глядя ни на кого, быстро вышелъ онъ на улицу. Онъ такъ быстро шелъ, что за нимъ было-бы не легко поспѣть; что-то говорилъ, думая вслухъ, и вдругъ, остановившись, злобно воскликнулъ:

— Ну, итъ ужъ, господинъ Столыпинскій!—будетъ, тѣфу! довольно! Потомъ, внезапно перемѣнивъ тонъ, онъ заговорилъ дрожащимъ полнымъ слезъ голосомъ:

— Нѣтъ, не могу, Господи, не могу я больше! Только этого и недоставало! Они меня такъ увидятъ! Никогда, никогда! повторилъ онъ,—такъ тихо, но рѣшительно, что было жутко...

Потомъ онъ махнулъ рукой и опять злобно заговорилъ:

— Трусь! Вѣдь поговорю только и больше ничего! Гадина, мерзкая, трусливая гадина, тѣфу!—завопилъ онъ въ какомъ-то злобномъ изступленіи и побѣжалъ впередъ.

Онъ очутился въ глухой части города. Тутъ былъ лѣсной базарчикъ; живо прошмыгнувъ между квадратами дровъ, онъ появился на небольшой площади, посреди которой выдѣлялась невysокая, но крутая песчаная гора, а на вершинѣ ея видѣлась маленькая полуразрушенная ротонда со шпилемъ на крышѣ. Кругомъ, въ плетеныхъ шалашахъ-лавочкахъ, разбросанныхъ на площади у подошвы горы, мелькали огоньки; то—сарты-лавочники, собравшись кружками, сидѣли вокругъ чайниковъ. Они тихо бесѣдовали; степенныя лица съ любознательствомъ обратились въ темноту, повернувшись въ сторону прохожаго но, разглядѣвъ его, спокойно отвернулись; видимо, они привыкли къ нему. Онъ подымался по тропинкѣ въ гору; тамъ видѣлись какія-то фигуры, на протянутыхъ веревкахъ сушилось бѣлье. Маленькій костеръ догорѣлъ, угли покрылись пепломъ, кругомъ его сидѣли и лежали люди, они глядѣли на огонь и молчали; красный отблескъ игралъ на ихъ блѣдныхъ, опухшихъ лицахъ, никто не шевельнулся при появленіи незнакомца. Онъ остановился; лицо его приняло брезгливое, безнадежное выраженіе при взглядѣ на этихъ людей. Онъ нетерпѣливо окинулъ всю группу тѣмъ-же брезгливымъ взглядомъ, видимо ища кого-то. Кто то изъ толпы, не оборачиваясь, отрывисто буркнулъ пришедшему:

— Вы доктора?

— Да!

— Ушелъ въ караульную будку почевать, му холодно—болѣнь, тамъ тепло.

— Не можетъ быть! Насъ оттуда выгнали и запретили приходить.

— Ну, не знаю! У нашихъ давно не были?

— Завтра иду.

— Завтра всѣ соберутся, завтра празднуемъ новую побѣду! Старшій мастеръ изъ типографіи—совсѣмъ готовъ!

При этихъ словахъ незнакомецъ вздрогнулъ и опустилъ глаза, голосъ его прозвучалъ какъ-то глухо:

— Совсѣмъ?

— Совсѣмъ! Пробовалъ заниматься на работу, да куда!—день-два проработаетъ, и снова запѣть! Положимъ, его караулятъ; все нашъ «капитанъ», дока! Отъ него не уйдешь, хоть кого съ пути собьешь, точно истинный—и манить, и соблазнять! Мастеръ-то все съ себя пропилъ, какъ есть все, и сидитъ сейчасъ въ кабакѣ голый, выйти стыдно, а къ нашимъ не хочетъ, ломается... Ну, да завтра приволичимъ его! Силкомъ приволичимъ, если самъ не пойдетъ. Молодець капитанъ! Разказывалъ: мастеръ было совсѣмъ протрезвился, да капитанъ къ нему подъ окошко, постучалъ легонечко и мигнулъ, тотъ все бросилъ! Ловко!

— Подлецъ! прошипѣлъ незнакомецъ и повернулся, чтобы идти.

— Молодець и есть! подхватилъ кто-то, очевидно не дослышавъ брани.

Онъ уже спускался по тропинкѣ, какъ нѣсколько голосовъ крикнули ему въ слѣдъ:

— Учитель, учитель! А гдѣ-же вы теперь живете, коли васъ изъ будки выгнали?

— Въ мусорной ямѣ, на Саларѣ! крикнулъ незнакомецъ на ходу.

— Идите сюда, къ намъ, чѣмъ на мусорной ямѣ!

Но онъ уже бѣжалъ по дорогѣ, мимо базарчика, мимо казармъ. Въ эту минуту играли зарю, послышалась команда офицера.

— На молитву! протяжно пронеслось въ тихомъ воздухѣ, и раздались тихіе звуки молитвы; солдатики пѣли «Достойно». Незнакомецъ остановился и слушалъ, опустивъ голову; вотъ и послѣдніе звуки молитвы ушли куда-то въ даль; раздался рѣзкій бой барабана... Онъ вздрогнулъ... Музыка заиграла «Коль Славенъ». Тяжело вздохнувъ, незнакомецъ тронулся впередъ; тихо шагалъ онъ, видимо прислушиваясь къ звукамъ гимна... Передъ нимъ было открытое поле, далеко тамъ какія-то туманныя, черныя тѣни—вершины горъ «Чингановъ». Изъ-за этихъ вершинъ показался бѣлый свѣтъ, затѣмъ ободокъ луны, все больше и больше; вотъ выглянулъ и весь большой и ясный дискъ, выглянулъ, замедлил мгновеніе, и вдругъ точно—сорвался и полетѣлъ въ синюю даль. По дорогѣ на встрѣчу незнакомцу шло какое-то странное существо, донельзя длинное, худое, въ длинномъ женскомъ капотѣ и соломенной шляпѣ съ широкими полями. Точно бѣлое привидѣніе, двигалось это существо по дорогѣ, размахивая руками во все стороны, поны капота развѣвались около ногъ. Совсѣмъ герой изъ «Записокъ сумасшедшаго!» Герой приближался, голову онъ держалъ высоко, смотрѣлъ куда-то въ даль своими мутными глазами; безпокойныя, быстрыя движенія его были все-же мягки и ловки, и онъ чрезвычайно легко и свободно шелъ въ своемъ странномъ костюмѣ. Учитель окликнулъ его:

— Философъ, здравствуйте! Не хотите знать смертныхъ!

— Смертныхъ? Отъ васъ зависитъ стать безсмертными!

— А пока здравствуйте.

Философъ поглядѣлъ на учителя и улыбнулся до того жалкой, растерянной улыбкой, глаза его приняли такое ласковое, тихое и грустное выраженіе, что учитель пересталъ шутить, взялъ его руку обѣими руками и крѣпко и долго жалъ ее. Философъ смотрѣлъ, краснѣлъ, синеватыя губы слагались въ кроткую, умиротворяющую улыбку, глаза конфузливо бродили гдѣ-то по верхамъ, и онъ вдругъ залепеталъ:

— Простите, ради Бога! Непозволительная разсѣянность!.. Задумался... Хотя убѣжденія наши совершенно разныя, но я всегда уважалъ васъ и... узнавалъ...

Онъ снялъ шляпу и открылъ наголо обритую голову; провелъ по ней бѣлой, тонкой рукой съ розовыми ногтями и прибавилъ:

— Припоминаю, все припоминаю вотъ, да не могу...

— Что припоминаете?

— Да вотъ, послѣ болѣзни; бываетъ это! Послѣ болѣзни память моя стала похожа на воду, все смываетъ, сравниваетъ... А вы ищите своего Аякса? Тамъ онъ!..

Капотъ указалъ дрожащею рукою куда то въ даль, и вдругъ быстро пошелъ дальше, не простившись, не сказавъ ни слова. Учитель тоже пошелъ. Показались какія-то строения, сакли. Это было пригородное селеніе. Направо видѣлась каменная избушка. Окно было ярко освѣщено. Учитель остановился приложилъ руки къ губамъ, и раздался протяжный вой собаки. Этотъ вой повторился; онъ у учителя былъ, вѣрно, сигнальнымъ знакомъ. На вой, дверь избушки отворилась, и изъ караульной будки упала на дорогу столбъ свѣта; въ дверяхъ появилась приземистая, толстая фигура въ сартовскомъ халатѣ, лицо—веселое, красное—такъ и сіяло пьянымъ оживленіемъ; онъ слегка пошатывался и, приблизясь къ другу, полѣзъ его обнимать; тотъ отшатнулся и молча зашагалъ куда-то въ сторону; халатъ—за нимъ, вздыхая и отдавая друга запахомъ перегорѣлой водки. Тихо было кругомъ. Тихо катилъ Саларъ свои воды,—тихо, не смотря на стремительную быстроту; легкій туманъ подымался отъ воды и ложился на траву; всюду видѣлись какія-то кучи мусору, видимо свежего сюда съ построекъ, но даже и эти кучи при лунѣ казались красивыми... «Докторъ» подошелъ къ кучѣ, разгребъ немного мусоръ и сѣлъ, жестомъ приглашая садиться и учителя. Нѣсколько секундъ длилось молчаніе. Затѣмъ докторъ досталъ изъ кармана бутылку съ водкой, сдѣлалъ нѣсколько глотковъ и молча протянулъ бутылку другу; тотъ отстранилъ ее. Докторъ быстро повернулся къ нему, и лицо его выразило такое изумленіе, что учитель невольно улыбнулся.

— Что ты? Не хочешь водки?

— Не хочу!

— Да что съ тобой! Ну-ка, дай пульсъ!! И докторъ, напустивъ на себя шутливую важность, проговорилъ:—Да, у васъ нервное разстройство; вамъ надо прежде всего выпить водки, а потомъ я пропишу...

— Старая привычка прописывать беретъ свое...

— А что-же надо сдѣлать? Скажи — я готовъ!

— Не знаю!..

Въ этомъ «не знаю» было столько тихой, безысходной тоски, что докторъ быстро спряталъ бутылку въ карманъ и нагнулся къ лицу товарища; тотъ сидѣлъ неподвижно и задумчиво глядѣлъ передъ собой, потомъ опустилъ голову и вздохнулъ.

— Тоска! А выйти изъ нея не могу.

— А, monsieur, que voulez vous! Денегъ, денегъ! Когда мы учились, помнишь, вѣчно ты вздыхалъ; студентомъ въ Питерѣ вздыхалъ; когда насъ кинула судьба сюда, ты вздыхалъ; учителемъ вздыхалъ и зачаулицемъ вздыхаешь, а все почему? — денегъ нѣтъ! А почему денегъ нѣтъ? Потому-что не угодно слушать моихъ совѣтовъ. Идите, monsieur, попросите de l'argent, золота, у господина директора; вѣдь когда-то...

— Разъ послѣдовалъ я твоему совѣту, обокралъ сберегательную кассу, и...

— Не вздыхали, не вздыхали въ то время!..

— Перестань! Вспомни, какъ я послѣ вздыхалъ!

— Послѣ! Послѣ глупо вздыхать! Нѣтъ ничего глупѣе въ человѣкѣ — раскаянія.. Да тебѣ было больше ее жалко..

— Да, мнѣ было жалко и горько, тѣмъ болѣе, что я понималъ, что она не могла послѣ такого скандала жить со мною! А стыдъ-то! Ну, развѣ можно было послѣ такого стыда жить съ людьми!.. Въ глазахъ каждого поддеца читаешь «воръ». А почему? Потому что они ловчѣе и не попались! И еще хорошо, что она уѣхала, ну, развѣ съ такими поддецами, какъ мы, можно жить! Не забылъ я стыда, онъ гложетъ меня!.. Честь... Вотъ безъ чего нельзя жить!

Учитель оживился, но докторъ перебилъ его.

— Честь! Что за честь, когда нечего ѣсть! Тутъ ужъ надо дѣйствовать! Я ихъ палачъ, мучитель! Я не дальше, какъ сегодня, получилъ четыре рубля, вотъ! Прихожу къ совѣтнику правленія и говорю: «позвольте въ воспоминаніе старой дружбы сдѣлать нѣкоторый заемъ! Помните, больничные баракы вмѣстѣ отъ подрядчика принимали...» — и онъ мнѣ сейчасъ рубль въ руку и договорить не далъ. Я повертѣлъ рубль, поглядѣлъ на свѣтъ, сунулъ небрежно въ карманъ и говорю: «Эхъ, хорошее это было время! Помните, какъ мы для больныхъ халаты изъ старыхъ простынь... да многое, многое!» Ну, понимаешь — то, да се, давай копать... онъ мнѣ еще три рубля. Я говорю, еще молъ приду, а онъ такъ на прямикъ: «приходите, говорить, я вамъ буду ссужать небольшія суммы, что могу, только избавьте меня отъ воспоминаній». Ха, ха, ха!.. — рыльце-то въ пушку, да только шкурка бѣла!

— Полно, вспомни, когда-то у насъ это шантажемъ называлось!

— Ну, вздыхай!

— Да я и не томъ...

— Ну, такъ о чемъ-же?

— Нѣтъ, знаешь, не скажу, сегодня не скажу...

— Vous êtes malade, monsieur, mon cher monsieur! У васъ лихорадка... и, какъ я сказалъ, нервы. Право, слѣдуетъ вамъ прописать хорошую выпивку и случай есть. Не возьмешь-ли? Такъ я скажу нашимъ.

— Какой случай?

— А видишь, субъектъ подходящий! Надо сбить приказчика изъ москательной; почва богатая; хочешь — берись? Весело! — наши называютъ «очередь!»

— Да замолчишь-ли ты? вдругъ завопилъ учитель и закрылъ лицо руками...

— Тише, тише, не ори, услышатъ, идиотъ, удушливикъ! Вѣдь если-бы не мой французскій языкъ, да не моя ловкость... да сколько разъ я тебя, поддеца, изъ петли вынималъ!

Но «поддецъ» молчалъ, все тѣло его тряслось отъ рыданій, все сильнѣе вздрагивали

его плечи, все громче слышались рыданія, и наконецъ, онъ разразился дикимъ, громкимъ плачемъ, упалъ головой на землю, рвалъ волосы, бился головой о землю... Докторъ вскочилъ:

— Котя, голубчикъ, ты въ правду! Что съ тобой! Ну, прости меня, родной; старый вѣдь я дуракъ, все это такъ себѣ, такъ себѣ!..

Докторъ мигомъ слеталъ къ рѣкѣ и принесъ полную шапку воды. Онъ обрызгалъ учителя, но тотъ продолжалъ рыдать.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГУСИНЫЕ БОИ ВЪ ВОРОНЕЖѢ.

Принадлежитъ къ хлѣбороднымъ мѣстностямъ, воронежская губернія, перерѣзанная такими большими рѣками, какъ Донъ, Хоперь, Сосна и Осколь, всегда славилась птицеводствомъ. До проведенія желѣзныхъ дорогъ по первому санному пути изъ уѣздовъ валуйскаго и бирюченскаго тянулись непрерывные обозы съ битой птицею въ Харьковъ. Цѣлыя мѣстности въ Воронежѣ назывались Гусиновками; даже до настоящаго времени за двумя улицами удержалось названіе Гусиновки. Одна изъ Гусиновокъ находится въ части города, называемой Стрѣлкой слободой, тянется съ добрую версту. Кромѣ «русскихъ гусей», въ Воронежѣ разводилась еще особая порода гусей — *босовихъ*.

Порода боевыхъ гусей или гусей-бойцовъ рѣзко отличается отъ обыкновенныхъ дворовыхъ или «русскихъ гусей». Гусь-боецъ коренастый, широкогрудый и широкоплечій, на короткихъ, крѣпкихъ ногахъ, съ тупымъ, короткимъ, но весьма крѣпкимъ клювомъ. Глаза его на выкатѣ, умные, быстрые; округлость глаза совершенно свободна отъ пера или пуху, — «глазъ на мокромъ мѣстѣ», какъ говорили старинные охотники-любители гусиныхъ боевъ. Бойцами являлись исключительно одни гусаки, гусыни не допускаются къ бою, а только присутствуютъ на немъ. Охотники никогда не покупали и не употребляли въ бою гусака отдѣльно отъ гусыни, ихъ всегда покупали и возили на бой вдвоемъ — «съ любкой», выражаясь языкомъ охотниковъ. За гуса, въ нѣсколькихъ бояхъ оставшагося побѣдителемъ, платили бѣшенныя деньги отъ десятковъ до нѣсколькихъ сотенъ рублей. Разсказываютъ объ одномъ сапожничкѣ, что онъ звалъ за гуса-бойца 300 рублей съ тульского купца, случайно находившагося въ числѣ зрителей гусинаго боя. Охотники, не обладавшіе большими деньгами, предпочитали сами выводить боевыхъ гусей. Для этого они покупали яйца отъ хорошихъ бойцовъ и платили за нихъ отъ 25 до 50 коп. за штуку и это въ то время, когда на рынокъ лучшей откормленный гусь стоилъ 25 или 30 коп. — Качества хорошаго гуса-бойца слѣдующія: необыкновенная бодрость, сила челюстей, крѣпость крыла, умѣнье схватить своего противника за предплечье или нижнюю часть праваго крыла, повредить ему тонкую перепонку, управляющую движеніемъ крыла и тѣмъ обезоружить своего противника.

Лучшимъ временемъ для гусиныхъ боевъ считается осень и первые мѣсяцы зимы. Мѣстомъ для гусиныхъ боевъ, по правиламъ, не написаннымъ, не сочиненнымъ, а строго соблюдавшимся на дѣлѣ, не допускалось избирать дворъ хозяина одного изъ противниковъ-бойцовъ. Пословица: «въ своемъ домѣ и углы помогаютъ» въ данномъ случаѣ имѣетъ большое приложение. Въ то время, когда индворный гусь занять рекогносцировкой мѣстности, хозяйскій гусь уже готовъ къ бою: подготовленность къ дѣлу — лучшее условіе счастливаго окончанія дѣла. Мѣсто для боя выбирается ровное, просторное, не имѣющее ямъ, кочекъ, выбитыхъ пней или кольявъ, свободное отъ камней и другихъ препятствій, чтобы гусь во время боя ударомъ въ кочку, колы или камень не повредилъ себѣ крыла. Въ прежнее время гусиные бои чаще всего происходили на льду или на выгонѣ; теперь-же, когда этого рода спортъ преслѣдуется полиціей, гусиные бои происходятъ въ большихъ сараяхъ и на задворкахъ. Временемъ боя избираются праздни-

ные дни послѣ ранняго обѣда. Въ доброе старое время разгаромъ гусиныхъ боевъ былъ конецъ ноября и первая половина декабря, особенно дни Саввы, Варвары и Николая, а потомъ рождественскія святки.

Бойцовъ-гусей привозили или приносили на мѣсто боя въ плетушкахъ, непременно въ парѣ: самна-бойца и его «любку». Эти «любки» или «любимки» находились съ правой стороны каждаго изъ соперниковъ, почему онѣ не могли вступать въ бой другъ съ другомъ и не допускались къ бою. Ихъ роль въ бою была ролью дамъ сердца на рыцарскихъ турнирахъ. Во время боя любки ни на секунду не отходятъ отъ своихъ самцовъ, постоянно поводятъ шеи и клювомъ, гагакаютъ и тѣмъ воодушевляютъ и поощряютъ бойцовъ. Иногда «любка» не выдерживаетъ своей роли, бросається на противника своего самца, схватываетъ его за ногу или начинаетъ щипать его, но такую задорную любку немедленно отводятъ въ сторону, какъ вмѣшавшуюся не въ свое дѣло. Крикъ гусей, одобренія, насмѣшки и порицанія зрителей увеличиваютъ интересъ боя-потѣхи. Владѣльцы борцовъ часто доходятъ при этомъ до самозабвенія и какого-то одурѣнія. Бой продолжается, смотря по равномерности силы борцовъ, часъ, два и болѣе.

Въ прежнее время на такіе бои, безъ всякихъ объявленій, сходились многочисленные зрители. Устраивались пари, причемъ деньги давались третьему лицу, «за-руки». Пари происходили на рубли и на десятки рублей. Конечно, большая часть изъ выпранныхъ денегъ потомъ пропивалась. День заканчивался шумно, весело. Послѣ гусиныхъ начинались иногда кулачные бои. Теперь-же гусиные бои совершаются тайно, втихомолочку, безъ многочисленныхъ зрителей: спортсменами являются люди небогатые — мѣщане и мастеровые. Прежней шири, удалы и задору уже нѣтъ. Пари идутъ грошевыми.

М. О.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Основатель „Краснаго Креста“ и неблагодарная Европа. Основатель «Краснаго Креста» Henri Dunant, въ настоящее время 67-лѣтній старикъ, какъ оказывается, проводитъ старость въ богадѣльнѣ, забытый и покинутый. Протестуя противъ этого новаго печальнаго факта крайней человѣческой неблагодарности, возвысила свой голосъ въ числѣ другихъ извѣстныхъ Берта Сутнеръ, авторъ извѣстнаго романа «Die Waffen nieder» и предсѣдательница австрійскаго общества друзей мира. «Все, что когда либо могло-бы быть отнесено на счетъ моего движенія въ пользу мира, — говоритъ г-жа Сутнеръ, — все это я кладу къ ногамъ этого человѣка, пропикнутаго пламеннымъ человѣколюбіемъ, человѣка, который отважно дѣйствовалъ среди боеваго смятенія и хаоса, подвергая свою жизнь опасности, который утолялъ тамъ тысячи мукъ, повинаясь влеченію милосердія и кипучаго состраданія, который не зналъ покоя, пока не создалъ великаго дѣла, имъ задуманнаго. Для того, чтобы привести свой планъ въ исполненіе, онъ пожертвовалъ всѣмъ своимъ состояніемъ, ѣздилъ изъ города въ городъ, отъ двора къ двору, добываясь повсюду аудіенцій у императоровъ, королей, министровъ». И этотъ-то человѣкъ живетъ теперь бѣднякомъ, въ жалкой каморкѣ богадѣльщика! Пока еще не поздно, человѣчество можетъ поправить свою непростительную забывчивость. Россія не должна отстать въ данномъ случаѣ отъ другихъ странъ и принять участіе въ устройствѣ подобающей жизненной обстановки основателю такого благодѣтельнаго учрежденія, какъ «Красный Крестъ».

Султанъ Абдуль-Гамидъ. Съ тѣхъ поръ, какъ больной человѣкъ сталъ заживо разлагаться и европейскія государства спѣшатъ съ своими броненосцами на консулствѣ въ Константинополь, газеты начали внимательно заниматься и самимъ владыкой блистательной Порты султаномъ Абдуль-Гамидомъ. По сообщенію корреспондента официальной «Tribune», султанъ въ высшей степени нервный

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

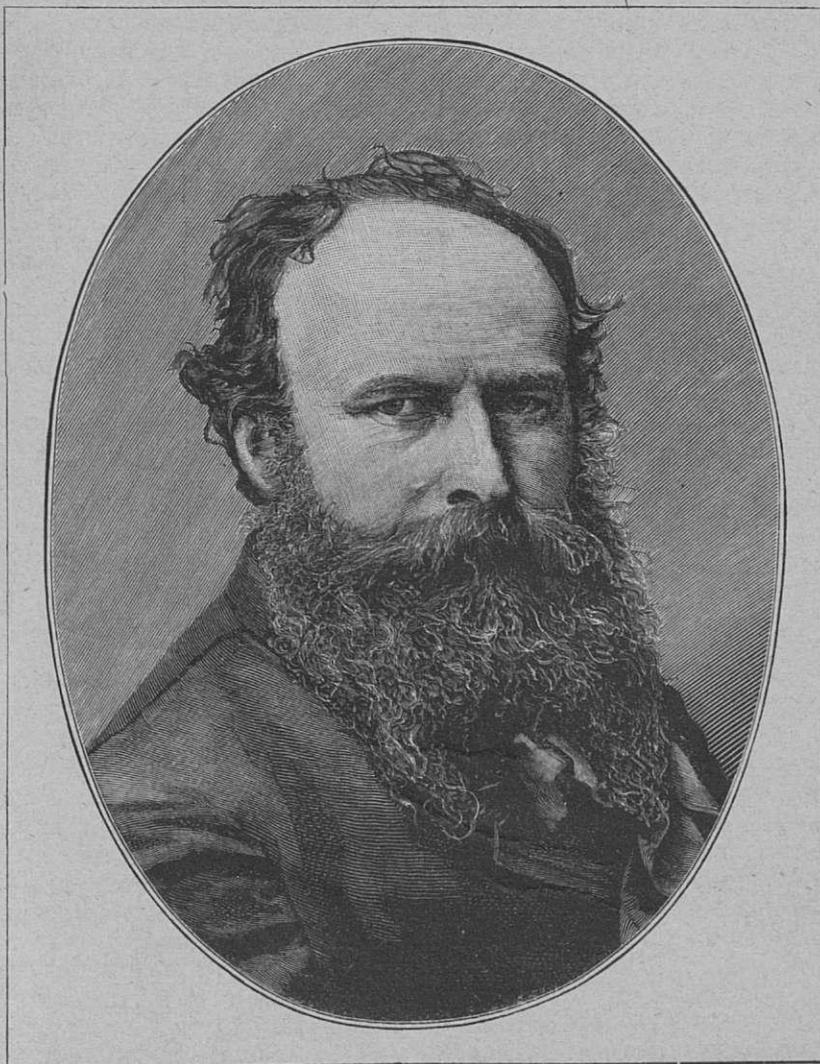
ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ.

Въ 1896 году, при журналѣ „Живописное Обозрѣніе“, будутъ прилагаться **БЕЗПЛАТНО** ежемѣсячно книги журнала „Домашняя Библиотека“, выходящія въ форматѣ „Вѣстника Европы“ и состоящія изъ **НОВЫХЪ** литературныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей, что въ общемъ увеличитъ литературный матеріалъ для легкаго чтенія въ **ЧЕТЫРЕ РАЗА БОЛѢЕ**, сравнительно съ книжками за прошлые года.

Книги эти, по обилію и разнообразію литературныхъ произведеній, вполне замѣнятъ дорогой ежемѣсячный журналъ.

ХРЕДЛАГАЕМЫЙ номеръ нашего журнала посвященъ исключительно произведеніямъ извѣстнаго русскаго художника **Василія Васильевича Верещагина**. Въ настоящее время въ Москвѣ открыта выставка картинъ этого талантливаго труженика на художественномъ попорищѣ и она пользуется большимъ, конечно, заслуженнымъ успѣхомъ. Поэтому мы считаемъ своевременнымъ сообщить нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія о художникѣ, а также о наиболѣе характерныхъ образцахъ его, поистинѣ, колоссальнаго творчества. **В. В. Верещагинъ** родился 14-го октября 1842 года въ Новгородской губерніи въ семьѣ древняго дворянскаго рода, записаннаго въ шестую книгу. Дѣтство **В. В.** провелъ, главнымъ образомъ, въ деревнѣ, гдѣ, конечно, природа уже пробудила дремавшій въ мальчикѣ талантъ. Рисовать мальчикъ началъ очень рано и сравнительно успѣшно, но на проявленіе его дарованія никто не обратилъ должнаго вниманія. Кроме рисованія, мальчикъ страстно любилъ чтеніе. По достиженіи восьми лѣтъ, **В. В.** былъ помѣщенъ въ Александровскій малолѣтній корпусъ, находившійся въ Царскомъ Селѣ. Тамъ его учили и рисовать, но ничто еще не обнаруживало въ немъ будущаго художника, къ тому же преподаваніе шло по вялой рутинѣ. Кончивъ Александровскій корпусъ, **В. В.**, по желанію

СОВРЕМЕННЫЕ РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ.

В. В. Верещагинъ.

родителей, поступилъ въ Морской корпусъ, и тамъ юноша оказалъ блистательные успѣхи по наукамъ. Занятія рисованіемъ стали тоже регулярныѣ и существенныѣ, такъ что уже въ 1858 году **В. В.** началъ заниматься въ рисовальной школѣ Общества Поощренія Художествъ, гдѣ скоро обратилъ на себя вниманіе директора школы **Ө. Ө. Львова**. Уже въ этихъ занятіяхъ выяснилось направленіе, создавшее всю послѣдующую дѣятельность **В. В.**, при чемъ онъ часто не могъ слѣдовать наставленіямъ учителей, державшихся старой методы. Въ 1860 году, по окончаніи корпуса, **В. В.** сдѣлалъ рѣшительный шагъ: онъ, вопреки желаніямъ родителей и ихъ увѣщаніямъ, вполне посвятилъ себя художественной дѣятельности. Отецъ оставилъ молодого художника безъ всякой помощи и ему приходилось самому уже добывать себѣ средства къ жизни. Но тутъ **Ө. Ө. Львовъ** выхлопоталъ ему на два года пособіе отъ Академіи Художествъ. **В. В.** поступилъ въ Академію въ ученики профессора **Маркова**. Вскорѣ молодому художнику удалось съѣздить ненадолго за границу, чѣмъ, конечно, обогатился запасъ его свѣдѣній и наблюденій. Вернувшись,

В. В. успѣшно и прилежно работалъ въ Академіи, а въ 1863 году ему удалось посѣтить Кавказъ, откуда онъ вывезъ богатый матеріалъ видовъ и типовъ. Талантъ художника все росъ, міро-

— Хорошо, говорите, но только поскорѣе.

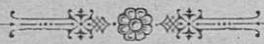
Бруно приготовилъ было цѣлую рѣчь, но обезкураженный такимъ пріемомъ, не находилъ болѣе словъ.—Обманщица! Измѣнница. Ее продаютъ за сто унцій, какъ Иуда продалъ Христа на мученія! И она еще имѣетъ наглость смѣяться ему въ лицо! Тогда выѣбся отъ отчаянія, сорвавъ маску, Бруно бросился искать свой ножъ.

— Ахъ, вы, кажется, собираетесь вторично зарѣзаться на моихъ глазахъ, — продолжая смѣяться, замѣтила Нунціата.

Въ эту минуту подошелъ Нино, не торопясь, держа руки въ карманѣ, входя въ комнату своей вялой походкой. Увидѣвъ Бруно, который давно ужъ намозолилъ ему глаза, онъ изо-всей силы, но спокойно, далъ ему здоровый пинокъ въ спину. Это было вмѣсто всякаго привѣтствія.

— Смотри, берегись: у него ножъ за пазухой! — закричала испуганная дѣвушка.

Бруно повернулся, съ лицомъ, искаженнымъ отъ бѣшенства. Онъ готовъ былъ положить всѣхъ ихъ на мѣстѣ, хотѣлъ видѣть ихъ кровь!.. Но Нино повторилъ еще ударъ и съ силою вытолкнулъ его на средину улицы.

ЗАЧАУЛИНЦЫ.

Очерки ташкентской жизни В. Губаревичъ.

АХЪ, Котикъ! Какъ, право, я глупъ — то-есть плюхъ надавать мало старому шуту! Осель я!

Учитель поднялъ голову, и плачь перешелъ въ истерическій хохотъ. Докторъ опустился на землю, обнявъ друга, положилъ его голову къ себѣ на грудь, ласкалъ его, гладилъ, слушалъ его безсвязныя слова...

— Письмо... оттуда... сынъ... нѣтъ, не могу сегодня...

— Ну, и не надо, и не надо... завтра расскажешь; а теперь успокойся... Какъ ты напугалъ меня, родной мой, вѣдь у меня одинъ ты остался...

II.

Утро, солнце только-что взошло; было еще прохладно. Наскоро напившись чаю, я торопливо собрался и поѣхалъ «на избушку», мнѣ хотѣлось поскорѣе видѣть гнѣздо зачаулинцевъ. Вотъ и избушка. Подъ развѣсистымъ деревомъ, надъ обрывомъ, сидѣли двѣ фигуры: старикъ-сторожъ и передъ нимъ какой-то человекъ средняго роста. Его жидкія черныя волосы висѣли до плечъ, лицо было помято, черныя, маленькія глаза такъ и бѣгали вокругъ. Увидавъ меня, онъ привсталъ и развязно расшаркался, придерживая одной рукой воротъ сюртука, другой брюки. На немъ были женскіе прюнелевые башмаки съ неимоверно высокими каблуками; брюки были тщательно заштопаны, а сюртукъ у ворота зашпиленъ булавкой на глухо; о бѣльѣ, конечно, и рѣчи не могло быть, хотя руки и лицо были вымыты. Видимо, человекъ старался поддержать свою наружность.

— Вотъ они пишутъ въ газетахъ! Не угодно-ли познакомиться! рекомендовалъ сторожъ.

Субъектъ опять вскочилъ и, снова расшаркаясь, прохрипѣлъ:

— Антошъ Емельяновичъ Сидоровъ!

Я расклаваясь въ свою очередь, но Антошъ Емельяновичъ фамильярно протянулъ мнѣ свою руку и долго потрясалъ мою, такъ что я едва выдержалъ, чтобы не выдернуть

ее. Наконецъ, онъ усеялся, откашлялся въ кулакъ и вдругъ торопливо протянулъ руку къ моему портсигару и стремительно выхватилъ оттуда папиросу.

— Такъ вы предаетесь благородному искусству писанія?! И я тоже, о, я васъ могу воодушевить! Могу вамъ столько подсказать! Ахъ, знаете, враги... интриги... а давно ли это было! Я былъ въ Петербургѣ, въ гимназіи... но тутъ у меня вышла исторія, недоразумѣніе съ начальствомъ—выгнали, я поступилъ въ военную службу, но и тамъ выгнали!.. Пострадалъ за правду. Я ужасно прямодушеенъ, видѣлъ несправедливости, ну, и высказалъ, не стерпѣлъ! Выгнали! Рѣшилъ—въ Ташкентъ, пошелъ къ генералу Евдокимову, онъ въ то время былъ въ Питерѣ въ отпуску. Принялъ; получилъ я прогоны и поѣхалъ! Ахъ, какое время-то было, что за жите! Вонъ онъ подтвердитъ вамъ! кивнулъ рассказчикъ на сторожа;—то-есть веселье съ утра до ночи и съ ночи до утра... Въ карты играли до того, что мнѣ мой сослуживецъ свою жену проигралъ...

— Жену?! Я что-то слышалъ, да не вѣрилось!

— Честное слово! Фактъ, фактъ! Вотъ и онъ знаетъ! указалъ онъ снова на сторожа.— Все проигралъ мнѣ: лошадей, вещи и, наконецъ, ставить на карту жену!—моя!

— Ну, и что-же?

— Поблѣднѣла, губы сжала, не говоря ни слова, пошла за мной!

— Ну, а дальше?

— А дальше? Я ее проигралъ еще одному, а послѣ она—замоталась-бы вовсе, да молодой офицеръ Егоровъ пріѣхалъ, увидаль, узналъ все это, взялъ отставку, забралъ ее и увезъ! Говорятъ, первое время бѣдствовали, а теперь поправились, живутъ хорошо.

— Да вѣдь это ужасъ!

— Ничего! пустое!—Всѣ тогда такъ жили и весело было, а сколько черезъ женъ карьеру дѣлали! Да что! — мало карьеру, богачами уѣзжали! Да чего далеко ходить, магазинъ купца Жирнаго знаете? Ну, вотъ и магазинъ вѣдь этотъ, и домъ, все—все его теперешнее богатство, все черезъ красоту жены. Былъ у меня сослуживецъ, ну, такъ, дрянъ человекъ, но, знаете,—жена у него!.. Кладъ! Умна, хороша—и главное весела — море по колѣно; вскочить въ сѣдло — не догонишь! Ну, и выпить мастерица!.. А выпьетъ, такъ поетъ; голосъ прекрасный, и пѣсень знала массу, все свои малороссійскія, а голосъ грудной, задушевный... Все тутъ: и веселье, и грусть, и задоръ безбашенный! Какъ теперь вспомню, сердце вздрагиваетъ! Весь Ташкентъ у ея ногъ былъ, а мужу то чинъ, то орденъ, то повышеніе, да вѣдь какъ!—шесть лѣтъ подрядъ представляли къ наградѣ — неслыханно!.. Только она этого не цѣнила, странная была женщина... Ея мужъ теперь въ Россіи, живъ, купилъ хуторъ въ Малороссіи и живетъ себѣ генераломъ...

— А она?

— Умерла! — таинственно какъ-то, скоропостижно. Кто говорить, ее задушили изъ ревности, кто говорить, сама отравилась... Говорятъ, влюбилась она въ актера одного, — вы его увидите... Онъ въ капотѣ ходитъ и говорить странно; онъ съ ума сошелъ послѣ бѣлой горячки, но это сумасшествіе съ ея смерти готовилось... Онъ помѣшанъ на смерти и безсмертіи—ну, да сами увидите; только онъ не вѣритъ въ ея смерть и увѣряетъ, что ее живую закопали... Сумасшедшій и только, пилъ до того, что заболѣлъ!

— Все отъ любви къ ней?

— Да! впрочемъ, меня тогда не было... У него даже ея карточка есть! Только онъ рѣдко показывается и то только тѣмъ, въ комъ онъ увѣренъ, что смѣяться не будутъ!

— А вы въ то время гдѣ-же были?;

— Да вотъ съ этого-то и пошла бѣда моя. Дѣла мои шли недурно, потому-что пилъ я мало и всегда за всѣхъ все вѣдалъ и одинъ былъ, такъ сказать, на стражѣ русской власти. Денегъ мнѣ сарты и подарковъ наташили видимо-невидимо! Да только не того я хотѣлъ... И пришла мнѣ фантазія — дай, молъ, тоже женюсь, да привезу сюда женку хорошенькую, задорную, какихъ тогда я дѣловъ надѣляю... Чуть не въ губернаторы мечталъ!.. Начальникъ одобряетъ. «Смотри! шутить, хорошенькую привези! Да непременно блондинку! Брюнетка у насъ есть, да и другой такой у насъ не будетъ, какъ нашъ милый малороссійскій соловушка». И пособіе въ двѣ тысячи далъ на поѣздку... Пріѣхалъ я на родину, пустилъ пыль въ глаза — барышенъ хоть прудъ пруди: и богатыхъ, и хорошихъ; да я не того ищу, — что мнѣ ихъ богатство! Наконецъ, нашелъ! Красавица такая, что я такъ и ахнулъ: и бойка, и весела... но—брюнетка!.. Ну, что тутъ дѣлать? Хотъ онъ и шутилъ, а все-же, я его знаю: надо помнить! Привози блондинку! Ну, гдѣ я такую возьму, какъ эта: вѣдь рѣдкостная красота, и бѣдная—будетъ послушна! Даю телеграмму о разрѣшеніи; получаю отвѣтъ: «разрѣшаю жениться на блондинкѣ». Что это значить! Какъ понять, «на блондинкѣ»?.. Прихожу къ ней, показаль телеграмму—прочла, заплакала и говоритъ: «Вашъ начальникъ хочетъ, чтобы вы женились на блондинкѣ; ну, вѣрно, такъ Богу угодно! прощайте!..» Мнѣ такъ стало жаль ее, такъ это она кротко сказала, да и подумалъ я, что все это обойдется, увидать ея красоту,—ужъ очень я на это надѣялся,—взялъ я ее за руку и говорю:

— Ну, Богъ съ нимъ, съ генераломъ, а я все-таки женюсь! Кинулась она ко мнѣ на шею, называетъ и великодушнымъ, и самоотверженнымъ... Везу ее въ Ташкентъ и приучаю помаленьку.—Знаешь, говорю, я очень люблю, чтобы моя жена царилла, чтобы за ней увивались мужичны. Она смѣется и говорить:—«Постараюсь». Только, говорю, смотри—съ разборомъ; вотъ постарайся понравиться нашему генералу, еще двумъ, тремъ изъ этой компаніи, а такъ на кого понало, не стоить тратить вниманіе! Да смотри, подружись съ «малороссійскимъ соловьемъ»: эта барыня будетъ руководить тобою, безъ нея пропадемъ!—«Только-бы обошлось, что я брюнетка, а за остальное ручаюсь. О, я очень честолюбива.» Такой отвѣтъ мнѣ очень понравился. Какъ пріѣхали, на другое-же утро стали собираться къ генералу, туалетовъ ей надавали и самъ я нашлъ тѣму!.. Только-что одѣлись, выходимъ въ прихожую, а самъ генералъ катитъ.

— А вотъ я и самъ пришелъ смотрѣть жемчужину съвера! Взглянулъ и побагровѣлъ. Сразу тонъ измѣнилъ, сухо такъ раскланялся, она струсила и ушла; тутъ онъ на меня накинудся:

— Это что-же?! Нашему «малороссійскому соловушкѣ» соперницу привезъ! Да это нахальство! Я тебѣ, кажется, сказалъ на прощанье...

— Ужъ очень красива, блондиночекъ такихъ красивыхъ не было! Я думалъ...

— Думалъ!.. Хороша! Вѣдь я тебѣ говорилъ, что красивѣе Маріи Александровны быть

не можетъ! Ну, что она? Что передъ Марьей Александровной! Да это оскорбленіе! Это нахальство—соперничать! Вздумалось Марію Александровну замѣнить!

— Какъ—замѣнить? Напротивъ, подъ ее покровительство...

— Умерла она! Ты знаешь, что безъ тебя умерла она, и воображилъ замѣнить ее! Нѣтъ, память о ней прочна въ нашихъ сердцахъ,—и всякая, которая осмѣлится претендовать, на нихъ, только заставитъ насъ еще больше скучать о покойномъ «малороссійскомъ словушкѣ», незамѣнимомъ, незабвенномъ! — Голосъ его задрожалъ, онъ отвернулся, вышелъ и уѣхалъ.

Мы точно кипяткомъ ошпарены. Поѣхали было къ другимъ изъ этой компаніи, не приняли; видно, пропихали о приѣмѣ генерала, проклятые холопы! Мы совсѣмъ растерялись... Она плачетъ... Сообразилъ я, что надо поѣхать къ купчихѣ Жирновой: она все-же вѣсь имѣла и, вѣрно, замѣняетъ Марію Александровну. Приѣхали къ ней, заставила ждать въ гостиной, наконецъ вышла, морда—надутая; ни дать, ни взять благодѣтельница, а мы съ прошеніемъ! Хотѣлось мнѣ ей въ морду плюнуть, да нечего дѣлать, сломилъ себя! Ужъ мы льстили, льстили ей, а она ломалась, ломалась надъ нами, наконецъ, будто смягчилась и говорить:

— А вы визитовъ еще никому не дѣлали? Вы-бы ѣхали!..

Мы кинулись ее благодарить за ободреніе и за совѣтъ... Ослы! повѣрили! Я расшаркиваюсь, возьмите, молъ, подъ покровительство! Неопытная, молъ, женщина! Она снисходительно мѣрзаетъ жену взглядомъ.

— Вы, говорить, шутите: она всѣхъ кавалеровъ къ своимъ ногамъ низвергнетъ!..

Я тутъ, польщенный, ей про генерала проболтался, она вдругъ обрадовалась, давай хохотать, такъ съ хохотомъ насъ и проводила; вышли—недоумѣваемъ, что это! И надо отдать справедливость женѣ, хоть и неопытная, а вела себя молодцомъ! Только ѣдемъ въ недоумѣніи, что теперь дѣлать, а насъ обгоняетъ экипажъ и въ немъ она, Жирнова; обогнала и такъ насмѣшливо раскланялась. У меня сердце екнуло, погналъ я лошадей, но только въ какой-бы важный домъ съ визитомъ ни приѣхали, вездѣ у подъѣзда съ ней встрѣчались. Мы подъѣзжаемъ, она уѣзжаетъ. Ну, объѣхали всѣхъ, кого слѣдовало; вездѣ двусмысленные вопросы, ну, просто измучались! Дамы — одна холоднѣе другой, а одна такъ прямо спрашиваетъ: «что, приѣхали сюда нашимъ мужьямъ головы кружить?..» Больше не могли—домой! Ѣдемъ, опять ее встрѣчаемъ, она смѣется прямо въ глаза, пальцемъ грозитъ и кричитъ:

— У, соперница, жестокая, всѣхъ мужчинъ очаровала!..

Въ слѣдующее воскресенье приготовили мы кофе, ждемъ часъ, другой; все посматриваемъ, въ порядкѣ-ли столъ; то къ окну подойдемъ—никого! И понялъ тутъ я, что не хотять намъ визитовъ отдавать. Сидимъ мы у окна, точно оплеванные, а на улицѣ экипажи ѣдутъ, раскланяются другъ съ другомъ и все мимо... и все мимо... Ахъ, чертъ бы васъ побралъ! Жена блѣдная и на меня взглянуть не смѣетъ! Нѣтъ, думаю, надо показать, что мы и не думаемъ ждать! Плавать на нихъ хотимъ! Велѣлъ я заложить лошадей. Она робко такъ мнѣ говоритъ: «можетъ быть, послѣ катанья завернуть!» Я только рукой махнулъ. Выѣхали и мы. Пара у меня заглядѣнье, сбрую привезъ

съ собой новую; выѣхали съ шикомъ, только никто не кланяется намъ. Ѣдетъ навстрѣчу и Жирнова, и съ кѣмъ же?—съ генераломъ! Прищурилась на насъ, будто въ первый разъ видитъ... Раз-зился я... Приѣхали домой; какъ взглянулъ я на столъ,—все еще накрытъ и молочники разставлены,—похваталъ я все и давай швырять за окно! Жена уѣжала и расплакалась! Я схватилъ шапку и къ Жирновой, по дорогѣ выпилъ съ горя! Она припала меня, я ее упрекать, а она смѣется и говоритъ:—Что-же! вѣдь если-бы ваша жена понравилась генералу, такъ вы бы надъ нами величались, вы бы командовали; вѣдь вы съ этимъ и ѣхали, да не выгорѣло, а вамъ что-же звать?.. Уѣзжайте лучше въ Маргеланъ! Подайте въ отставку! — Ну, вѣтъ ужъ!—говорю... Принялся я было кричать, да выткнулся вонъ. Напили я въ лоскъ. На другой день получаю бумагу объ отставкѣ по 3-му пункту безъ объясненій причинъ. Волосы рвалъ на себѣ, вѣдь она права была, подать въ отставку мнѣ вчера самому и уѣхать въ Маргеланъ, поблагодаривъ ее за науку! А я скандалил, кричалъ, дуракъ!..

Теперь куда дѣнешься! Такъ хорошо-же! Я васъ допеку! Принялся я писать доносы, шпионить... въ этомъ душу отводилъ. Прожили, наконецъ, все, что было, пошла тутъ она... нищета!.. Я ругаюсь, скандалю, пишу анонимныя письма, на стѣнахъ карикатуры рисую... наконецъ, нечего ѣсть стало... Жена похудѣла... подурнѣла... Разъ сидимъ мы въ сумерки... Свѣчъ и спичекъ нѣту... Не ѣли два дня... холодно очень... за окномъ дождь. А знаешь, говорю, хорошо-бы поѣсть и печку затопить свѣчку зажечь?—«Хорошо-бы!»—Знаешь, я схожу къ казначею полка, приведу его сюда, онъ всего намъ отпустить изъ полка? Она опустила голову, молчитъ...

Привелъ я казначея. За нимъ приѣхала арба съ дровами. Вѣстовой затопилъ печь, прибралъ все, зажегъ свѣчи, изъ офицерскаго собранія принесли ужины,—вино. Жена преобразилась, глаза горятъ, шеть больше, нашего... Выпили, поболтали, наконецъ я хочу уйти, будто-бы посмотрѣть газеты въ клубъ, а она проситъ остаться, а сама поблѣднѣла. Пожалъ плечами, однако, сѣлъ; она встала, налила намъ въ бокалы шампанскаго, подняла руку съ бокаломъ и воскликнула:—господа, выпьемъ за брюнетокъ!—Ура!—подхватили мы. Она разомъ выпила бокалъ и бросила его на землю, сама повернулась и вышла, а лицо какое-то особенное, торжественное. Подождали мы... Стали играть въ шашки, онъ мнѣ все проигрываетъ; проигралъ до ста рублей, а она все еще не идетъ... Вдругъ слышу крикъ, приближалъ въ спальню. Лампа горитъ на столѣ... Она лежитъ на кровати, изъ горла льется кровь... На полу валяется моя бритва... Тутъ ужъ всѣ перетрусили, и самъ генералъ придралъ на панихиду, денегъ предлагалъ, да я отказался! Ужъ очень мнѣ было приятно ему ихъ назадъ швырнуть!—Я-бы, говорю, вамъ многого могъ сказать, да противно! На-зло имъ всѣмъ положилъ ее въ простой некрашеный солдатскій гробъ... Генералъ мою дерзость сѣлъ и все-таки прилепелъ на похороны и приказалъ ее отпѣть и похоронить, какъ будто-бы и не самоубійцу. — Мнѣ мѣсто предлагалъ... да нѣтъ!—слуга покорный, теперь не пойду... Да и зачѣмъ!—того, чего хочу, теперь ужъ не получу! Такъ лучше ужъ ничего! Проклятые. Пусть лучше знаютъ меня! Не купите грошевымъ мѣстомъ! Мнѣ по крайней

мѣрѣ печего терять! А, вы погубили меня—такъ и я-же презираю васъ! Я сталъ страшно пить, буйнить—ужъ и мучилъ-же я ихъ! Врывался въ собраніе, ругался, разгонялъ ихъ по угламъ и смирно уходилъ, когда меня окружала прислуга... но затѣмъ черезъ часъ являлся снова! Я былъ ихъ бичемъ, они не могли спокойно веселиться, всюду видѣли меня, запирались въ комнатахъ! Жирновой пришлось десять разъ поблѣнить свой домъ, то дегтемъ вымажу, то пакостью напишу, или нарисую, и все это ночью, такъ что утромъ всѣ видятъ! Пока проснутся, да пока закрасятъ! Они даже особаго сторожа посадили, но я и тутъ ухитрился наклеивать карикатуры на стекла. Молодежь тайно была за меня, кормила меня, поила, помогала, ихъ забавляло все это. Наконецъ, дорвался,—засадили; вышелъ я изъ тюрьмы и принялся иначѣ мстить! Началъ писать доносы... Многихъ изъ тѣхъ теперь ужъ нѣтъ. Которые перевелись, кое-кто въ зачулищахъ, другіе высланы на счетъ благотворительнаго общества въ Россію, тѣ—ушли съ партией солдатъ на родину... А я все пишу! Я врагъ всего власть имущаго! Я пишу доносы и на теперешнихъ! Пишу, пишу, но газеты и журналы трусятъ печатать, не принимаютъ, и, знаете, такъ трусливы, что и рукопись не возвращаютъ, а уничтожаютъ!.. Да! А живу я трудами своей находчивости... Я, какъ интеллигентъ, могу, конечно, составлять письма; сижу я на базарѣ,—у меня тамъ свой столикъ и стулъ, сижу и пишу прошенія, кляузы, письма солдатамъ на родину, а если работы заколодило, то перессорю двухъ купцовъ-сартовъ, они любить въ русскомъ судѣ судиться... и тогда моя жатва!.. Только вотъ костюмъ замучилъ! надо его поддерживать все-же въ приличномъ видѣ! Вотъ можетъ, вы ссудите меня старымъ платьемъ? По товарищески... вѣдь вы и я служимъ одной богинѣ—литературѣ... А то, видите, безкостюмному довѣрія нѣтъ!

— Когда же вы пишете?

— А вотъ здѣсь, у него, на избушкѣ, по вечерамъ... Тутъ и ночью иногда. Ахъ, сколько воспоминаній будятъ эти стѣны! Зато и вдохновляютъ мою злобу! Иногда почую, когда не пишу, на горѣ, а чаще всего въ караульной, они меня любятъ, я имъ книжки читаю... Обѣдаю въ казармахъ съ солдатами, за это имъ тоже читаю, они страстные любители послушать чтеніе, они и накормятъ, а за часую и напоютъ. Да, знаете, я не могу опуститься такъ, какъ всѣ прочіе зачулищцы... Вотъ вы увидите, что это за скоты! О, нѣтъ, я отъ нихъ далека, хотя и члелюсь зачулищцемъ! Я не теряю энергіи! Рапо или поздно, а правда выйдетъ наружу... Мои сочиненія будутъ не только печататься, но даже просить, умолять стануть эти трусы-редакторы... Будутъ выпрашивать, хоть пять строкъ...

— Какъ-же вы узнаете адреса редакцій?

— Очень просто! — въ календарѣ, у меня есть такой!..

Больше я не могъ слушать, становилось тошно, я велѣлъ подать водки, онъ выпилъ и сразу опьянѣлъ; онъ воображилъ, что я его поднаиваю, что желаю вывѣдать побольше и посекретнѣе рассказовъ, и съ готовностью близехонько присѣлъ ко мнѣ и началъ рассказывать разныя грязныя вещи. Къ счастью, онъ выпивалъ все чаще и чаще и, наконецъ, позабылъ и о насъ со старикомъ, и обо всемъ, кромѣ графина. Онъ осовѣлъ, глядѣлъ куда-то передъ собой, время отъ времени подымалъ глаза на графиня и выкрикивалъ точно лаялъ: — Antoin! — Plait-il

monsieur?—Verse moi du vin!—Tout de suite, monsieur!—И мнимый Антуанъ наливаетъ настоящему водки, тотъ выпиваетъ, говоритъ «merci», плюетъ въ одну сторону, и время отъ времени дрожащими руками вынимаетъ изъ кармана какія-то бумажки, обличительные акты и хрипитъ какую-то чушь вроде: «Вотъ, я ихъ упеку, вотъ я ихъ опроберу! Братия писатели! тяжкая доля наша!.. Воры, мошенники, я васъ открою!.. Antoin!..»

Мы бросили его и побѣжали къ Чаули...

III.

Издали еще слышенъ былъ шумъ и журчанье воды, свергавшейся съ плотины; тамъ внизу она бурлила и пѣнила, но выше, за плотиной, шла тихой, тяжелой массой. По берегу разбросаны были какія-то руины въ видѣ большихъ кучъ жженого кирпича... Когда мы подъѣхали ближе, оказалось, что это—остовы стѣнъ, внутри какія-то ниши, ходы, углубленія: это и были зачаулинскія кирпичи—обжигательныя печи. Онѣ разсѣлись отъ дождя, но такъ удобно, что образовались годныя для убожища щели и углы. Кругомъ тянулась стѣна. Мы оставили лошадей въ кустахъ и пѣшкомъ направились къ берегу.

Изъ печей вылѣзали всклокоченныя фигуры, кто—безъ сюртука, кто—въ халатѣ, кто—вовсе нагишемъ. Какіхъ только костюмовъ тутъ не было—и куцавейки, и ротонды! Они бѣжали трусцой къ рѣкѣ...

Они бѣжали купаться. Теперь еще они были не въ духѣ; вечеромъ-же, когда они подопьютъ, становятся веселѣе! Искушавшись и очухавшись, они посылаютъ очередныхъ въ городъ на промыселъ—вѣдь ѣсть, пить надо, а костюмовъ мало... Вотъ и соблюдается очередь; неспособные сидятъ, рыбу ловятъ, а способные ходятъ по-очереди въ городъ по столько человѣкъ, на сколько костюмовъ хватить; они и милостыню просятъ, и воруютъ, и пляшутъ на базарѣ...

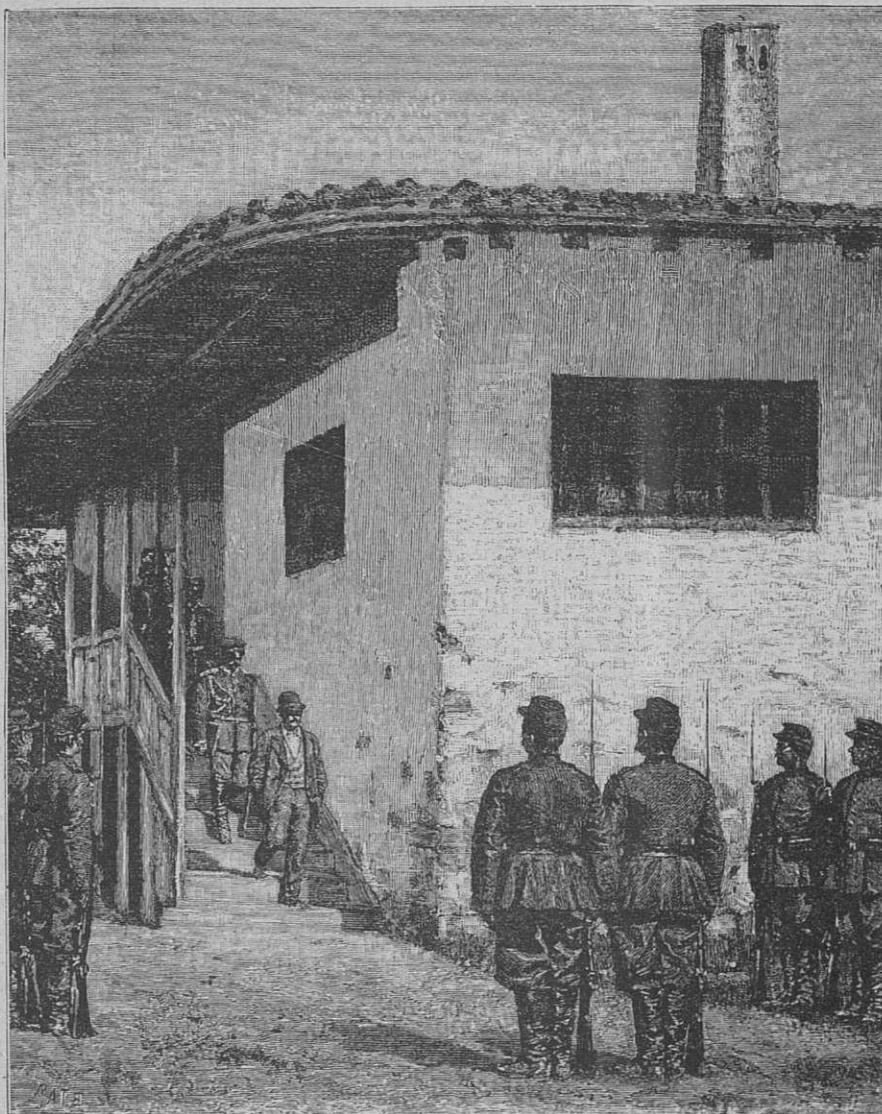
Кто можетъ протрезвиться, тотъ пишетъ письмо по казармамъ... Куски собираютъ, сказки разсказываютъ, да мало-ли занятій. — Есть и покрупнѣе дѣлшки. Вотъ, смотрите, смотрите на этого! Этотъ изъ крупныхъ, ихній аристократъ!—проговорилъ сторожъ. Изъ печи вылѣзъ молодой человѣкъ, вполне приличный; все, по крайней мѣрѣ, на немъ было: и сапоги, и сюртукъ. Онъ засунулъ руку въ щель между кирпичами, досталъ оттуда вѣшникъ и почистилъ платье; потомъ осмотрѣлся, вынулъ изъ кармана даже гребенку и причесался; потомъ легкой походкой направился къ російской дорогѣ.

— Вотъ онъ теперь пойдетъ на первую станцію, прикинется гуляющимъ, подмажется къ проѣзжимъ, сведетъ знакомство, попроситъ довести до города, вотрется въ руководители и, въ концѣ-концовъ, обдуетъ ихъ! Или придетъ на станцію, закажетъ самоваръ и за чаемъ поджидаетъ проѣзжихъ.

Знакомится тогда съ убожающими въ Россію; тутъ ужъ онъ прямо обращаетъ... Предложить стаканъ чаю; тѣ соглашаются, потому что почти никогда лошадей нѣтъ: все равно приходится ждать... Ну, и стащить что можно: пледъ, подушку, денегъ рублей пять, десять!

— Какъ-же не попадется?

— Умецъ! Беретъ немного, а изъ-за него многого не станутъ и возиться, тѣмъ болѣе въ дорогѣ. Человѣкъ проѣзжий, съ этимъ и ѣдетъ; ну, какого проѣзжаго не обирали?! Да, знаете, и напрасно жаловаться; у насъ еще пока ни одного вора не нашли! Развѣ для чиновныхъ да очень богатыхъ постаряются;

Шпionъ. Съ картины художника В. Верещагина.

такъ къ такимъ онъ и самъ не сунется... Вотъ такъ и ютится тутъ; житье привольное: ни стѣсненія, ни начальства, ни порядку, ни горя... Лѣтомъ тепло, а зима велика-ли? Да зимой опять-же всякій больше пожалѣетъ и подастъ... Да!

(Продолженіе слѣдуетъ).

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Чиновникъ-крысоловъ. Въ Парижѣ, какъ сообщаютъ англійскія газеты, учреждена новая правительственная должность: уничтоженіе крысъ. Чиновникъ, исполняющій эту обязанность, употребляетъ старый и самый простѣйшій способъ уничтоженія крысъ: онъ наводитъ всѣ казенныя зданія множествомъ кошекъ, которыя содержатся на счетъ правительства. Кошекъ въ особенности много въ зданіи почтамта. Онѣ свободно разгуливаютъ по всѣмъ отдѣленіямъ и никто ихъ не смѣетъ трогать.

Статистика потребленія бумаги. Лѣтъ тридцать тому назадъ говорили, что цивилизація народа выражается количествомъ потребляемаго имъ мыла. Въ настоящее-же время утверждаютъ, что количество расходуемой бумаги можетъ служить доказательствомъ цивилизаціи той или другой націи и при этомъ указываютъ на статистику, а именно:—Всѣхъ бумажныхъ фабрикъ на земномъ шарѣ 3,985, онѣ производятъ 1,450 милліоновъ килограммъ бумаги ежегодно. Типографіи употребляютъ половину этого количества; одни журналы расходуютъ бумаги 335 милліоновъ. Въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ это количество увеличилось на 110 милліоновъ килограммъ. Расходваніе бумаги по національностямъ распредѣляется такимъ образомъ: на каждого англичанина приходится 6 килограммъ и 50 граммъ бумаги; на американца 5 килограммъ 70 граммъ; на нѣмца 4 кил. 40 грам., на француза 4 кил. 20 грам., на итальянца и австрійца приблизительно по 2 кил., на мексиканца 1 кил. 20 грам., на испанца 0 кил. 85 грам., на русскаго 0 кил. 70 грам. ежегодно. Изъ этой любопытной статистики видно, что англичане и американцы болѣе всѣхъ читаютъ журналы, а потому и могутъ считаться самыми цивилизованными.

Разрѣшеніе восточнаго

вопроса. Турецкій султанъ не особенно горячо занимается государственными реформами, несмотря на безпорядки по всей Имперіи. Вотъ характерная сцена, которую описываетъ одинъ итальянскій корреспондентъ. Властелинъ блистательной Порты сидитъ въ своемъ кабинетѣ на диванѣ и по обыкновенію куритъ; входитъ великій визирь и докладываетъ:

— Посланники иностранныхъ державъ желаютъ говорить съ вашимъ величествомъ.

— Опять посланники! Что имъ нужно отъ меня?—спрашиваетъ султанъ.

— Они говорятъ, что правительства, уполномочившія ихъ, желаютъ передать вамъ нѣкоторыя соображенія.

— Хорошо: пусть войдутъ, печально говоритъ султанъ.

Посланники входятъ. У султана начинается прыгать нижняя челюсть, лицо его блѣднѣетъ. Послѣ обычнаго привѣтствія, онъ объявляетъ посланникамъ, что вопросъ уже исчерпанъ.

— Не совсѣмъ,—отвѣчаютъ посланники. — Ну, а больше я ни о чемъ говорить не могу, потому что болѣе,—продолжаетъ султанъ и съ этими словами протягивается на диванѣ.

Великій визирь извиняется передъ посланниками, объясняя поведеніе султана нервозностью, доходящей до болѣзненности. Посланники уходятъ и телеграфируютъ своимъ правительствамъ: «Произведено новое давленіе на султана, результаты самые благоприятныя». По уходѣ посланниковъ повелитель блистательной Порты быстро вскакиваетъ съ дивана и, обращаясь къ великому визирю, говоритъ:

— Табаку и трехъ одалисокъ!

Жена Цезаря. Молодая вдова съ 27,000 флориновъ приданаго, публикуетъ въ «Piccolo di Trieste», что желаетъ сочетаться бракомъ съ господиномъ отъ 25 до 30 лѣтъ, который непременно назывался-бы Цезаремъ.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ.

Въ 1896 году, при журналѣ „Живописное Обзоріе“, будутъ прилагаться **БЕЗПЛАТНО** ежемѣсячно книги журнала „Домашняя Библиотека“, выходящія въ форматъ „Вѣстника Европы“ и состоящія изъ **НОВЫХЪ** литературныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей, что въ общемъ увеличитъ литературный матеріалъ для легкаго чтенія въ **ЧЕТЫРЕ РАЗА БОЛѢЕ**, сравнительно съ книжками за прошлые года.

Книги эти, по обилію и разнообразію литературныхъ произведеній, вполне замѣнятъ дорогой ежемѣсячный журналъ.

Зима въ Финляндіи. Съ новой картины профессора Ю. Ю. Клевера.

Стеттинъ стоялъ у входа въ бальную залу; онъ нарочно прѣхалъ раньше, чтобы не пропустить молодую дѣвушку. Она вошла, радостно сияя своей красотой. Ему стало больно, глядя на ея радость, такъ какъ онъ зналъ причину ея счастья и зналъ, что ему скоро придется огорчить ее. Онъ подошелъ къ ней и предложилъ руку. Марія съ радостью приняла ее, потому что Стеттинъ былъ лучшимъ другомъ ея князя. Однако, она постоянно оглядывалась по сторонамъ, ясно было, что она кого-то ждала. Наконецъ, Марія не выдержала и спросила своего кавалера:

— Отчего вы не пришли вмѣстѣ съ княземъ, какъ вчера?

Призвавъ на помощь все свое мужество, онъ отвѣтилъ:

— Князь не придетъ сегодня.

— Какъ не придетъ? воскликнула она, — навѣрно придетъ, онъ танцуетъ со мной котильонъ. Развѣ онъ боленъ? прибавила она испуганнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, не боленъ. Позвольте мнѣ пригласить васъ на котильонъ, князь поручилъ мнѣ замѣнить его, потому что онъ уѣхалъ въ Бельгію.

— На долго?

— Мѣсяца на три, если не больше.

Посмотрѣвъ на Марію, Рексъ почувствовалъ угрызения совѣсти; глаза ея потухли, лицо подернулось мертвенной блѣдностью и отъ прежней, сіяющей счастьемъ красоты не осталось и слѣда.

Въ эту минуту графиня Треренбергъ и баронесса Бануть поравнялись съ Марією де-Ривенъ: эти двѣ почтенныя маменьки обладали каждая некрасивой дочерью, которую невозможно было пристроить. Со злобностью, свойственной этого рода женщинамъ, баронесса сказала своей спутницѣ злобнымъ шепотомъ:

— Знаете новость? Князь де-Клессъ усалъ своего сына въ Богемію, такъ какъ не хочетъ и слышать о его женитбѣ на Маріи де-Ривенъ. Войтъ не противился отцу; онъ самъ, вѣроятно, радъ былъ отдѣлаться; говорятъ, его тамъ страшно ловили.

Марія все слышала.

Стеттинъ шелъ рядомъ съ ней, не смѣя поднять глазъ. Когда, наконецъ, онъ рѣшился взглянуть на свою спутницу, то увидѣлъ двѣ крупныя слезы, медленно катившіяся по ея поблѣднѣвшимъ щекамъ. Ему сдѣлалось безконечно жаль молодую дѣвушку; онъ понялъ, что въ сердцѣ Маріи безвозвратно погибла наивная довѣрчивость, составляющая обаяніе молодости.

* * *

— Посмотри, сказалъ Войтъ, протягивая своему другу карточку, на которой было написано: «Графъ и графиня Карола просятъ васъ пожаловать на бракосочетаніе дочери ихъ Маріи де-Ривенъ съ графомъ Людвигомъ Катекъ Мароль». — Что ты на это скажешь? спросилъ Войтъ.

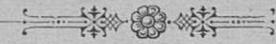
— Я нахожу это вполне естественнымъ, отвѣтилъ Стеттинъ.

— Естественно! воскликнулъ князь, — а я такъ нахожу, что это просто отвратительно. Какая комедіантка, эта дѣвчонка! А я и точно вообразилъ, что она меня любитъ! Ахъ, женщины, женщины, все вы на одинъ ладъ! Но все-таки отъ нея я этого не ожидалъ.

Рексъ, совершенно ошеломленный, смотрѣлъ на своего друга и думалъ объ этихъ двухъ слезинкахъ, неизгладимо врѣзавшихся въ его память. Черезъ минуту онъ философски пожалъ плечами и не сказалъ ни слова. Впо-

слѣдствіи узнали, что графъ Мароль очень богатъ и что ему сорокъ лѣтъ.

Войтъ де-Клессъ, сочетавшись законнымъ бракомъ съ своей герцогиней, продолжаетъ думать, что Марія очень гадко поступила въ отношеніи его.

ЗАЧАУЛИНЦЫ.

Очерки ташкентской жизни В. Губаревичъ.
(Продолженіе).

ДА почему-же этотъ молодой человекъ не можетъ жить по-людски?.. — Лицо сторожа приняло грустное выраженіе, онъ вздохнулъ...

— Видите, отецъ жилъ врозь со своей женой, а мальчикъ былъ сынъ его отъ кухарки; старикъ говорилъ мальчику, что никто этого не знаетъ и что онъ его усыновилъ, такъ что ему послѣ смерти старика наследникомъ всего его капитала быть... А капиталъ-то большой, шестьдесятъ тысячъ! Мальчишка избаловался; ничего знать не хочетъ! Что, говорить, мнѣ! Шестьдесятъ тысячъ всегда на мой вѣкъ хватить! Поступлю, говорить, для чина на службу, да служить-то буду шутя, къ чему мнѣ! А нѣтъ — хозяйничать буду, землю запасу... Ничему его не учили, только въ городскомъ училищѣ кончилъ и то съ грѣхомъ пополамъ... Обзавелся товарищами, охотился, гонялъ собакъ, да у отца деньги выматывалъ! Старикъ любилъ его, что и говорить! — всегда своимъ сыномъ звалъ, балы для него задавалъ! И все его любезно принимали, судейскія барышни съ нимъ даже и амазонками катались. Вдругъ старикъ упалъ съ лошади, ударился затылкомъ и умеръ. Завѣщанія не оставилъ!.. Прѣхала законная жена, кухарку изъ дому выгнала. Мальчику въ это время только что исполнилось 17 лѣтъ — самые задорные годы! И погнали его съ матерью изъ дома! Онъ заспорилъ, разозлился, устроилъ скандалъ... Его забрали на гауптвахту. Онъ чуть съ ума не сошелъ: пришлось придуматься, а онъ къ этому непривыченъ былъ...

На другой день ведутъ его въ участокъ и здѣсь передъ всемъ честнымъ народомъ объявляютъ ему, что фамилія ему не Меньшиковъ, а Демьянкинъ, что онъ незаконный сынъ мѣщанки Демьянкиной... Заявила-де о томъ полковница, чтобы все это было ему объявлено... «Какъ такъ?» — Онъ-то вспылалъ. — «Она не имѣетъ права, я узаконенъ, значить»... — «То-то и дѣло, что нѣтъ! До сихъ поръ вамъ объ этомъ ничего не говорили... А теперь дескать наша обязанность заявить вамъ, что вы сейчасъ-же должны написать съ мѣщанамъ города Ташкента! И то мы все откладывали»... Обезнамятъ мальчикъ... Потомъ, гдѣ-то пропалъ двѣ ведѣли; только приходитъ ко мнѣ, одичалый, всклокоченный... Одивъ знаю, сколь горько ему было! «Дай, говорить, приютъ мнѣ, а обѣдъ я себѣ добуду!» Мать, говорю, все глаза выпалакала. «Не могу, говорить, я! Еслибы я не важничалъ, — а то какъ вѣспомню я теперь, какъ я деньгами швырялъ, зазнавался, какъ я госпожу Меньшикову, какъ хозяйнѣ, принялъ, и какъ ей великодушню заявилъ, что она можетъ здѣсь располагаться, какъ дома, а она какъ взглянетъ — и ничего не сказала»...

Ну, тутъ немного у меня пожилъ, а тамъ къ зачаулинцамъ перешелъ; «они, говорить, все обижены, мнѣ у нихъ и мѣсто, да и никто меня тамъ и не увидитъ»... Однако,

пойдемте, нечего тутъ больше и смотрѣть! Рыбу удать и все тутъ! Вечеромъ лучше придемъ!

— Нѣтъ, побудемъ здѣсь!..

— Ну, такъ вы побудьте, а я пойду къ лошадямъ, не убѣжали-бы!.. Смотрите, будьте осторожныѣ; чуть что — кликнете меня!..

Въ эту минуту нѣсколько фигуръ показались на берегу; на одномъ было драное одѣяло, на другомъ — полудубокъ, на третьемъ... Третій былъ знакомый читателю философъ въ женскомъ капотѣ. Люди эти несли удочки и, усѣвшись подъ деревомъ, закинули ихъ. Философъ сѣлъ въ сторонкѣ. Я выступилъ впередъ и, протянувъ ему руку, смѣло воскликнулъ: — Здравствуйте, товарищъ! Какъ вы меня забыли! — Капотъ поднялъ на меня испуганные, жалкіе глаза и молчалъ.

— Стыдно, стыдно! Забыли актера Синичкина, а вѣдь вмѣстѣ путешествовалъ въ Нижній на ярмарку ломали!.. А тогда еще съ нами Глафира Ивановна Осипова была! Чудная актриса! — вралъ я ему, узнавъ отъ сторожа его жизнь. Онъ начиналъ просыпаться. Тусклые глаза начали осмысленно разглядывать меня, потомъ вдругъ онъ спохватился, неловко запахнулъ полы своего капота, поглядѣлъ на меня такъ, точно въ чемъ-то просилъ прощенія, и робко такъ протянулъ дрожащую руку. Я пожалъ ее, онъ приподнял шляпу, и я опять увидѣлъ бритую голову. Онъ смертельно покраснѣлъ, замѣтивъ мой взглядъ, и пробормоталъ:

— Послѣ болѣзни! Обрили!.. Онъ сѣлъ; я присѣлъ рядомъ. Никто изъ остальныхъ рыбаковъ не удивился, не испугался, а просто и даже любезно поглядѣли на меня. Мой капотъ опять задумался и, видно, позабылъ меня. Лицо его опять стало такое-же блѣдое, и глаза такъ-же дико глядѣли на воду, а потомъ на меня и въ то-же время, какъ будто, мимо меня... Чтобы вывести его изъ задумчивости, я спросилъ его:

— А гдѣ-же она?

— Она? Ее закопали живую!

— Что? Глафиру Ивановну закопали живую!

— Ахъ, нѣтъ! Она живетъ тамъ въ Ташкентѣ! Это — Марья Александровну закопали живую! У меня есть!..

— Что?

— Сокровище! Я вамъ его покажу!.. Да, вотъ видите, рыбу ловлю!..

— Здѣсь мало рыбы!..

— Да, тутъ мелкая рыба, это для насъ на уху къ вечеру, а настоящіе рыболовы изъ нашихъ уходятъ ловить на валахъ. Только та рыба идетъ на продажу; а я ни къ чему не гожусь, ни къ чему... Въ городъ на промыселъ ходить не могу! — Онъ горько усмѣхнулся. — Не практиченъ я! До сихъ поръ поддерживали друзья, даже какъ-то на службѣ терпѣли, придумали мнѣ должность декоратора въ кружкѣ любителей, терпѣли... До болѣзни, но болѣзнь окончателно... вотъ только рыбу ловлю!..

И вдругъ онъ добавилъ ни съ того, ни съ сего:

— А, вѣдь, я никогда не умру!..

— Вотъ какъ?..

— Потому что не вѣрю въ смерть! Отчего умираютъ? — Оттого, что имъ внушаютъ съ пеленокъ, что есть смерть, что можно умереть! Вотъ Адамъ и Ева были безсмертны, и жили-бы, конечно, вѣчно, а почему? — Потому что они еще никогда не видали смерти и не знали о ней! Богъ имъ внушилъ, что они смертны умрутъ, и они стали ми-

тельными, почувствовали болѣзни, постарѣли и умерли!.. Да! такъ вотъ точно и Каинъ! Онъ и не думалъ убивать Авеля, онъ даже и мысли-то такой не могъ имѣть, потому что и представленія не имѣлъ о смерти. Онъ просто стукнулъ Авеля по головѣ дубиной, не думая, что онъ отъ этого умретъ. Родители его были живы, и онъ не видалъ ни одной еще смерти, ни одного покойника! Откуда-же у него могло явиться представленіе, что отъ удара Авель умретъ? Онъ просто стукнулъ и, не глядя на Авеля, ушелъ. Онъ, можетъ быть, не зналъ, что тотъ упалъ и не встаетъ... Когда-же Богъ объяснилъ ему, что онъ сдѣлалъ: убилъ брата, что братъ больше никогда не встанетъ, то Каинъ испыталъ смертельный ужасъ! Мысль о томъ, что Авель снова обратится въ глину, такъ потрясла его, что онъ бѣжалъ, бѣжалъ, куда глаза глядятъ... Онъ страдалъ, онъ мучился, даже на лицѣ его отразились эти страданія ужаса и раскаянія... Вы вотъ только попробуйте сказать себѣ, что вы никогда не будете больны и не умрете, и вы увидите...

Я молча глядѣлъ на него, я не смѣлъ его прервать, но былъ пораженъ этими странными идеями и дикимъ вдохновеніемъ его лица. Вдругъ онъ уставился мнѣ въ глаза и отрывисто спросилъ:

— Вы здѣсь зачѣмъ?—Я смѣшался, не понимая; но онъ продолжалъ:—Меня привезъ въ Ташкентъ антрепренеръ, привезъ и бросилъ. Впрочемъ, онъ и самъ бѣжалъ со своей женой отъ стыда и долговъ... Какъ онъ только добрался до Россіи этимъ страшнымъ длиннымъ путемъ? Тогда вѣдь не было желѣзной дороги... Насъ осталось нѣсколько человѣкъ актрисъ и актеровъ. Куда дѣться? Насъ и разобрали по рукамъ богатая семья на потѣху; безъ насъ ни одинъ кутежъ не обошелся... Кое-кто повыбрался, кто перемерли, остались вотъ только я да Глафира Ивановна... Я жилъ у Марьи Александровны. Ну, что за милая была женщина: она тоже не вѣрила въ смерть. О, ее зарыли живую! Я вчера вечеромъ былъ на ея могилѣ... Да! а Глафира Ивановна славная старуха. Теперь играетъ съ любителями, прекрасная комическая старуха изъ нея вышла! Успѣхъ имѣеть! А помните ее въ Нижнемъ, какъ купцы по ней съ ума сходили... Я любилъ съ ней играть: роль всегда на зубокъ, находчива! Да, все проходить, все прекращается, все исчезаетъ... Разъ — помню... Только вотъ васъ не помню...

— А еще кто остался?—Онъ провелъ рукой по лбу и, видимо, съ трудомъ припоминалъ:—Да, кажется, всѣ!.. Нѣтъ, пойте! Молодой актеръ Боярскій! Онъ бросилъ все, открылъ лавочку, сидитъ за прилавкомъ, иногда угощаетъ меня, растаетъ! Вы его знали? Еще одинъ на роли благородныхъ отцовъ, Горевъ—путешествуетъ по городамъ, изображаетъ «Записки Сумасшедшаго» въ лицахъ. Актрисъ поразвезли по городамъ... У меня силъ не было выѣхать: она удерживала; а послѣ, когда ее зарыли, я не могъ покинуть это мѣсто!.. Убираю и украшаю ея могилу; вѣдь всѣ эти господа, которые когда-то съ нею веселились, теперь не вспоминая о ея могилѣ... Нѣтъ, нѣтъ! Я никогда не умру!.. Лѣтомъ прежде я игралъ на открытой сценѣ въ лѣтнемъ увеселительномъ саду; позорная трушна, но я больше куплеты пѣлъ; ну, а теперь эта глупая болѣзнь!..

— А сокровище покажете?! выпалилъ я, чтобы поймать его врасплохъ. Онъ какъ-то

передернулся, потомъ хитро усмѣхнулся и съ удивительной готовностью отвѣтилъ:

— Идемте!

Онъ быстро зашагалъ къ печи, нагнулся и пролѣзъ куда-то. Изъ отверстія глухо раздался его голосъ:

— Идите! Что-же вы стоите!

Я-было струхнулъ, однако, полѣзъ за нимъ и очутился въ сводчатой норѣ изъ кирпича, на полу лежалъ сухой клеверъ и больше ничего. Ни разогнуться, ни сѣсть, и только скорчившись въ три погибели можно было помѣститься...

Онъ разрылъ въ углу сѣно и досталъ свертокъ бумаги.

— Это мое сокровище!

Онъ хитрилъ: я видѣлъ по лицу...

— Это мой сонъ! Нѣтъ, собственно, не сонъ, а бредъ—исторія моей болѣзни!

— Это и есть сокровище?

— Ну, да! Я причу это ото всѣхъ, а вамъ прочту! Хотя я видѣлъ, что онъ хитритъ, что не это его сокровище, но все-же поощрилъ его:

— Ахъ, какъ любопытно! Онъ подозрительно покосился на меня, снова сунулъ руку подъ сѣно и приготовился спрятать рукопись назадъ.

— Что-же вы?

— Нѣтъ! не покажу вамъ! Вы смѣтаетесь!

— Я? Никогда! Честное слово! Да и что-же тутъ смѣшного; можно удивляться, жалѣть!..

— Жалѣть? Ахъ, пожалѣйте меня! Они всѣ смѣются надо мной... Приходите вечеромъ, они соберутся всѣ, вы увидите... Вотъ-бы ихъ на сцену, было-бы чему подивиться!..

— А что-же сокровище!—Онъ вздрогнулъ, глянулъ въ уголъ, на рукопись... снова въ уголъ... Онъ колебался, потомъ опять сталъ хитрить: отказывался читать сонъ, будто-бы не рѣшался открыть мнѣ свое сокровище, наконецъ, убѣдился, что я вѣрю ему и другого сокровища не подозреваю.

Онъ ушелъ или, вѣрнѣе, улегся поудобнѣе, и, глядя куда-то вдаль, онъ тихо, точно во снѣ, прошепталъ:

— Да, это былъ ужасный бредъ... Всю болѣзнь онъ преслѣдовалъ меня и все одинъ и тотъ-же!.. Я удивляюсь, какъ не лопнула моя голова! Казнь, казнь!.. И знаете, этотъ бредъ материализировался—такъ сказать, воплотился и слѣдить за мною! О! я счастливъ, что записалъ! Теперь онъ мой, мой, пока эта тетрадь существуетъ! Блаженство избавиться отъ него и держать его въ рукахъ! Да, держать его въ рукахъ! вотъ такъ! — Онъ потрясъ тетрадь въ воздухѣ.

— Ну, читайте! Вѣдь мы друзья?

— Друзья! друзья! друзья! Да, друзья! Долго друзья, долго меня жалѣли и терпѣли у себя... Они въ память ея, они знали, что я изъ-за нея погибъ! И не жалѣю... Не то я говорю!.. Я безъ нея погибъ, да она меня жалѣла, а они... Въ послѣднее лѣто, когда я пѣлъ въ саду куплеты, мнѣ пришла фантазія устроить свой бенефисъ... У хозяина сыннишка былъ—Сеня! Я его такъ любилъ! Что это былъ за мальчикъ! — Геній!.. О! я боюсь, боюсь этого сна... но и онъ боится, когда я читаю его! Мое торжество и его униженіе, торжество моей власти!.. Слушайте!.. — Былъ мой бенефисъ. Пьесу никто не разучилъ—ея любимая!—и я самъ въ томъ числѣ, а названіе самое заманчивое! Было это въ праздникъ. За куплеты меня любили, публики набралось много, въ буфетѣ кредитъ безъ конца. Я все выйду, выпью рюмку коньяку и кусокъ ли-

мону! Черезъ пять минутъ снова. Бенефисъ все равно, что именинникъ, каждый угощаетъ... Выпивалъ я, выпивалъ; наконецъ, почувствовалъ какую-то неловкость въ мозгу, не то жаръ, не то тяжесть... Выхожу на сцену, а суфлеръ книгу уронилъ, сидимъ мы съ актрисой и не знаемъ, о чѣмъ говорить.

Давай я ей рассказывать что-то, а сама еле языкомъ ворочаю!.. И вдругъ вижу... изъ стѣны выступаетъ еще актриса, а за ней Сеня!.. Я замолкъ на полусловѣ. Стоять, смотреть на меня!.. И вдругъ я вижу, я знаю, что ихъ приговорили къ смертной казни!.. Я сначала вынулъ глаза, себѣ не вѣрю, а публика неумолима и жестокъ!.. Ужасъ, сердце ledenъ! Милый мальчикъ стоитъ предо мной такой маленькой и его казнить!.. Я все-таки-ваю, говорю! Я прошу, стараюсь тронуть ихъ сердце и встрѣчаю лишь изумленіе на лицахъ! — «Господа! это гадко! гадко до невозможности! Казнь семилѣтняго ребенка! Какое право вы,—такіе-же люди, созданные изъ такой-же плоти, въ силу того-же закона природы,—вы рѣшаетесь отнимать жизнь у своего брата!..» Я рвусь на части... Но они безъ сердца, они съ любопытствомъ слушаютъ и переглядываются... «Ну, на какомъ основаніи, кто далъ вамъ нравственное право—право сильного?.. Сжальтесь! Я игралъ съ нимъ въ камушки, онъ любитъ меня, онъ часто жалѣлъ меня!..» Я опускаюсь на колѣна, я молюсь, я стискиваю руками горячую голову, а слезы льются изъ глазъ ручьями... — «Господа! онъ не жилъ, онъ такъ молодъ, всего семь лѣтъ! Смотрите, онъ даже не понимаетъ вашего приговора, онъ смѣется!» Въ публикѣ какой-то ропотъ; суфлеръ шепчетъ: «уходите!», кто-то тянетъ за рукавъ, я говорю:—«Сжальтесь, сжалъ!..»—но тутъ я чувствую, что желѣзный винтъ ввинчиваютъ мнѣ въ темя! Я вскрикиваю...—Изъ-за кулисъ бѣгутъ ко мнѣ актеры, публика встаетъ, галдитъ; они хотятъ взять Сеню, и я кричу во все горло: «бѣгите, бѣгите, пока не поздно!»—Всѣ вскакиваютъ, бѣгутъ вонъ, толкаются... меня тащатъ за руки; я не борюсь, я иду, я плачу такъ, что готовъ весь мозгъ выплакать, а поклятый винтъ давить, врѣзается, клонитъ голову куда-то внизъ, въ плечи... Вотъ площадь. Народу точно червей въ тарелкѣ—пестрота! Кто въ желтомъ, кто въ синемъ, а, главное, въ лиловомъ... Тошнить... глазами больно: особенно у одного сарта халать желтый красными змѣйками, и эти змѣйки виваются мнѣ въ глаза, прокалываютъ ихъ, ползутъ въ мозгъ!.. Вотъ возвышеніе; на возвышеніи диванъ, на диванѣ сидятъ двѣ актрисы и посрединѣ Сеня. Я гляжу ему въ лицо, и холодъ проходитъ по моему тѣлу... Что за улыбка! Блаженная какая-то, изстуженная; онъ шевелитъ губами, я слышу... О, я слышу—онъ говоритъ, болтаетъ весело! Что-то не дѣтское и невыразимое въ этой радости, что-то загадочное!.. Палачъ сартъ въ красной рубашкѣ... мнѣ опять страшно ломить глаза и лобъ... Палачъ вынимаетъ изъ мѣшка веревку, онъ хочетъ привязывать ихъ! Актрисы барахтаются, и вдругъ Сеня ласково такъ говоритъ палачу: «Не надо привязывать меня, я радъ!» У меня волосъ становится дыбомъ! Это не его голосъ—это голосъ какого-то идіота!—«Сеня!» кричу я. Онъ смотритъ на меня и радостно киваетъ головой... Палачъ начинаетъ съ актрисъ, беретъ изъ-за пояса длинный, узкій пожъ. Опять боль въ глазахъ! Я вспоминаю тутъ, что сарты рѣжутъ не просто, а съ церемоніей... И правда, гляжу—палачъ взялъ актрису за косу и сталъ

пилить ея шею сзади понемногу и что-то приговариваетъ... Актриса стонетъ, молитъ дать хоть минуту еще подышать... Но онъ пилить, и ножъ скрипитъ о кости и выходитъ: жить, жить!.. жить, жить!..

Ахъ, мой винтъ, онъ тоже давить мнѣ черепъ, не даетъ забыть о немъ!.. Другая актриса со злобой рвется, и все это покрываетъ слабый дребезжащій голосокъ Сени:— «Меня, меня сначала!..» Палачъ переходитъ къ Сеѣ... Боже! Эта улыбка!—она раздраетъ мое сердце, наполняетъ меня ужасомъ... Дико! страшно!.. Сени поправляется, чтобы палачу ловче было его рѣзать, на шеѣ у него что-то блестящѣе, палачъ беретъ это въ руку и точитъ объ это блестящее «что-то» свой ножъ...

— «Зайчики, зайчики!» вскрикиваетъ радостно Сени и хлопаетъ къ ладоши отъ восторга. — «Зайчики... зайч...» Палачъ упираетъ копецъ ножа ему въ темя, ножъ чуть-чуть погнулся, я замеръ... Трахъ!—голова треснула, какъ арбузъ во всю длину, и ножъ сразу вскочилъ въ трещину... Кровь густая медленно потекла по лицу...

Сени умолкъ, закурилъ губу; выраженіе восторга точно на полотнѣ волшебнаго фонаря блѣднѣетъ и постепенно переходитъ въ озабоченное. Брови сморщены, улыбка напряженная; онъ весь какъ-то натужился и тянетъ голову назадъ, помогаетъ палачу... Ножъ туго рѣжетъ голову-арбузъ... Тѣлце Сени вздрагиваетъ и замраетъ съ тѣмъ-же напряженнымъ заботливымъ выраженіемъ въ лицѣ... Кровь льетъ волнами, и вездѣ кровь, красная кровь...»

Чтецъ вдругъ умолкъ. Жутко было! Эта вора, эта согнутая фигура съ пылающимъ дикимъ взглядомъ, этотъ страшный сонъ или бредъ... Но вотъ понемногу вдохновеніе это утихло, голова опустилась, онъ снова поблѣднѣлъ, глаза потухли... Онъ глядѣлъ куда-то вдаль, видимо обо мнѣ позабывъ... Я пошевелился.

— Ахъ, это еще вы? Дайте денегъ!

Я протянулъ ему деньги; онъ съ жадностью схватилъ ихъ, быстро выкарабкался изъ пещки и бросился бѣгомъ въ городъ, потомъ вдругъ оборнулся и крикнулъ:

— Вечеромъ буду!..

Я возвратился къ моему сторожу, и онъ встрѣтилъ меня восклицаніемъ:

— Ну, ужъ и пропали-же вы! Я ужъ началъ бояться, не случилось-бы чего съ вами!..

— Что-же могло случиться?!

— Мало-ли? Вѣдь съ нихъ взятки гладки!..

— А знаешь, дѣдушка, мнѣ очень понравился этотъ, въ капотѣ!..

— Въ капотѣ?.. Это умница, былъ благороднѣйшій человекъ и добрѣйшій! Даромъ, что актеръ, а у всякаго былъ принятъ! Придетъ, все общество оживить и раскажетъ, и разсмѣшитъ, и споетъ... Только вотъ клоуно его къ этой Марѣ Александровнѣ; для нея и въ компанію эту затесался, а манеры, знаете сами, благородныя, ну, и по-французскому... Вѣдь онъ сирота... и для игрушки у графа одного въ Питерѣ воспитывался; у

нихъ дѣтей не было, а мальчикъ былъ способный, хорошенкій!..

(Окончаніе слѣдуетъ).

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

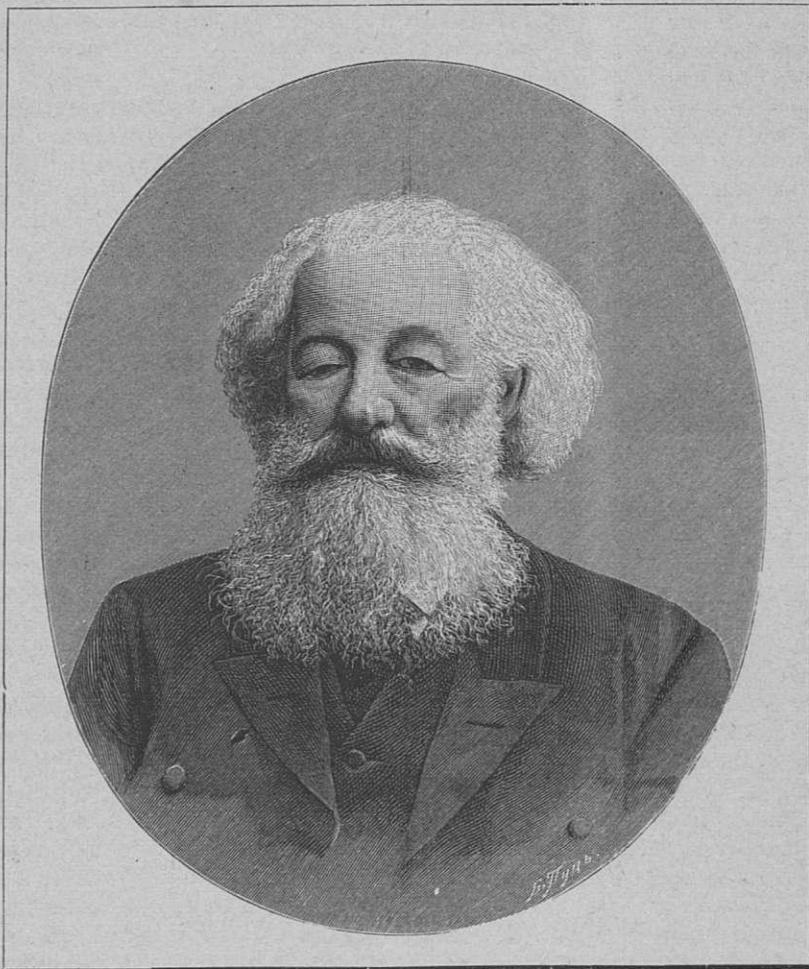
Странности великихъ математиковъ. «Разсѣявъ, какъ математикъ», это чуть не поговорка. Ньютонъ первый подалъ къ ней поводъ. Желая не прерывать своей работы, онъ, однажды, сталъ самъ для себя варить яйцо на завтракъ; черезъ нѣсколько минутъ онъ увидѣлъ, что держитъ яйцо въ рукѣ, а въ кастрюлѣ варятся его дорогіе карманные часы. Онъ-же приучилъ кошекъ помѣщаться въ его рабочемъ кабинетѣ во время

саль въ свою книжку для памяти: «при проѣздѣ черезъ Туръ не забыть обвиняться». Впрочемъ, эти чудачки имѣли свои особенные взгляды на женитьбу. Когда знаменитый д'Аламберъ упрекнулъ не менѣе знаменитаго Лагранжа за то, что тотъ не написалъ ему о своей женитьбѣ, послѣдній отвѣтилъ: «Это такое безразличное явленіе, что о немъ не стоило и упоминать».

Офенбаховская оперетка въ дѣйствительной жизни. Всѣ андалузскія газеты заняты скандаломъ, происшедшимъ въ Севильѣ между англичанкой миссъ Бессонъ и ея мужемъ, мистеромъ Фонтенъ. Супруги Фонтенъ имѣли въ Лондонѣ большое музыкальное заведеніе и отдѣленія въ Парижѣ, Нью-Йоркѣ и Петероургѣ.

Миссъ Бессонъ, заручившись отъ супруга довѣренностью, продала всѣ эти заведенія, очистила кассу и въ одинъ прекрасный день внезапно исчезла изъ Лондона, захвативъ съ собой весьма солидный кушъ денегъ. Супругъ спохватился хотя и поздно; повѣривъ кассовыя книги, онъ увидалъ, что его жена похитила 175,000 лиръ, о чемъ и подалъ заявленіе въ полицію. Вскорѣ обворованнаго ожидало еще большее горе. Оказалось, что миссъ Бессонъ продала всѣ музыкальныя заведенія мужа анонимному обществу за 2,775,000 лиръ. Захвативъ съ собой всѣ эти капиталы, миссъ Бессонъ въ сопровожденіи одного молодого испанца и своей 15-тилтнѣй дочери исчезла изъ Лондона неизвѣстно куда, оставивъ своего супруга нищимъ, безъ жены, безъ дочери и безъ всякихъ средствъ. Скандалная хроника утверждаетъ, будто испанецъ, величающій себя маркизомъ де-Мачіасъ, романсировалъ и съ матерью и съ дочерью. Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ мистеру Фонтену не трудно было заручиться отъ лондонскихъ властей бумагой, уполномочивающей его преслѣдовать и поймать воровку. Заручившись этимъ документомъ, Фонтенъ отправился въ путь. Вотъ тутъ-то и начались его приключенія, передъ которыми блѣднѣютъ даже приключенія Жиль Блаза. Мистеръ Фонтенъ искрестилъ половину Франціи, всю Португалію, часть Испаніи. Во время путешествія онъ на каждомъ шагѣ встрѣчалъ массу препятствій. То его принимали за маіака, то за прусскаго шпіона, то за самозванца, бѣглаго преступника и т. д. Документы, представляемые имъ повсюду, внушали подозрѣніе: никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы мужъ по отношенію своей жены исполнялъ должность полицейскаго сыщика, поэтому мистера Фонтена не рѣдко арестовывали, наводили справки; между тѣмъ драгоценное время проходило, и злосчастный мужъ, вырвавшись на свободу, терялъ слѣды обворованной его бѣглинки и часто, какъ Офенбаховскіе жандармы, находилъ гнѣздо теплымъ, откуда птица уже вылетѣла. Наконецъ, въ Севильѣ Фонтену удалось найти свою жену, онъ съ ней встрѣтился въ то время, когда она выходила изъ отеля, гдѣ жила. Энергичная дама, увидавъ мужа, не растерялась, она бросилась на него съ криками, начала колотить и во все горло закричала: «караулъ!» Полиція и народъ, конечно, бросились на этотъ крикъ. Фонтена арестовали, но скорѣе все разъяснилось и его выпустили на свободу. Изъ полиціи полетѣла телеграмма въ Лондонъ, откуда не замедлилъ прѣхать инспекторъ полиціи: мистриссъ Бессонъ повезли въ Англію, а ея дочь временно помѣстили въ монастырь. Къ сожалѣнію, журналы ничего не говорятъ о судьбѣ quasi-маркиза де-Мачіасъ, что съ нимъ сталося — неизвѣстно.

СОВРЕМЕННЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

ПРОФЕССОРЪ А. Н. БЕКЕТОВЪ.

его долгихъ вычисленій. Старые коты довольно терпѣливо ожидали у дверей, когда ихъ выпускаютъ на свободу, за то котята поднимали невыносимое мяуканье, тогда ученый приказалъ сдѣлать маленькое отверстіе, чтобы котята могли уходить. Но тогда подняли бунтъ и большія кошки; ученый велѣлъ сдѣлать второе, но уже большое отверстіе рядомъ съ маленькимъ. Амперъ, отправляясь какъ-то въ гости, нашелъ на дорогѣ поразившій его своею формою камень. Онъ его поднялъ и сталъ разсматривать. Однако, ему вспомнилось, что ему нужно торопиться. Онъ вынулъ часы, посмотрѣлъ на нихъ, швырнулъ ихъ черезъ мостъ въ Сену, спряталъ камень въ карманъ и какъ ни въ чемъ не бывало пошелъ своей дорогой. Каждый разъ, доказывая какія-нибудь вычисленія въ политехнической школѣ, онъ вытиралъ доску своимъ носовымъ платкомъ, сморкался въ тряпку, предназначенную для вытиранія доски, и пряталъ ее въ карманъ. Дѣлая на улицѣ мысленныя вычисленія, онъ обрадовался, увидавъ передъ собою черную спинку фіакра, вытащилъ изъ кармана мѣлъ и началъ писать цифры на фіакрѣ. Фіакръ въ это время двинулся съ мѣста и ученый побѣжалъ за нимъ по улицамъ Парижа, продолжая писать. Лучше всего одинъ анекдотъ изъ жизни подобныхъ забывчивыхъ ученыхъ: одинъ геометръ, собираясь жениться, запи-

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИЗДАНИЕ С. А. АБРАМОВА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ.

Въ 1896 году, при журналѣ „Живописное Обозрѣніе“, будутъ прилагаться **БЕЗПЛАТНО** ежемѣсячно книги журнала „Домашняя Библиотека“, выходящія въ форматъ „Вѣстника Европы“ и состоящія изъ **НОВЫХЪ** литературныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей, что въ общемъ увеличитъ литературный матеріалъ для легкаго чтенія въ **ЧЕТЫРЕ РАЗА БОЛѢЕ**, сравнительно съ книжками за прошлые года.

Книги эти, по обилію и разнообразію литературныхъ произведеній, вполне замѣнятъ дорогой ежемѣсячный журналъ.

Н. Дмитриевъ-Оренбургскій

Изъ прошлаго столѣтія. Рис. профессоръ Н. Дмитриевъ-Оренбургскій.

для другихъ звѣрей. Лай собакъ, ржаніе коней, говоръ, смѣхъ оглашали тихую поляну.

Увзжая, Карлъ обернулся и увидѣлъ сцену, заставившую его улыбнуться.. Вдали отъ всѣхъ ѣхали два всадника. Одинъ былъ сенешаль Аудульфъ, низенькій мужчина, просто одѣтый, съ блѣднымъ лицомъ, степенными движеніями, сторбленный отъ занятій и чтенія. Онъ внимательно слушалъ жадно что-то толковавшаго ему еврея Исаака. Исаакъ держалъ какую-то длинную рѣчь, убѣдительно жестикулируя. Карлъ еще разъ улыбнулся.

Застучали о корни копыта лошадей. Опять завыли рога, и скоро шумная охота скрылась въ чащѣ Арденнскаго лѣса.

II.

Прошло три-четыре дня... Большой открытый дворъ аахенскаго дворца, любимого, построеннаго и украшеннаго императоромъ, кипѣлъ разнязычною, разнохарактерною толпою. Тутъ были и англосаксонскіе рыжіе, толстые монахи въ одеждѣ св. Бенедикта, и шотландскіе, мрачные, грубые, но твердые и пламенные обитатели горныхъ монастырей... Проходили, въ бѣлой изящной одеждѣ, болѣе образованные франкскіе епископы со свитою діаконовъ и привратниковъ. Кое-гдѣ блѣдлѣ тюрбанъ и сверкали глаза гордаго сарацина изъ Испаніи; знатные саксы, въ длинныхъ полотняныхъ одеждахъ, сторонились отъ лонгобардскихъ графовъ въ короткихъ пурпурныхъ плащахъ съ павлиньими перьями. Аварскіе вельможи съ заплетенными чубами, дико оглядывались на шумную толпу. Вся эта пестрая масса народа волновалась и тревожилась... Во дворцѣ было собраніе, созданное неизвѣстно для чего императоромъ.

Толпа раздалась... Черезъ нее гордо прошелъ высокій, красивый, надменный вельможа въ духовномъ одѣяніи. То былъ остготъ Теодульфъ, епископъ орлеанскій, любимецъ Карла Великаго, одинъ изъ участниковъ придворнаго кружка друзей науки и искусства, учрежденнаго императоромъ.

Теодульфъ послѣдно вошелъ въ большой покой дворца, гдѣ уже открылось за сѣданце епископовъ, ученыхъ, любимцевъ Карла. Самъ властелинъ сидѣлъ на большомъ креслѣ съ высокою рѣзною спинкой. Возлѣ него стоялъ Эрхамбальдъ, эрцканцлеръ, и держалъ наготовѣ доску для записыванія приказаній императора. Хлопотливый низенькій Эйнгардъ, тоже участникъ кружка, шептался съ товарищами... Но ни лысый, курчавый оберъ-камергеръ Мегинфридъ, ни капеланъ Карла, архіепископъ кельвскій Гильдебальдъ, ни великій ученый Алкуинъ—не могли удовлетворить любопытства Эйнгарда: — никто не зналъ, зачѣмъ императоръ собралъ ихъ... Англъ изъ Нортумберланда, «отецъ наукъ и искусства», аббатъ турскаго монастыря св. Мартина, мундшенкъ Эппинъ, виночерпій кружка Гарбердъ— всѣ были нѣсколько встревожены. Лишь стоявшій за кресломъ Карла Исаакъ хитро улыбался, да сенешаль Аудульфъ, сидя поодаль, думалъ о чемъ-то пріятномъ, такъ какъ по его губамъ слегка змѣилась радостная усмѣшка. По стѣнамъ стояли длинныя деревянныя скамьи, покрытыя алымъ сукномъ. На нихъ сидѣли въ ожиданіи монахи и епископы. Тихій

шепотъ едва нарушалъ тишину собранія. Императоръ Карлъ, нахмуренное чело котораго выказывало неудовольствіе и гнѣвъ, оглядѣлъ орлинымъ взоромъ все собраніе и, убѣдившись, что всѣ налицо, сдѣлалъ жестъ рукою; все стихло...

— Я собралъ васъ, епископы, ученые, вельможи и воины, чтобы рассказать вамъ небольшую сказку, которую слышалъ вотъ этотъ стоящій за моимъ кресломъ еврей Исаакъ. Слушайте всѣ и потомъ скажите мнѣ ваше мнѣніе. У одного короля—далеко отсюда—былъ любимецъ сенешаль, искусившійся въ наукахъ и считавшій себя умнѣе всѣхъ, презиравшій и сотоварищей и даже втайнѣ своего властелина за то, что они не довольствовались книжною, сухой мудростью, а заглядывали и въ сердце, и въ душу человѣка. Собиралъ этотъ вельможа разные амулеты, занимался волшебствомъ... Были у него чудодѣйственные травы, элексиры, волшебные камни. И жилъ этотъ сенешаль въ какомъ-то мірѣ повѣрій, чудесъ, совсѣмъ не касаясь, совсѣмъ не зная жизни. Въ самой простой вещи онъ отыскивалъ тайный смыслъ; простой плодъ былъ для него не плодомъ, а какимъ-то талисманомъ, — словомъ — онъ считалъ себя одареннымъ высшимъ зрѣніемъ, умомъ... Тогда одинъ умный еврей захотѣлъ одурочить его, вернуть мудреца на землю... Онъ взялъ крота, простого, полуслѣпнаго крота, зарѣзалъ, набальзамировалъ, окуталъ пергаментомъ съ таинственными знаками и, уложивъ въ старый ящичекъ изъ разрисованнаго краснаго дерева, отнесъ сенешалю. «Купи у меня—сказалъ еврей— великій талисманъ восточныхъ маговъ: въ немъ таится чудная сила». Жажда чудесъ охватила сенешала; онъ предложилъ еврею три фунта серебра, но тотъ съ приторнымъ негодованиемъ отвергъ такую дешевую плату. Десять и двадцать фунтовъ давалъ ослѣпленный безумецъ за негоднаго звѣрка. Но еврей воскликнулъ: «О, Господь Израиля и Авраама! За такое чудо—и всего двадцать фунтовъ! Нѣтъ, лучше я сожгу мое сокровище!» И... слушайте епископы, ученые, вельможи—сенешаль дошелъ до того, что отдалъ за бальзамированнаго крота мѣру серебра!.. Какъ нравится вамъ моя сказка, любимцы мои, сыновья мои, сподвижники мои?..

Голосъ Карла загремѣлъ какъ громъ. Онъ выпрямился и крикнулъ, меча глазами молніи...

— И этотъ безумецъ здѣсь!.. Что ты думаешь, сенешаль Аудульфъ, о моей сказкѣ?!

Неописанное волненіе охватило собраніе. Аудульфъ, то блѣднѣя отъ страха, то краснѣя отъ палящаго стыда, бросился на колѣни передъ Карломъ...

— Встань, безумецъ! Встань, ложный мудрецъ! О, поборники суевѣрія, волшебства, заклинаній, чудесъ — да послужишьъ вамъ урокомъ эта сказка...

Нѣсколько успокоившись, Карлъ прибавилъ:

— Прощаю тебя, Аудульфъ. Но дай Исааку еще мѣру серебра за то, что онъ излечилъ тебя отъ суевѣрія!..

В. Лебедевъ.

ПРИМИРЕНІЕ.

Молчи,—ни мести, ни укора!
Тоска, огонь большого взора
И блѣдность мертвая ланитъ
Большій мнѣ всякаго п зора.
Во мнѣ раскаянье кипитъ...
Въ чаду любви, въ чаду тумана
Я сталъ добычею обмана,
Скрѣпя любовь, отвергъ тебѣ,
Но сердце ѣла, ѣла рана,
И —я не могъ сдержатъ себя...
И вотъ опять мы вмѣстѣ оба,
Дитя мое, до двери гроба...
Прости меня, прости и в'рь,
Что не разлучить насъ теперь
Враговъ завистливая злоба!

Н. Боровскій.

ЗАЧАУЛИНЦЫ.

Очерки ташкентской жизни В. Губаревичъ.
(Окончаніе).

ЖАРЯДИЛИ его въ батистъ, отдали въ конюсъ... Самъ графъ его и жить училъ, возилъ его, спаивалъ... Мальчишки изъ корпуса въ особую квартиру собирались для кутежей... Тутъ графиня за границу съѣздила, и у графа свои дѣти пошли.. Не до пріемыша стало!.. Онъ, на зло, давай больше кутить... Ну, конечно, къ кому ни придетъ именемъ графа.. и всякій вѣрять... Графу надоѣло платитъ по счетамъ; призвалъ его и говорить ему: «Я тебя высылаю въ имѣнье, учись хозяйничать; будешь моимъ управляющимъ!» Тотъ пожилъ въ деревнѣ, да снова, было, явился въ городъ; къ нему вышла графиня и говорить: «Такъ какъ вы насъ ослушались, то мы съ этого дня вамъ не родные и знать васъ не хотимъ...» Ну, что было дѣлать? Надоумѣло его въ актеры, вотъ и приплелся сюда съ труппой... — А почему-же это онъ Марью Александровну такъ полюбилъ?

— Одна судьба: его люди погубили и ее тоже! Вы думаете, она веселилась — такъ и счастлива была? Иной разъ позоветъ меня,— Расскажи ей про деревню,—и сама про свою молодость, про свой хуторъ рассказывать начнетъ и плачетъ...

Мы оба замолчали... Но меня тревожила странная мысль, припоминалъ я слова капота о Каннѣ, и какія-то неясныя подозрѣнія начинали копошиться въ моемъ умѣ: ужъ не философъ-ли былъ виновенъ въ ея смерти?.. Я проводилъ старика до избушки. Тутъ мы наткнулись на тройку почтовыхъ лошадей. Передъ нею стоялъ молодой чловѣкъ Демьянинъ, ловець проѣзжающихъ. Онъ что-то рассказывалъ, указывалъ на поле. Въ гарантасѣ сидѣли двое проѣзжихъ. Увидя насъ, онъ быстро вскочилъ на переднее сидѣнье къ кучеру, и тройка двинулась дальше. За нею поѣхалъ и я.

Вскорѣ показался и городъ. Какъ-то нехотя смотрѣлъ я кругомъ. Всѣ эти сады, фруктовыя деревья, вся эта роскошь природы производила на меня въ эту минуту досадливое впечатлѣніе, потому что куплено все это было кровью и душой столькохъ людей! Подъ только-что пережитыми впечатлѣніями непріятно было смотрѣть на этотъ городъ, съ его бѣленькими чистенькими домами, свидѣтелями всѣхъ этихъ драмъ.

Двери въ кабачекъ были отперты настежь. Въ углу двѣ фигуры сидѣли за столомъ: одна — пожилой бородатый человѣкъ въ одномъ бѣльѣ, видно, упомянутый рабѣ рабочей изъ типографіи, а передъ нимъ человѣкъ въ шинели — «капитанъ», что обхаживаетъ бѣднаго рабочаго. Завидѣвъ меня, «капитанъ» толкнулъ локтемъ сосѣда и пошелъ къ двери. Это былъ противный, низенькій человѣкъ. Лицо красное, вѣки заплаканныя; мутные глаза слезились; носъ синий, грушевый... Порыжѣлая военная шинель едва прикрывала его тѣло; на ногахъ болтались калоши, на головѣ — шапка съ кокардой. Приложивъ дрожащую руку къ козырьку, онъ хрипло, торопливо выкрикивалъ, трусая за лошадыю.

— Штабсъ-капитанъ Головкинъ — рубака русской арміи, проситъ у васъ на пищу! Я открываюсь, онъ забѣгаетъ съ другой стороны.

— Бѣль раненъ въ ногу! — Онъ откидываетъ шинель, показываетъ шрамъ. — Позвольте на пищу; не ѣлъ два дня, къ службѣ неспособенъ!

Онъ суетъ мнѣ въ руку формуляръ, Боже! Пятнадцать лѣтъ непорочной службы, и чего еще вѣтъ!

— Ташкентъ бралъ! Изъ первыхъ на стѣны лѣзъ! Своею кровью врагатавили, а теперь!..

Я кинулъ ему монету; онъ на лету поймалъ ее и торжествующей, легкой походкой подбѣжалъ къ дверямъ кабака.

Вотъ и базаръ. Всегда кипитъ онъ народомъ: сарты, русскіе, жиды толкуются тутъ цѣлый день — но что это за гамъ и хохотъ и крики тамъ въ углу? — Кого-то окружила толпа? — Подбѣжалъ: — мой новый другъ въ капотѣ, философъ, откалываетъ бѣшеный таецъ. Приличные всегда сарты сидятъ полукругомъ на площадкѣ и конфузливо переглядываются... Они сдержанно хихикаютъ, а тѣ, что помоложе, забѣгаютъ передъ лицо философа, показываютъ ему языки и толкаютъ въ бокъ другихъ, которые съ притворнымъ почтеніемъ поощряютъ «господина». Капотѣ такъ развѣвается, шляпа на землѣ; британская голова безпомощно качается на плечахъ...

IV.

Снова вечеръ, снова чудная картина! Тишина... Теплый вѣтеръ колеблетъ воздухъ. Прозрачныя сумерки спускаются надъ стенью. Кругомъ ровное, сѣрое, необъятное пространство степи сходится съ синимъ еще болѣе необъятнымъ сводомъ небеснымъ, окружаетъ тебя гигантскимъ заколдованнымъ кольцомъ. Чувствуешь себя такимъ маленькимъ, ничтожнымъ...

Вотъ совсѣмъ стемнѣло... Небо засверкало, засвѣтилось искрами безчисленныхъ звѣздъ. Глядишь туда въ даль, и грустно, и въ тоже время какъ-то хорошо... Вонъ тамъ, на лѣво, эти черныя горы утонули вершинами въ туманѣ облаковъ...

Вотъ огонекъ сверкнулъ на берегу, растетъ-разгорается... Вотъ вспыхиваетъ большимъ пламенемъ костра; искры съ трескомъ летятъ въ темноту, осыпая суетящіяся фигуры у костра.

Вотъ одинъ поджигаетъ костеръ; это мой другъ въ капотѣ! А вонъ другой складываетъ рыбу въ кипящую надъ костромъ въ котлѣ воду... Одинъ убираетъ удочки. Они нетерпѣливо поглядываютъ на дорогу и прислушиваются.

— А что, господа, вѣдь сегодня рыжій приведетъ къ намъ новаго рыбакова, такъ, пожалуй, теперь завтра не придется удить? Я думаю и удочки прибрать!

Кто-то изъ изъ зачулицевъ помѣшалъ ложкой въ котелкѣ и отвѣдалъ. — А знатная

уха! И что это ихъ черти не несутъ, хлѣба теперь-бы, да рюмочку...

Всѣ кого-то ждали; размѣстившись вокругъ котелка, они прислушивались къ тишинѣ и перебрасывались незначительными замѣчаніями.

Вотъ со стороны степи подошелъ маленький человѣчекъ, толстый, въ сартовскомъ халатѣ и военной фуражкѣ; это былъ «докторъ». Его сразу обступили.

— Что, продалъ рыбу?

— Продаю.

— Всю?

— Всю!... То-есть, ту, что мы вчера наловили...

— Ужь — мы!.. Ты-то много наловил!..

— Да? А кто изъ васъ можетъ еще про- трезвиться на сутки, сторговаться, продать и деньги товарищамъ принести? Кто? — Никто!

— За сколько?

— За два рубля тридцать пять копѣекъ!

— Ну, что купилъ? Вытрясай карманы!..

— Ну, глядите! — Водки, хлѣба, соли, табаку, спичекъ.

— Молодчина, все самое нанужнейшее...

Всѣ бросились разсматривать покупки, а пришлецъ бухнулся у костра и съ жадностью потянулъ въ себя запахъ горячаго кушанья...

Къ группѣ постепенно подходили одинъ за другимъ отсутствовавшіе члены и приносили свою добычу. Вторымъ пришелъ юный мальчикъ, блѣдный, испитой, съ тупымъ взглядомъ. Онъ пошатнулся.

— Пьянъ, пьянъ! завопили всѣ въ одинъ голъ съ. — Кто тебя напоилъ?

— Врете, черти! огрызнулся мальчикъ. — Усталъ! — Онъ молча пошвырялъ въ общую кучу разные свертки и, совершенно обезсилѣвъ, отошелъ въ сторону, сѣлъ и какъ уставился глазами въ огонь, такъ и сидѣлъ, не двигаясь. Его добычу тоже разложили возлѣ припасовъ доктора, изъ мѣшка доставали вещь за вещь, громко и радостно выкрикивая: «Восьмушка чаю! Фунтъ сахару! Три деревянныя ложки! Кусокъ колбасы! Кусокъ мыла! Бутылка пива!..» «Ай, да молодчина сколько приволокъ!» — Чуть не попался, равнодушно проговорилъ мальчикъ, не двигаясь съ мѣста, — едва утекъ... А старикаго музыканта на базарчикѣ, — что у госпиталя — вздули: стянулъ кусокъ баранины у кухарки изъ корзины. Не знаю, дотачится-ли сюда!..

Къ костру постепенно подходили, одинъ за другимъ, разные люди въ куцавейкахъ, въ блузахъ и въ халатахъ, босые и въ опоракахъ, во всевозможныхъ фуражкахъ, шляпахъ, тюбетейкахъ, и одинъ даже въ цилиндрѣ; всѣ приносили добычу. Вотъ показался высокой, худой, очень пожилой человѣкъ въ кителѣ и босой, перекинувъ черезъ плечо палку съ мѣшкомъ; онъ бросилъ его на полъ... Всѣ обрадовались весельчаку. — Ухъ, усталъ! Весь городъ исколесилъ сегодня! Важно насбиралъ, полно мѣшокъ, едва доперъ!.. Эхъ, кто меня любитъ, кто обожаетъ — душа Катенька! — затушилъ онъ басомъ и, насыпавъ бумагу махоркой, закурилъ...

— Послушай, братъ, ты не встрѣчалъ старикаго музыканта? Его побили, гдѣ онъ?

— Плетется! Живучъ какъ кошка... Далеко еще, вонъ онъ тамъ мнѣ въ мѣшокъ сложилъ фунтъ свѣчей, да жестяной кофейникъ. Еще, хорошо, сарты не тащатъ его въ тюрьму: — не любить, сами расправляются! Ахъ, да — еще онъ мнѣ сунулъ тамъ катушку нитокъ! Изъ мѣшка были извлечены куски разнаго хлѣба, булокъ, печеній,

бабъ, пироговъ, старше штиблеты, куски жаренаго мяса и, наконецъ, при общемъ крикѣ восторга, жареная курица.

— Все это мнѣ дали, говорилъ китель, — а это я самъ взялъ! — и онъ показалъ хорошія стальные ножницы. — Давно искалъ случая, безъ ножницъ, что безъ рукъ! Я еще вамъ рѣскажу, какъ я эту курицу досталъ...

Все было разложено, всѣ собрались и усѣлись кругомъ...

Ужинали всѣ съ жадностью... Дошли до курицы.

— Вотъ, слушайте, если хотите знать, это любопытно. Прихожу къ окну генерала Максимова, заглянулъ — думалъ стянуть съ трюмо канделябру; гляжу, столъ накрытъ, хрусталь, серебро — слюнки потекли... Видно, завтракъ парадный... Барышня, дочка его, бѣленькая, стоитъ у стола и смотритъ, все-ли въ порядкѣ. Я просунулъ за завѣску голову. «Сударыня!» — Дѣвочка вздрогнула, хотѣла бѣжать — но я остановилъ ее. «Вы собираетесь курицу кушать, а я два дня и вовсе ничего не ѣлъ». Она вслѣдъ встала, быстро схватила со стола курицу и сунула мнѣ въ мѣшокъ.

— И какъ это ты ее не слопалъ — эту курицу?!

— Ну, да такъ! Думаю, вмѣстѣ!

— Приказчикъ изъ москательной загулялъ, — теперь, господа, мой чередъ подпаивать... — заговорилъ «докторъ», но осѣкся: на него устремились изумленные, негодующіе глаза «учителя».

— Да, твой чередъ! Ну, Миша, не зѣвай...

— Эхъ, кабы мнѣ! проговорилъ весельчакъ. — Я бы его мигомъ. И въ прошлый разъ, когда онъ шилъ, будь около него я, а не «баринъ», пожалуй, и привелъ-бы! — Всѣ оглянулись на учителя, а «весельчакъ» продолжалъ: — Первое, надо побольше въ дружбу влѣсть; бѣльное мѣсто узнать и колотъ, да отчаянность или задоръ разбудить... Тогда поквитаться на рыскахъ; потомъ поскорѣе надо одежду пропитать, тогда его стыдъ возьметъ. Онъ тутъ такъ и засядетъ въ кабакѣ, а тамъ съ остальными, какія у него уцѣлѣли, деньгами сюда тащить. Да, я еще все про курицу не досказалъ... Сунула она мнѣ курицу и отвернулась, а я раскланялся и беззешку ей послалъ. «Ихъ данке-съ, фрейлейвъ!»

— Ха, ха, ха!.. Это онъ босыми-то ногами шаркаетъ!

— А что, господа, гдѣ это нашъ штабсъ-капитанъ? Что-то не ѣдетъ и не приводитъ свою добычу; день ото-дня оттягиваетъ!

— Когда? Въ прошлую субботу тотъ мастеровой зашил; ровно, значитъ, недѣлю. На третій день ихъ ужъ вмѣстѣ видѣли, обнявшись; рабочій уже готовъ: безъ сапогъ и въ одной рубашкѣ.

— Долженъ былъ еще вчера привести, а все вѣтъ!

— Ишь, понравилась ему очередь!

— Полно! Нашъ старикъ молодецъ. Онъ не продастъ друзей, онъ, вѣрно, что-нибудь затѣялъ!

— А вѣдь хорошая это «очередь». Поймай только подгуляваго, да пристройся! А тутъ ужъ гуляй въ волю!.. Пей, ѣшь, веселись! А тамъ тащи къ нашимъ.

— Въ коммуны, братъ, въ коммуны! Только жаль, рѣдко «очередь» выпадаетъ! Народъ сталъ дрянъ, настоящаго разгула не знаетъ!

Я глядѣлъ на эту группу людей и не рѣшался выйти; хоть костюмъ я и перемѣнилъ,

хоть и выфрантился я въ пиджакъ квартирнаго хозяина, но все-же я трусилъ показаться изъ-за куста камыша. Но вотъ мой другъ въ капотѣ всталъ и хотѣлъ уходить; нечего было терять времени, я выступилъ въ полусвѣтъ...

— Кто это?—Недружелюбныя лица, удивленные взгляды встрѣтили меня. Я молчалъ. Мой другъ въ капотѣ поглядѣлъ на меня, сначала не узнавъ, потомъ радостно просіялъ и кинулся ко мнѣ. Онъ съ жаромъ пожималъ мои руки и громко воскликнулъ, обращаясь къ своимъ:

— Друзья! рекомендую вамъ моего стараго знакомаго друга и товарища. Это тоже актеръ!

Лица мигомъ измѣнились, мы раскланялись. Они привѣтливо разступились и освободили мнѣ мѣсто у костра. Я сѣлъ, мой другъ рядомъ со мною; я досталъ кстати угощеніе: водку, колбасу, сыръ...

Всѣ съ жадностью ѣли и пили, позабывъ обо всемъ на свѣтѣ. Бутылка передавалась изъ рукъ въ руки, и каждый съ нетерпѣніемъ ждалъ своей очереди. Изъ бутылки полагалось сдѣлать по четыре глотка и передать ее другому, и надо было видѣть, какъ слѣдилъ каждый, чтобы глотковъ не было больше четырехъ и въ то-же время, какъ пьющіе старались сдѣлать глотокъ побольше. Колбасу просто разорвали на части... Тяжелое впечатлѣніе производила вся эта толпа голодныхъ людей,—можетъ быть, когда-нибудь сидѣвшихъ въ избранномъ обществѣ за гастрономическимъ ужинкомъ съ шампанскимъ!

Одинъ другъ мой не ѣлъ, да еще учитель...

— Что-же вы не кушаете?—спросилъ я перваго.

— Когда я взволнованъ, то ничего не могу ѣсть! Мнѣ надо рѣшить!.. Вонъ тѣнь отъ костра. Это луна... При лунѣ все лучше, красивѣе; и вотъ тутъ я не могу понять, что эта тѣнь говоритъ?.. востокъ... Тамерланъ, киргизскіе аулы?.. нѣтъ, нѣтъ, не то, все не то!.. Солнечная система? загадочное... великое нѣчто, мірозданіе?.. Да, нѣтъ-же, нѣтъ... Донъ-Жуанъ?.. любовь?.. Да, любовь!.. вотъ-вотъ поймалъ!.. Любовь! Тѣни и мысли бѣгутъ; трудно поймать, но я поймалъ! любовь!.. Сердце растеть... растеть, что-то къ горлу подступаетъ!—На глазахъ философа показались слезы. Никто не глядѣлъ на насъ; всѣ были заняты ѣдой, только учитель мрачно смотрѣлъ на огонь.

Вдругъ кто-то крикнулъ:—А что, господа, если-бы къ намъ теперь кого изъ нашихъ прежнихъ собутыльниковъ, хоть бы генерала Штерперца?—Учитель поднялъ голову и сталъ жадно прислушиваться...

— Да ничего! послышались голоса.—Наплевать, кто ни приди!

— А что бы вы сдѣлали, еслибы кто изъ вашихъ родныхъ появился? спросилъ вдругъ учитель и голосъ его дрогнулъ.—Ну, хоть сынъ?..

— Я-бы?—отвѣтилъ философъ,—убѣжалъ-бы, какъ Каинъ, въ чужія земли!..

Всѣ какъ-то притихли.

— А тоска, тоска! Умерь-бы, вотъ умерь-бы, сгинулъ! воскликнулъ вдругъ учитель дрожащимъ голосомъ, всталъ и пошелъ; докторъ за нимъ; никто не остановилъ ихъ, не спросилъ, тутъ, видно, ко всему привыкли...

— Это наши меланхолики! Имъ сдѣлано, какъ и другимъ, глупое внушеніе о смерти, но этотъ учитель—это просто маньякъ смер-

ти!—прошенталъ философъ. Въ эту минуту раздался стукъ колесъ, показалась арба, съ нея спрыгнулъ штабсъ-капитанъ, бравшій Ташкентъ, а за нимъ неловко сиустился какой-то человекъ съ пьяной глупой рожей, въ одномъ бѣльѣ... Это былъ мастеровой, что сидѣлъ въ кабачкѣ! Штабсъ-капитанъ весело распорядился. По его указаніямъ, изъ арбы вытащили четверть водки, ящикъ пива и еще что-то. Онъ вынулъ десять рублей и бросилъ въ толпу.

— Откуда это?

— Изъ хозяйской выручки!

— Ура! ура!—Всѣ кинулись къ пріѣзжимъ и подняли ихъ на воздухъ. Деньги собрали и отнесли учителю, который не успѣлъ еще далеко уйти.

— Учитель, учитель! Возьмите деньги, спрячьте!

Учитель остановился, онъ грустно глянулъ на догнавшихъ:

— Избавьте, избавьте меня! Я, можетъ быть, не вернусь сегодня назадъ!

— Ничего, ничего. Возьмите, спрячьте! Вѣдь когда деньги у васъ, мы спокойны... Пожалуйста...

— Хорошо. До завтра!—загадочно прошенталъ учитель.—Положу я ихъ за подкладку, карманъ продранъ!

Я обернулся къ «капоту», онъ улыбнулся мнѣ, и въ первый разъ дурное чувство зависти мелькнуло въ его лицѣ.

— Всегда такъ! Всѣ деньги ему на храненіе! Вѣдь терпѣть его не могутъ за честность, а деньги ему-же отдають хранить... И, знаете, — чудо! — валяется гдѣ попало пьянъ, а приди, вынь деньги, посчитай—всѣ!

Изъ арбы достали карты.—Ура!—да здравствуетъ новичекъ, ура!—раздавалось въ воздухѣ.

Снова подхватили пріѣзжихъ и подбросили на воздухъ. Глупая рожа рабочаго выражала самодовольство, онъ ухмылялся.

— Ну, началось! проворчалъ философъ.—Надо уходить! Не люблю я этой ватаги!.. Не могу привыкнутьъ къ нимъ, не могу и не привыкну! Эта проклятая болѣзнь бросила меня сюда!..

Новичка тѣмъ временемъ обступили, назвали ему свои имена, усадили въ кружокъ у костра. Изъ четверти выливали водку въ бутылки, наконецъ, бутылки съ водкой пошли по рукамъ.—Говорили отрывисто, какъ и всѣ голодные, дорвавшіеся до ѣды.

Новичекъ вдругъ раскинь и началъ хныкать:

— Вотъ все пропилъ! Было двѣ пары сапогъ—пропилъ!.. Пара штиблетъ!..

— Эхъ, братъ, все это дрянъ! Чувъ, о которой не стоить и вспоминать! За то друзей приобрѣлъ!—Выьемъ, брать!

Новые друзья выпили!..

— Вотъ какъ по нашему!—воскликнулъ весельчакъ, подмигивая собранію, и такъ увлекательно воскликнулъ, что мнѣ вдругъ ужасно захотѣлось все спустить, и я даже конфузливо поглядѣлъ на свой пиджакъ, казавшійся мнѣ дома такой ветошью и выглядѣвшій тутъ чуть не царскимъ нарядомъ!..

— Выьемъ!—Попойка разгоралась. Капотъ наклонился и шепталъ мнѣ:—Вотъ, видите сами,—хороши! Вотъ они теперь заняты; уйдемте, я хочу похоронить мое сокровище и сонъ!.. Мнѣ пришла эта мысль потому, что я боюсь его потерять, или кто-нибудь украдетъ и тогда... это страшное видѣніе опять одолѣетъ мою бѣдную голову... Слышите? слышите!.. оно просить, оно умо-

ляетъ, чтобы его не зарывать! А-а... вотъ и мой чередъ торжествовать! Не сегодня зарюю я тебя! Нѣтъ, дай прежде насладиться твоимъ мученіемъ!—Философъ досталъ рукопись, оттуда выпалъ конвертъ, философъ быстро его подхватилъ и подозрительно уставился на мое лицо; но я сдѣлалъ самую равнодушную мину.

— Зачѣмъ-же вы ее таскаете съ собой, непременно потеряете!

— Никогда! Я днемъ и ночью, ежечасно, ежеминутно помню о немъ! Не было еще мгновенія, чтобы я позабылъ о немъ!—Философъ наклонился къ уху и шепнулъ:—Я пошу его съ собой, чтобы мучить, будто собираюсь его хоронить!.. Пойдемте прочь!

Мы шли вдоль берега. Философъ мечтательно глядѣлъ на луну...

— Вы любилъ?—обратился онъ вдругъ ко мнѣ и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ:—Я считаю себя счастливымъ потому, что любилъ! Какъ я жалѣю тѣхъ, кто не испыталъ этого чувства, этихъ бурь радости и отчаянія... Я любилъ... вотъ она!..

Онъ протянулъ мнѣ руку съ конвертомъ.—Посмотрите!.. Я развернулъ конвертъ, досталъ фотографическую карточку, завернутую въ почтовую бумагу, исписанную стихами.

— Стихи мои! Ихъ не читайте—не хочу! И ее смотрите скорѣе, да не держите такъ близко ко мнѣ, я не хочу видѣть!..

Съ портрета на меня глянули большіе каріе глаза, черные волосы большими косами падали по плечамъ, въ лицѣ было что-то грустное и въ то-же время веселое. Я засмотрѣлся!..

— Бросьте! Не могу больше!..—Я завернулъ карточку и отдалъ конвертъ ему. Онъ поцѣловалъ его.

— Милая, милая женщина!.. Она тоже не вѣрила въ смерть. Безъ нея пусто, пусто!.. Они ее живую зарыли, а какая она милая лежала въ гробу. И они сказали, что я сумасшедшій!..

— Ради нея,—сказалъ я,—ради ея памяти вамъ надо не такъ жить, не опускаться! Вѣдь она васъ видитъ!..

Философъ глянулъ на меня, въ глазахъ мелькнула какая-то радостная искорка и снова потухла!..

— Поздно... шепнулъ онъ, и губы его перднернуло... Мы помолчали, потомъ онъ вдругъ взялъ меня за руку и быстро заговорилъ:—Такъ вы жалѣете меня? Можно къ вамъ приходите?—Онъ сунулъ карточку въ рукопись и спряталъ все за пазуху.

— Это и было ваше сокровище, о которомъ вы утромъ не хотѣли говорить,—карточка?!

— Да, это единственное мое сокровище! Главное, надо беречь сонъ... Пока рукопись сдѣла, я покоенъ. Если ее уничтожить или потерять, сонъ насадеть на меня второй разъ, и я не выдержу, я съ ума сойду... Нельзя-ли къ вамъ сейчасъ?

— Можно!

Мы пошли!..

— Говорятъ, ее удушили?—вдругъ ни съ того, ни съ сего заговорилъ онъ, но я уже зналъ, о комъ идетъ рѣчь!..

— Удушили? кто-же?

— Все равно! Она жива, хоть ее и зарыли живую въ землю! Она жива... она со мною, я ее чувствую!.. Она зоветъ меня, слышите? Прощайте, я пойду къ ней!—И онъ внезапно повернулся и исчезъ!..

Проѣхавъ версты четыре, я пустил поводъ и двинулся шагомъ... Луна скрылась,

но было довольно светло. По бокам тянулись фруктовые сады. Показался запущенный, заглохший пустырь. Подъ деревом сидели двѣ фигуры; по голосамъ узналъ я учителя и доктора...

— Пойдемъ къ нимъ! говорилъ докторъ.— Пойдемъ, вышьемъ—въ картишки сыграемъ! — Не могу, противно мнѣ! Иди одинъ!..

— Ну, ужъ посижу! Всю жизнь, худо-ли хорошо-ли, а всю жизнь неразлучны,—куда же я безъ тебя!

— А хороший ты, Миша!

— Бываютъ хуже—да рѣдко!..

— А что? Хотѣлъ-бы ты вернуть прошлое?

— Нѣтъ! Моя жизнь такая дрянная, что ни одного, кажется, дня не припомнишь, чтобы вновь пережить захотѣлось! Да и какъ-то все равно стало; кажись, приди теперь отецъ родной, такъ и то все равно...

— А если-бы жена?

— Опять! То жена, то сынъ! Да что ты! Скажи мнѣ, ужъ не ѣдетъ-ли сюда жена твоя?

— Ну, а что-бы ты тогда на моемъ мѣстѣ сталъ дѣлать? Обрадовался-бы?

— Женѣ?.. Нѣтъ, чортъ съ нею! Не падо мнѣ никого!..

— А въ Россію не хочешь? Уѣдемъ-ка мы съ тобой, голубчикъ, отсюда съ партией старыхъ солдатъ на родину! Увидимъ тѣ мѣста, гдѣ мы лучше были, были чистыми... юношами!.. А помнишь, какъ мы мечтали?— Лицо доктора стало размягчаться.

— Ну, гдѣ-ужъ намъ, такимъ страшнымъ, на родину!..—Да! славная была твоя женка!—прибавилъ затѣмъ докторъ.—На акушерскіе курсы пошла!..

— Ну, что-жъ! тихо проговорилъ учитель.— Жертвы всегда нужны... Но все это ничего, а какъ вспомяни этотъ скандалъ... Боже, и теперь щепки пылаютъ!.. Но главное—струсила! Пусти тогда пулю я себя въ лобъ!.. Трусъ... Подлецъ и трусъ... Силь нѣтъ! И знаешь, трусу легче отравиться, чѣмъ застрѣлиться, потому что онъ утѣшается инстинктивнымъ сознаниемъ, что смерть не сейчасъ-же наступитъ!..

— Ну, ужъ если-бы я рѣшилъ, я-бы повѣсилъ!

Учитель взглянулъ на доктора и вздрогнулъ!..

— Товарищъ мой дорогой! Давай еще поговоримъ о томъ милымъ времени... Вспомни, какъ мы ѣхали! А Марья Ивановна твоя! Какая она была хлопотливая хозяйка!..

— И зачѣмъ ты ворошишь мнѣ душу!? Не возвратишь!—Голосъ доктора задрожалъ. — Лучше вспомни, какъ пріѣхали мы въ Ташкентъ, и Маша хлопотала... Тутъ ее въ первый разъ этотъ проклятый Пастуховъ увидалъ и плѣнился.

— А хотѣлъ-бы ты ее увидѣть?

— Ее?.. Въ такомъ видѣ?!. Лучше удавись!..

Учитель порывисто воскликнулъ:

— Да, лучше удавиться!..

Слышно было, какъ онъ рѣшительно всталъ съ земли!..

— Идемъ, братъ, къ нимъ! Идемъ! сказалъ онъ.

— Идемъ! Ужъ напысь-же я сейчасъ!..

V.

Костеръ догоралъ. У костра на землѣ валялись фигуры, кто какъ попало. Сидѣло только двое, и тѣ безсвязно жаловались и хныкали, обнявшись и не слушая другъ друга... Только слышалось чи-то рыданья: это блѣдный мальчикъ рыдалъ во снѣ, вѣрно,

снилось ему его дѣтство, его мать!.. Докторъ быстро подошелъ къ двумъ сидящимъ. Онъ и не замѣтилъ, какъ учитель отошелъ отъ него, и скрылся къ камышамъ. Тамъ онъ сѣлъ на камень и вынулъ изъ кармана письмо. Онъ то читалъ, то шепталъ... прижималъ письмо къ груди:—Милый, милый мальчикъ! «Пріѣду приглубить, успокоить старика!..» Голубчикъ! Меня-то ты «папой» называешь, меня... «Пріѣду; ты, вѣрно, усталъ!» Нѣтъ, невозможно! Стыдъ, поздно... лучше смерть... Боже мой! Зачѣмъ все это? Зачѣмъ узналъ я, что у меня есть сынъ, что онъ помнитъ меня, что я могъ-бы... О, милый, дорогой мальчикъ! Ты великодушень, но я не хочу, не могу!.. Прости!.. Я уйду съ твоей дороги! Пріѣхать сюда и застать здѣсь эту старую, подлую, надую гадину!.. За что!..

Старикъ разорвалъ письмо на части и бросилъ доскутки бумаги. Направившись затѣмъ къ городу и достигнувъ его, онъ обернулся, свернулъ въ какой-то переулокъ — и исчезъ въ большомъ саду...

На другой день весь городъ говорилъ о странномъ происшествіи: — «Зачаулицецъ учитель повѣсился въ фруктовомъ саду»...

— Ну, туда ему и дорога!—говорили одни.— Пора ему было покънчить!—говорили другіе. Только одинъ человекъ плакалъ, рвался надъ трупомъ.. Это былъ старый докторъ! Онъ рвалъ свои сѣдые волосы и билъ себя кулакомъ въ грудь.

— Старый я дуракъ! Ну, какъ могъ я оставить его?! Голубчикъ мой!.. И какъ это я не догадался! Вѣдь, видно было, что онъ что-то затѣваетъ!..

Благотворительное общество хотѣло похоронить несчастнаго на свой счетъ, но зачаулицы отказались. Они достали изъ-за подкладки покойнаго зашитые десять рублей — и справили все, что нужно было... Странно было видѣть этотъ нестройный corteжъ за гробомъ! Эти опухшія лица смотрѣли такъ грустно, торжественно... Мой другъ въ капотѣ печально качалъ головой и говорилъ:

— Вѣдь, говорилъ я, гоните прочь мысль о смерти! Вотъ и болѣвъ не былъ, а умеръ...

Гробъ опустили въ вырытую въ концѣ кладбища яму. Докторъ печально присѣлъ на свѣжемъ холмѣ.

Всѣ поняли его желаніе остаться одному и незамѣтно удалились...

К О Н Е Ц Ъ .

Судьба двухъ портретовъ.

Рассказъ Кандасъ Уилера.

САМЫМЪ замѣчательнымъ предметомъ въ комнатѣ былъ портретъ. Можетъ быть, это происходило оттого, что изображенная на немъ фигура носила отпечатокъ непринужденной граціи, которая бываетъ естественною и неотъемлемою принадлежностью красивой женщины, но никакъ не ея портрета.

Она смотрѣла съ холста прямо передъ собой, какъ-бы прислушиваясь къ чему нибудь или кому нибудь, интересующему ее. Въ одной рукѣ, свободно лежащей на другой, она держала розу, цвѣтъ которой былъ гораздо гуще облекавшаго ее ярко-розоваго бархатнаго платья. Постановка головы на стройной полной шеѣ напоминала граціозный наклонъ лиліи, а темно-каштановые волосы, вившіеся

надъ ея лбомъ двумя волнистыми завитками, легкими, какъ кольца дыма, раздѣлялись по срединѣ едва уловимою полоскою пробора, придававшего оттънокъ величаваго благородства всему лицу.

Овалъ, самъ по себѣ, былъ безукоризненъ, съ бровями, соответствовавшими изгибамъ волосъ, между тѣмъ, какъ открытый взоръ и твердый, улыбающийся ротъ производили впечатлѣніе душевнаго благородства и вѣшняго совершенства.

Помимо того, что портретъ этотъ былъ изображеніемъ красивѣйшей изъ женщинъ, онъ самъ по себѣ представлялъ произведение искусства высшаго достоинства. Общая прелесть его и-грація довершались необычайною законченностью. Нѣжность тѣла со всѣми его мягкими оттънками, роскошныя массы волосъ, розовый цвѣтъ бархата на платьѣ, воздушная ткань кружевъ, волнами ниспадавшихъ съ ея бѣлыхъ плечъ, переданы были мастерскою рукой, привычною къ созданію иллюзій, при точной передачѣ аксессуаровъ.

Въ чѣмъ-же заключается торжество художника, какъ не въ воспроизведеніи красоты, реальномъ до осязаемости, въ передачѣ изящества со всѣми его тонкостями, въ точномъ подражаніи дѣйствительности. Предметы, доступные нашему зрѣнію, осязанію и чувству, составляющіе принадлежность нашей жизни, бывають не столь долговѣчны, какъ художественное воспроизведеніе живописцемъ, которое часто переживаетъ дѣйствительность, когда послѣдняя превращается въ тлѣнь и прахъ.

Можетъ быть, именно это и чувствовалъ мужчина, сидѣвшій передъ портретомъ, погруженный въ созерцаніе изображенія своей покойной жены. Онъ страстно любилъ ее, исключительно жилъ ею и для нея, насколько подобное чувство доступно только честолюбивому человѣку, избалованному успехами въ жизни.

Пока она была жива и принадлежала ему всецѣло, онъ едва ли сознавалъ существованіе другихъ женщинъ на свѣтѣ. Красота ея содѣйствовала его славѣ, добротою ея онъ гордился, равно какъ ея умомъ и любезностью, а между тѣмъ, сидя теперь передъ ея изображеніемъ, ярко освѣщеннымъ лампой, чувствуя, что она составляла живую, существенную часть его жизни, онъ говорилъ себѣ тѣмъ не менѣе, что, не дальше какъ завтра, онъ вступаетъ въ бракъ съ другою женщиной.

Онъ невольно спрашивалъ себя, неужели это дѣйствительно возможно? Вѣдь та, что изображена на портретѣ, такъ реальна и дорога ему, почти столько-же, какъ еслибъ она въ дѣйствительности присутствовала въ комнатѣ, сидя тутъ во плоти и словами отвѣчая на его мысли; а между тѣмъ въ эту самую библиотеку, гдѣ царилъ его Лилли въ своей безсмертной красотѣ, онъ собирался на глазахъ ея ввести другую женщину, въ качестве своей жены.

Поступокъ этотъ представлялся ему въ ужасающемъ видѣ. Онъ испытывалъ ощущеніе кошмара, отъ котораго желалъ-бы очнуться и убѣдиться, что онъ еще не связанъ никакими подобными путями.

Но почему-же—разсуждалъ онъ самъ съ собою,—предстоящій шагъ его представлялся ему такимъ ужасающимъ? Онъ любилъ одну женщину и утратилъ ее,—затѣмъ снова любилъ другую и побѣдилъ ее. Въ фактѣ этомъ не было ничего страннаго и необычнаго. Къ тому-же, эта новая привязанность